

UCI University of California, Irvine

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

6

Тбилисские встречи

Октябрь-декабрь 2000 г.

Ирвайн
2001

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2001 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

Содержание

Foreword	5
Предисловие	7
Теледискуссия: Народная дипломатия на примере грузинско-абхазских отношений	9
Теледискуссия: Экономические санкции против Абхазии	23
Встреча в Кавказском институте мира, демократии и развития	47

FOREWORD

This is the sixth volume in a series of publications resulting from dialogues on various aspects of the Georgian-Abkhaz conflict. The project is sponsored by the University of California, Irvine, with funding from The William and Flora Hewlett Foundation.

The transcripts in this volume were from dialogue meetings held in Tbilisi in October and December, 2000. The transcripts were edited to avoid repetition and to enhance clarity. The editors made no substantive changes to participants' remarks.

The Abkhaz participants in the December meetings were six members of nongovernmental organizations – the Centre for Humanitarian Programmes, the Foundation for Citizen Initiatives and People of the Future, the Centre for Democracy and Human Rights, the Association of Abkhazia Women. They were Arda Inal-Ipa, Manana Gurgulia, Natella Akaba, Batal Kobakhia, Dalila Pilia, and Abesalom Lepsaya – project participants who have been involved in several peacebuilding activities and have expressed their perspectives on the conflict in articles that they have written for the project publications (see the website below). While they were in Tbilisi they met with diverse groups of the Georgian nongovernmental sector, journalists and officials, including Members of the Georgian parliament, and the Georgian Minister of Justice. Since September 1997 this was the tenth series of meetings that UCI sponsored projects have convened. The main goal of the Abkhaz groups' visit to Tbilisi was to widen the circle of people participating in citizen dialogues. This was the project's goal in December 1999 when a group of Georgian academics visited Abkhazia to participate in a series of public meetings.

The atmosphere of the dialogue meetings in Tbilisi was positive. Despite the diverse and sometimes diametrically opposed opinions that were expressed, the discussions were constructive and avoided confrontation. During the entire visit participants appeared to feel that the dialogue was important and necessary.

The topics of discussion at the meetings were perceptions about the roots of the conflict, assessment of the current situation, complexities of the conflict issues, economic sanctions against Abkhazia, acceptance of responsibility for the conflict and subsequent developments, models of relations between the two sides, and prospects for citizen peacebuilding. All the discussions demonstrated that people feel the need to express their opinions and be heard by the other side.

Abkhaz participants were impressed by the professionalism of the Georgian journalists who interviewed them, including the journalists from Studio Re and Rustavi-2. They felt that the journalists showed much interest in the

meetings and the Abkhaz group. The talk shows taped by Studio Re were shown on Georgian TV, the December show about economic sanctions against Abkhazia – even twice: in December and in January; early in February it was also broadcast by the independent radio “Mtsvane Talga” (“Green Wave”). Parts of the December show were shown on Abkhaz TV, and it is hoped that the whole program, translated into Russian, will be aired on Abkhaz TV.

Participants in the dialogue concluded that it is necessary to discuss all issues that are on people’s minds and not to avoid any painful subjects. This is a long-term process that both Georgian and Abkhaz communities cannot avoid. Such a dialogue will help widen the circle of people who support the peace process. It was noticeable that people who had participated in other peacebuilding meetings where they had the opportunity to speak their minds and be heard were more likely to talk about current and future issues in the peace process rather than about past grievances.

Therefore the project participants have concluded that they need to continue such visits to each others’ communities, to involve in the dialogue as many people as possible on both sides, and to give them the opportunity to express their opinions and be heard. This will make each visit more constructive than the previous one.

We welcome your feedback on this and other volumes as we plan future activities. The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

The complete Russian publications and some English abstracts are available on the internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking/pubs.html>.

We are grateful to the staffs of the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development and the Centre for Humanitarian Programmes for their major contributions to the editing and publishing of this volume.

Arda Inal-Ipa,

The Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili,

The Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb,

The University of California, Irvine, Center for Global Peace and Conflict Studies

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это уже шестой выпуск серии публикаций, возникшей в результате продолжающегося диалога о различных аспектах грузино-абхазского конфликта. Спонсор этого проекта – Калифорнийский университет в г. Ирвайне, финансируется он Фондом Уильяма и Флоры Хьюлит.

Этот том составлен по записям дискуссий, состоявшихся в октябре и декабре 2000 г. в Тбилиси. Во избежание повторов и невнятицы, записи были отредактированы, но высказывания участников воспроизводятся без каких-либо существенных изменений.

С абхазской стороны в декабрьских встречах участвовало 6 членов абхазских неправительственных организаций (Центр гуманитарных программ, Фонд Гражданская инициатива и человек будущего, Центр поддержки демократии и прав человека, Фонд поддержки прав человека и гражданского общества, Ассоциация женщин Абхазии) – Арда Инал-Ипа, Манана Гургунлиа, Нателла Акаба, Батал Кобахия, Далила Пилия и Абесалом Лепсаа — те участники проекта, которые к настоящему моменту уже имели определенный опыт участия в миротворческой деятельности и имели возможность выражать свою позицию, свое видение конфликта в статьях, опубликованных в сборниках, посвященных гражданской дипломатии. На протяжении трех дней они приняли участие в теледискуссии, побывали в грузинском парламенте, встретились с представителями самых разных НПО, журналистами и некоторыми официальными лицами (включая министра юстиции). Это была уже десятая серия встреч под эгидой Калифорнийского университета (первая такая встреча состоялась в сентябре 1997 г.) Основной целью визита абхазской делегации в Тбилиси было расширение круга людей, участвующих в гражданском диалоге конфликтующих сторон. Такая же задача ставилась и в декабре 1999 г., когда группа грузинских ученых посетила Абхазию для участия в серии встреч (см. сборник №3).

Все встречи в Тбилиси проходили в конструктивной атмосфере. Несмотря на разнообразие, а часто и противоположность мнений, дискуссии велись достаточно сдержанно, без агрессивных выпадов. Осознание всеми участниками важности и необходимости происходящего диалога, несмотря на различие позиций, было общим ощущением от общения в течение этих дней.

На встречах обсуждались различные проблемы – представления о корнях конфликта, оценка современной ситуации, сложности процесса урегулирования, экономические санкции, проблема взятия ответственности за происшедшие события, модели возможных взаимоотношений сторон, перспективы гражданского миротворчества. Все обсуждения продемонстрировали существующую у людей необходимость высказаться, выразить свою точку зрения, чтобы она была услышана противоположной стороной.

Хочется отметить профессиональную работу грузинских журналистов (особенно работников Студии Ре и Рустави-2). Проявляя активный ин-

терес к встречам, к абхазской делегации, журналисты задавали вопросы, способствовавшие развитию дискуссий в конструктивном направлении. Обе теледискуссии, отснятые в Студии Ре, передавались по грузинскому телевидению, а декабрьская дискуссия об экономических санкциях – даже дважды: в декабре и повторно в январе (в начале февраля ее передала и независимая радиостанция “Зеленая волна”). Эта дискуссия была показана (в отрывках) и по абхазскому ТВ. Мы надеемся, что в скором будущем абхазское телевидение покажет ее полный русский перевод.

Участники диалога пришли к выводу о необходимости обсуждения всех интересующих вопросов, не оставляя непроговоренными даже самые болезненные темы. Конечно, такой обмен мнениями потребует достаточно длительного времени, но прохождение этого этапа необходимо и для грузинского, и для абхазского общества. Подобный диалог будет способствовать расширению круга сторонников мирного процесса. Было заметно, что те, кто принимал участие в предыдущих встречах и уже имел возможность высказаться и быть услышанным, реже концентрировались на проблемах прошлого и больше старались говорить о настоящем и будущем, о возможностях урегулирования.

Цель этих поездок как раз и состоит в том, чтобы вовлекать в диалог как можно больше людей по обе стороны конфликта, чтобы они могли высказаться и быть услышанными, чтобы в будущем они могли подключиться к более конструктивному уровню общения. В результате с каждой новой встречей диалог будет приобретать все более конструктивные очертания.

Мы будем рады вашим откликам как на этот, так и на будущие выпуски – они пригодятся для планирования дальнейшей деятельности. Вы можете связаться с редакторами и координаторами проекта по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, paatazak@access.sanet.ge, Abkhazia_NGO@yahoo.com.

Полный текст публикаций на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://hypatia.ss.uci.edu/gracs/peacemaking/pubs.html>.

Мы благодарны сотрудникам Кавказского института мира, демократии и развития (Тбилиси) и сухумского Центра гуманитарных программ за их большую помощь при редактировании и издании этого тома.

Арда Инал-Ипа,
Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили,
Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб,
Центр исследований миротворчества и конфликтологии,
Калифорнийский университет, Ирвайн

Теледискуссия: **Народная дипломатия на примере грузинско-абхазских отношений**

Дискуссия состоялась в Студии Ре 13 октября 2000 г.

Передавалась в эфир по II каналу грузинского телевидения 17 октября 2000 г.

Давид Пайчадзе, ведущий передачи: Вот уже пятый год встречаются представители общественного сектора Абхазии и Грузии. В первую очередь, я хотел бы, чтобы участники этих встреч вкратце охарактеризовали их итоги.

Паата Закареишвили, Кавказский институт: Пять лет – довольно короткий срок для истории. По моим оценкам (а я давно участвую в разных встречах), достижений много. К сожалению, они не влияют непосредственно на конфликт, исход которого решают политики – должно быть политическое решение. Но и в абхазском обществе, и в грузинском есть люди, у которых не хватает терпения ждать затяжного политического решения. Поэтому они начали активно работать, искать формы диалога, чтобы восстановить мосты доверия – точнее, строить их заново (по-моему, мостов уже не было), чтобы политикам было легче разрешить этот конфликт. Мы часто слышим, что народы не готовы к разрешению конфликта, к тем или иным реформам и решениям. Мы считаем, что народы будут готовы к этому, если с ними работать. Надо, чтоб было желание работать.

Я могу смело сказать, что за эти пять лет между теми людьми, кто участвует в диалоге, установилась очень высокая степень доверия, и мы можем открыто обсуждать любые темы.

Батал Кобахия, Центр гуманитарных программ: Почему только пять лет? Я думаю, что диалог на уровне народной дипломатии идет достаточно давно. К примеру, Паата Закареишвили начал свою деятельность по урегулированию абхазо-грузинского конфликта еще в 1992 г., когда я, собственно, впервые с ним и познакомился. Абхазо-грузинский конфликт имеет давнюю историю, просто раньше он протекал в латентной форме. Усилия по налаживанию доверия имели место и задолго до 1989 г., и после событий 14 июля, между пер-

вым вооруженным конфликтом и вторым, уже в 1992. Были определенные усилия общественности, направленные на урегулирование противоречий, сложившихся в результате этих событий. Просто тогда мы еще не особенно задумывались над термином «народная дипломатия». Может, за последнее время, я имею в виду пять лет, мы обозначили нашу деятельность, назвав встречи этого уровня народной дипломатией. А если говорить о значении народной дипломатии, я специально над этим не задумывался, я просто занимаюсь этим. Если кто-то хочет думать о том, какое это имеет значение, он автоматически включается в процесс. Для нас это потребность выживания, потребность сохранения того мира, который мы сейчас имеем. Хотя мы понимаем, что это далеко не тот мир, который мог бы устраивать и грузин, и абхазов. И тем не менее, лучше сто лет говорить, чем один день воевать.

Я считаю, что усилия народных дипломатов имеют, может быть, небольшие, но определенные результаты и влияют на результаты официальной дипломатии. Однако это тема, о которой будут говорить другие.

Георгий Хуцишвили, Конфликтологический центр (ICRN): Когда речь идет о народной дипломатии, прежде всего надо учесть, что НД становится жизненно необходимой в тех случаях, когда официальная дипломатия не дает результатов в вопросе разрешения конфликтов и восстановления доверия. Здесь уже фактор человеческих отношений является именно тем мостом, не восстановив который невозможно сделать ничего. И народная дипломатия восстанавливает мосты доверия. Она создает модели того, как конкретные люди в конкретных случаях могут прекрасно понимать друг друга, договариваться, совмещать свои позиции с позициями других и показывать, что никакого антагонизма нет. Нет и не может быть.

Я думаю, что в данном случае НД показала положительный пример восстановления мостов между людьми. А может ли НД повлиять на политическое решение, на политиков, заставить их более действенно и конструктивно строить предложения и бороться за их осуществление – это сложный вопрос. Но чтобы люди, заинтересованные в том, чтобы на уровне своих возможностей попытаться восста-

новить доверие, восстановить нормальные отношения, установить профессиональные связи, не воспользовались возможностью все это сделать – такого не должно случиться. Это совершенно нормальный и необходимый процесс.

Гия Нодия, Кавказский институт: Думаю, что главное достижение этих пяти лет в том, что мы лучше знаем и понимаем друг друга, лучше понимаем, в чем проблема. Потому что, чтобы решить проблему, ее необходимо адекватно осмыслить и понять. Ее, в первую очередь, должны понимать политики, но необходимо, чтобы ее понимало и общество в целом. Поэтому, мне кажется, что наша основная цель и основные достижения – именно в этом.

Света Корсяя, абхазская журналистка: Если мы вернемся к истокам народной дипломатии, в частности, у нас, в Абхазии, она имеет древние корни. Я думаю, главное в этом процессе – чтобы в нем принимали участие люди, пользующиеся действительным авторитетом и уважением и воспринимаемые своими обществами. Надо, чтобы они соответствовали этим критериям. Это самое важное правило народной дипломатии. Так всегда было в древности и, наверное, так остается и сейчас.

Давид Пайчадзе: Мы говорили о распространении на политические круги тех достижений, того взаиморасположения, которые установились за эти пять или девять лет встреч и переговоров. Не замкнулись ли итоги ваших встреч в кругу тех людей, которые ведут эти переговоры? Вот вы встречаетесь, делитесь своими проблемами, претензиями, целями и желаниями... Не замкнулось ли все в узком кругу? Повлияли ли результаты ваших встреч на постановку вопросов в политических кругах? Можно ли сказать, что есть механизмы, благодаря которым то позитивное, что достигается в ходе народно-дипломатического процесса, может распространяться и на политиков?

Паата Закареишвили: Я хочу подчеркнуть, что наши встречи – это не переговоры. Главная проблема наших обществ – отсутствие дос-

товерной информации. Наши общества развиваются, меняются, а у нас сохраняются стереотипы довоенного периода. Главное достижение этих встреч – обмен информацией, благодаря которой мы лучше узнаем друг друга, узнаем, в каком состоянии находятся наши общества, чтобы лучше анализировать ситуацию и знать, на какие результаты мы могли бы рассчитывать.

Больше всего мы боимся как раз того, о чем вы сказали – боимся замкнуться в своем кругу. Не надо, чтобы в этих встречах всегда участвовали одни и те же люди. На личном уровне между нами установились очень хорошие отношения. Между собой мы можем открыто обсуждать даже самые острые вопросы, потому что доверяем друг другу. Главное для нас – это обнародовать наши достижения и даже проблемы. Не все ведь могут участвовать в таких встречах. Но все заинтересованные люди должны точно знать, чем мы занимаемся. Для этого и необходимы такого рода телепередачи и публикации. Мы печатаем книги, отчеты, бюллетени, чтобы население узнало, что общий язык найти возможно.

Мы не решаем вопросы, мы ставим их так, чтобы все понимали. Я скажу, как это видится с грузинской точки зрения: перед абхазами можно ставить любые острые вопросы, они согласны выслушать нас. Они хотят нас слушать. Потому что конфликт у них с нами, и они хотят разрешить этот конфликт вместе с нами.

Я уверен, что то же самое может сказать и другая сторона. Главное, чтобы население знало и о наших проблемах, о наших достижениях.

Гия Нодия: По определению, процесс НД медленный, и ждать результатов очень трудно. Важно, чтобы узкий круг участников таких встреч расширялся. Можно сказать, что расширение есть. Постоянно идет процесс. Вот и наша встреча – это что-то новое, этого раньше не было. В декабре я был в Абхазии, это тоже что-то новое. То есть, сперва мы встречались где-то за пределами Грузии и Абхазии: в Австрии, в Москве, в Вирджинии. Сейчас, в последнее время, мы имеем возможность встречаться в Тбилиси и в Сухуми. Это значит, что мы можем встречаться с гораздо большим количеством людей, чем, скажем, когда были в Брюсселе. Это очень важно.

Батал Кобахия: Я разделяю ваши опасения насчет того, настолько ли, в действительности, широк круг. Вот Георгий говорит, что усилия народной дипломатии нужны, когда усилия официальной дипломатии заходят в тупик или не приносят особенных результатов. Я бы сказал, что, в принципе, я не так вижу свои усилия. Думаю, у меня своя ниша, у официальных своя. Конечно, они перекликаются, они взаимосвязаны. Но это так же важно, как развитие неправительственных организаций. Есть очень благополучные страны, но, тем не менее, НПО там существуют, их там все больше и больше. Я думаю, что когда наши политические элиты придут к консенсусу, о котором мы даже не мечтаем, усилия народных дипломатов будут необходимы и тогда, потому что всегда будут различные уровни, где они будут нужны. Это первое. Что же касается круга людей – да, действительно, он небольшой. У нас нет таких амбициозных планов, что мы повлияем на общество. Может быть, в Грузии это еще труднее, хотя тут очень большой неправительственный сектор, и больше людей, которые занимаются НД и разрешением конфликтов, но больше и население. В Абхазии, несмотря на отсутствие коммуникаций, связанное с поствоенной разрухой, с той ситуацией, в которой мы сейчас находимся, больше возможности – не скажу, влиять на общество, а донести до него свою точку зрения. Независимо от наших усилий, прозрачность достигается естественным путем, потому что очень многие знают, чем и как мы занимаемся. И мы достаточно много говорим о тех встречах, в которых мы принимаем участие. Я не думаю, что мы продвигаемся очень медленно, потому что в разрешении конфликта и построении мер доверия пять лет – это очень небольшой срок. Очень!

Тина Хидашели, Ассоциация молодых юристов: Одной из главных целей народной дипломатии, которой занимается эта группа, должно быть информирование молодежи – грузинской, которая никогда не была в Абхазии и ничего не знает про Абхазию, и абхазской, которая никогда не была в Грузии и ничего о ней не знает. Единственное, что они знают, что они слышат – это агрессия и не очень хорошая история, свидетелями которой они стали. И поэтому цель народной дипломатии – работа с людьми, которые завтра должны жить вместе – в одном или в разных государствах, это неважно. Гео-

графически мы вместе, и нас никогда не разлучить – ни вы никуда не собираетесь уходить, ни мы. Поэтому для меня это большая проблема. И очень важно то, что говорил Батал – чтобы деятельность этой группы была афиширована. К сожалению, в Грузии это не так, и очень мало людей знают о том, что происходит во время этих встреч в Москве, в Австрии, в Тбилиси. Я надеюсь, что когда-нибудь наши журналисты начнут говорить об этих встречах. Студия Ре сделала в этом направлении первый шаг. Это самое главное, что может привести к какому-то прогрессу – к какой-то государственности, к которой мы, стороны конфликта, стремимся!

Давид Пайчадзе: Если мы перенесемся в политическую плоскость грузино-абхазских отношений и переговоров, можно сказать, что конечными целями сторон являются: с абхазской стороны – независимое государство, с грузинской – возвращение всех беженцев. Являются ли во время проведения ваших встреч эти вопросы таким же камнем преткновения, как и в политических кругах?

Батал Кобахия: Вообще-то мнение, что люди, работающие в НПО и представляющее третий сектор, занимаются только гуманитарными вопросами и не политизированы – миф. Потому что на всех уровнях встреч (двусторонних, абхазо-грузинских, многосторонних кавказских или в рамках СНГ, в Женеве или еще где-нибудь) реальность показывает: люди, работающие в третьем секторе, достаточно политизированы, и мы не уходим от этих вопросов. Другое дело, что на определенном этапе общения мы поняли – мы не можем решать то, что не можем решить. Безусловно, мы знаем, что политические переговоры важны и необходимы. Это – самое главное, чего мы все ждем. Но мы не можем и молчать. Бывают ситуации, когда на наших встречах мы приходим к соглашению не затрагивать таких глобальных вопросов, как политическое урегулирование, и говорим об интересах, которые могли бы нас связывать.

Давид Пайчадзе: Насколько эти интересы реализуемы в тех условиях, когда глобальные вопросы остаются нерешенными или откладываются?

Батал Кобахия: Дело в том, что интересы бывают разными – очень большими и очень маленькими. Если взять круг, напоминающий улей, состоящий из сот, каждая из которой является определенной потребностью, интересом, и представить, что каждый может разрешить или удовлетворить какие-либо из этих потребностей, то это означает, что завтра кто-то может удовлетворить еще одну потребность, в результате чего круг нерешенных, нереализованных потребностей сужается.

Давид Пайчадзе: Батал, вы можете привести конкретный пример?

Батал Кобахия: Примеров много, я боюсь, что времени не хватит перечислять. Например – усилия, направленные на детское миротворчество. Уже с 1996 г. в течение пяти лет в Болгарии устраиваются миротворческие лагеря для детей из конфликтных зон Закавказья. Вначале предполагалось, что это будут только абхазские и грузинские дети, но потом мы обсудили и поняли, что мы еще к этому не готовы, и расширили круг участников: в него вошли представители Карабаха, Армении, Азербайджана, а в качестве посредников – дети с Балкан. У нас есть определенные успехи. А потом стала возможной организация миротворческого обучающего лагеря «Школа миротворчества для детей Грузии и Абхазии». В результате дети вот уже третий год ездят в Америку. Возможно, этот американский лагерь для грузинских и абхазских детей не состоялся бы, если бы не деятельность многостороннего миротворческого лагеря на Балканах. В многостороннем формате образ жертвы, врага, расплывается – это очень важно. По этому принципу в рамках проекта по построению мер доверия, которым занимались организация Георгия Хуцишвили, Фонд Гражданская инициатива из Абхазии (Манана Гургулия) и «Интернэшнл Алерт», возник проект «Построение мер доверия между грузинами и абхазами»: понимая, что мы зашли в тупик – нет общих ценностей, мы расширили формат и в качестве внешних помощников пригласили соучастников нашей судьбы и наших проблем – представителей со всего Кавказа, в результате чего сформировался Кавказский форум НПО, где грузины и абхазы сотрудничают. Хорошо, когда грузины и абхазы думают о проблемах Карабаха, Азербайджана – они отходят от своих конкретных проблем. Но любая проблема

ведет к определенной идентификации, наложению многих проблем на ту ситуацию, которую мы изучаем. Мы вынуждены контролировать свои эмоции, чувства и потребности, поскольку это соответствует интересам другой стороны. Это как бы школа.

Георгий Хуцишвили: Речь шла о том, есть ли табу во время бесед на встречах, проходящих в рамках НД, есть ли темы, запрещенные для обсуждения, вопросы, предположения, которые обходят, дабы не вызывать обострения и т.д. Я бы сказал, что есть определенные категории вопросов, которые мы стараемся не затрагивать, когда встречаемся впервые. Затем, если возникает маленький оттенок доверия, то тем, которые нельзя было бы затрагивать, уже не существует. Идет откровенный обмен мнениями, начиная с политических вопросов о статусе, кончая историей – абсолютно обо всем. Все, что сначала могло вызвать отчуждение между участниками, в дальнейшем уже обсуждается откровенно, полномасштабно. Я бы сказал, что в данном случае политизация народной дипломатии – это вполне естественный процесс. Включение политиков во встречи НД – тоже нормальный процесс, и он происходит. Надо только учесть, что политики, в данном случае и дипломаты, участвуют во встречах народной дипломатии не в качестве официальных лиц, а представляют сами себя. Это дает им больше свободы действий. И они сами предпочитают этот формат.

Геворк Тер-Габриэлян, International Alert: Я просто хотел сказать, что меня тоже интересует вопрос: насколько НПО, гражданское общество двух стран, влияет на политический уровень. Мы думаем, что надо всерьез изобретать какие-то методы для усиления влияния. Потому что переговоры на политическом уровне зашли в тупик, тогда как НД развивается нормально. Еще я хотел отметить, что сотрудничество с международными официальными организациями, с офисом ООН и другими, развивается довольно хорошо, и можно почувствовать большую разницу между тем, как официальные международные организации, которые работают в Грузии и Абхазии и пытаются воздействовать на разрешение конфликта, относились к попыткам неправительственного сектора и народной дипломатии несколь-

ко лет назад и как постепенно, со временем, их отношение изменилось. Сейчас даже такие организации, как ОБСЕ и ООН, занимаются специфическими проектами народной дипломатии и гражданских инициатив.

Джонатан Коэн: Мы должны понимать, что действия НПО успешны настолько, насколько мы можем держать связь с этими международными организациями и использовать их возможности. Например, чтобы привезти коллег из Абхазии в Тбилиси, мы использовали их возможности. И наоборот, когда Гия поехал в Абхазию, он полетел туда под эгидой ООН. Они действительно интересуются возможностями неправительственных организаций, потому что они понимают, что хотя действия НПО не могут разрешить конфликт, пока нет политического урегулирования, однако без участия обществ Абхазии и Грузии окончательного прогресса в переговорном процессе не будет. Невозможно представить, что политики подпишут договор, и все будет прекрасно. Вопрос в том, как эти два общества будут развиваться, какое общество они хотят создать – раздельное или совместное, но, как сказала Тинико, они всегда будут жить в этих местах, они не хотят уходить и жить в других местах, они всегда будут жить рядом.

В течение двух лет состоялся ряд общекавказских встреч журналистов, а затем грузинские журналисты встречались с абхазскими и осетинскими. Совсем недавно состоялась сухумская встреча журналистов Грузии и Абхазии. Они уже обсуждали вопросы обмена информацией, чтобы использовать в своей работе достоверную информацию об обстановке.

Другое дело, как распространять информацию, и не только о гражданской дипломатии. Говорить, что гражданская дипломатия – самая важная проблема, было бы с нашей стороны нескромно.

Хатуна Логуа, АИС, Абхазия: То, что начала делать эта маленькая группа – это хорошо. Теперь в этот процесс вовлекается все больше людей. Несмотря на то, что первые контакты вызывали непонимание и шок, политические структуры и само общество постепенно изменили свое отношение к ним. Вчера в связи с нашим приездом в

Тбилиси здесь опять прозвучала стереотипная фраза о том, что нам пришлось преодолеть очень серьезный психологический барьер. Но в целом общество уже готово к этим встречам и свыклось с ними. В обществе уже понимают необходимость таких контактов на разных уровнях, в различных сферах.

Давид Пайчадзе: Джонатан, вы говорили о роли международных организаций, о значении народной дипломатии. Вы представляете организацию «Ресурсы примирения». Какие ресурсы примирения вы видите у грузин и абхазов? Меня интересует взгляд вашей организации.

Джонатан Коэн: Когда этот процесс начинался (скажем, после войны), людям было сложно встречаться самим, без посторонней помощи: были довольно непроницаемые границы. Люди до сих пор не могут пересекать границы и сами находить ресурсы, чтобы встречаться на нейтральной территории. Сначала международные организации играли роль инициаторов встреч на нейтральной территории, выступали как нейтральные участники и фасилитаторы. Важно и то, что они могли использовать опыт разных регионов. Были разные встречи с участием представителей Северной Ирландии, Бельгии, Испании, где есть проблемы с федеративными структурами. Абхазы и грузины пробуют знакомиться с опытом других стран, чтобы посмотреть на абхазскую проблему через призму другой страны. Это важно.

Давид Пайчадзе: Какими вам видятся ближайшие пути развития ваших отношений? По каким проблемам вы собираетесь сотрудничать?

Батал Кобахия: Я могу сказать, в каких направлениях я работаю. Я работаю в направлениях, в которых я могу достичь положительного результата, от которых получаю удовольствие.

Если говорить об образовании, мы проводим социальные опросы, а также тренинги, семинары по развитию гражданского общества, начиная от организационного планирования и помощи челове-

ку в частной инициативе, кончая конфликтологическими семинарами для широкого круга людей – студентов, женщин и представителей госструктур, которые сегодня хотят с нами сотрудничать (три года назад не хотели, а сегодня просят провести семинар на ту или иную тему). Это нормально. Я считаю, что это расширяет круг людей, единомышленников. Круг определенных понятий становится общим для всех .

Тут по поводу нашего приезда было сказано, что несколько лет назад было невозможно приехать, а сейчас это возможно. Я не хочу, чтобы кто-то обольщался, что это реально и очень легко. Наш приезд сюда не означает, что это сегодня стало возможным и что будут массовые передвижения. С 1993 г., сразу после завершения видимых боевых действий, люди с обеих сторон все же переходили границу. Тем не менее, затем были майские события 1998 г., а через неделю после них передвижения опять возобновились. Но это не означает, что все было нормально. Может, это нормально для меня, в какой-то мере. Вот я, например, семь лет сюда иду, я как бы готов сотрудничать. И давать интервью на Студии Ре. Хотя до этого на протяжении четырех лет у меня не было такого желания. Не все общество к этому готово, многие это понимают, и к этому надо относиться как к данности. Я хотел бы оторваться от того, как мое общество воспринимает тот или иной конфликт, но если оно совершенно не понимает того, что мы делаем, пропадает необходимость этим заниматься.

Главное, чтобы мы не отрывались слишком далеко, но это не означает, что мы должны бояться и топтаться на месте. Я бы не назвал наш приезд в Тбилиси прорывом. Сюда приезжали многие, но прорыва, как такового, я не замечал.

Георгий Хуцишвили: Что касается направлений, по которым должна идти работа народной дипломатии в дальнейшем, я бы уделил внимание некоторым перспективным направлениям. Самое интересное среди них – работа с экс-комбатантами, участниками войны. Было много опасений по поводу этих встреч: найдут ли они общий язык, выработается ли у них общее видение проблемы? К счастью, это произошло. Это открыло совершенно новую картину событий, новые впечатления. Эти люди удивительно легко наладили друг с дру-

гом простые человеческие отношения, чего не удалось достичь людям некоторых других категорий.

Я думаю, встречи экс-комбатантов – одно из самых интересных направлений народной дипломатии. Кроме того, определенный потенциал показали встречи молодых лидеров и встречи по гендерным вопросам.

Света Корся: Батал правильно сказал, что не стоит обольщаться и форсировать любые попытки найти контакт. Я хочу сказать, что чисто человеческие контакты и общение не означают изменения позиций сторон. Это совершенно разные вещи. Политика – это другое. Главное – услышать друг друга. Я, приехав сюда, не собиралась говорить о боли, все это уже прошло...

Мы хотим быть услышанными, но это не означает, что выслушавший нашу позицию пойдет за нами с флагом. Нет. Надо, чтобы он услышал. И нам не надо кричать, прежде чем попытаться что-то сделать, потому как этим можно многое испортить.

Джонатан Коэн: Конечно, контакты людей из Грузии и Абхазии очень важны, и я надеюсь это продолжать, потому что это самое главное для преодоления изоляции между обществами. В то же время очень важно понимать, что важен не только диалог между Грузией и Абхазией. Нельзя игнорировать диалог внутри общества. Работа многих организаций для развития гражданского общества тоже важна. Но нельзя думать, что гражданское общество важнее всего. Действительно, это очень важно, но мы должны думать и о государственных структурах и институтах, потому что здоровое гражданское общество не может жить без здорового государства. Я думаю, что для Кавказа сегодня это одна из самых основных проблем. Это действительно влияет на возможность урегулирования этого конфликта.

Батал Кобахия: Мы говорим о важности диалога между грузинами и абхазами и диалога внутри сообществ, но, по-моему, не менее важен диалог между людьми, которые помогают этому диалогу. Потому что есть международные организации, наблюдатели-outsiders, есть какие-то геополитические интересы, есть наши партнеры, просто

наши друзья, кому-то из которых ближе абхазские проблемы, кому-то грузинские. Это тоже диалог, и грузино-абхазский диалог зависит от этого фона. Потому что сегодня нельзя отрицать, что международные организации-доноры – это, фактически, и есть ресурсы. Мы занимаемся примирением, а они – наши ресурсы, финансовые ресурсы. Чтобы даже просто добраться из точки «А» до точки «Б», нужен транспорт: самолет, вертолет, которые не всегда есть, не то что у народных дипломатов, но и у официальных структур. Конечно, доноры влияют на этот диалог и на весь процесс. Я бы даже сказал, что это особая тема для круглого стола – не абхазо-грузинские взаимоотношения, а как бы конфликт между конфликтующими сторонами и теми, кто хочет помочь. Я был свидетелем того, как одна из организаций-доноров налаживала мосты между грузинами и абхазами, и они даже схему придумали. Однако я не видел себя в этой концепции, и они очень нервничали. Тогда я сам себе нашел концепцию и попросил у них помощи, чтобы добраться до своих оппонентов, но они не захотели мне помочь и ответили, что это неправильно. Но мы с ними воюем. Я думаю, что и абхазские, и грузинские неправительственные организации воюют с донорами и с теми, кто готов помочь. Я бы даже сказал, что на этих встречах по разрешению конфликта мы ведем себя более мирно, у нас на этих встречах порой даже больше взаимопонимания, чем с теми, кто хочет нам помочь. У них свои ценности, свои представления о том, какое общество мы хотим строить, у нас свои. Может, не всегда правильные, но мы сегодня на этом уровне, и надо с этим считаться. Это не касается тех партнеров, которые здесь сидят. Я не льщу тем партнерам, которые здесь сидят. Они работают с нами давно, они умеют прислушаться к нашей точке зрения и не боятся трансформировать свой проект в ходе процесса. Иногда, конечно, результат бывает не тот, который мы планируем. Я не знаю, делаю ли я этим вам хорошо или плохо, я просто констатирую, что есть.

Паата Закареишвили: Главное, к чему мы пришли в беседе с абхазами: надо изменять, формировать наши общества. Самая главная моя задача – проецировать на них те достижения, которые мы имеем. Если в нас можно уничтожить образ врага (в принципе, у меня

лично не было образа врага, но и я постоянно меняюсь и обнаруживаю в себе все новые ресурсы), если нас можно трансформировать, почему нельзя трансформировать общество? Главное – свести в нем к минимуму все то, что привело нас к войне. У нас достаточно «хорошо» был создан образ врага – все наши проблемы исходили от противоположной стороны: вот уничтожим проблему, и будет нам очень хорошо. Чего же мы добились? Сегодня уже мало кто помнит, но и до войны были конфликтные ситуации, было и желание их разрядить. Это делали знакомые, соседи, родственники, сотрудники. Но не было людей, которые беспокоились бы состоянием своих обществ. У них не было возможности встречаться, как у нас. Если бы такой принципиальный диалог был до войны (я имею в виду диалог незнакомых друг с другом общественно активных людей), я уверен, конфликта не произошло бы или он не был бы таким острым. Мы многое упустили, мы фактически на нуле. Но надо начинать хотя бы с нуля и, в первую очередь, восстанавливать доверие между незнакомыми людьми – людьми, которые не хотят войны и хотят решить конфликт любым другим способом.

Теледискуссия: Экономические санкции против Абхазии

Дискуссия состоялась в Студии Ре 9 декабря 2000 г.

Передавалась в эфир по II каналу грузинского телевидения 15 декабря 2000 г. и повторно 9 января 2001 г.

Гига Бокерия, ведущий: *Здравствуйте! В эфире Студия Ре.*

Тема нашей сегодняшней беседы – Абхазия, один из самых острых вопросов на протяжении последних десяти лет. Наша сегодняшняя передача, с определенной точки зрения, уникальна: сегодня мы имеем возможность побеседовать об этой проблеме не просто с теми, кто уже давно принимает участие в наших дискуссиях, а непосредственно с абхазами, с людьми, активно участвующими в общественной жизни Абхазии. Чтобы использовать эту уникальную возможность, у нас есть полчаса. Хочу представить наших необычных гостей:

– г-жа **Нателла Акаба**, директор Центра поддержки демократии и защиты прав человека;

– г-жа **Манана Гургулия**, заместитель директора информационного агентства “Абхаз-пресс”;

– г-н **Шалва Пичхадзе**, чьи регалии очень длинные, но я все же прочту: заместитель начальника Службы международных отношений Государственной канцелярии Грузии.

Как я уже отметил, тема довольно обширная, и исчерпать все проблемы за эти полчаса теоретически невозможно. Но мы постараемся выделить специфические вопросы, связанные с тем, что некоторые называют блокадой, некоторые экономическими санкциями, а некоторые просто режимом.

– В чем суть этого режима?

– Что он дает Грузии – точнее, тем людям, которые там проживают?

– Нужен ли он нам или им, этот режим?

– И нужен ли он для нашего общего будущего, если оно у нас есть вообще?

Вот это и есть тема нашей сегодняшней дискуссии. Тема не очень конкретная, но я все же попрошу вас не слишком отвлекаться.

Г-жа Нателла, я хочу начать эту беседу с вас. Для нас особенно интересно узнать, как вы на это смотрите. Как я уже сказал, у нас нет возможности услышать ваш голос оттуда, из Абхазии.

Нателла Акаба: Прежде всего, я очень благодарна Студии Ре за то, что нам предоставлена такая возможность, потому что лично я не была в Тбилиси уже больше двадцати лет, и для меня все это очень эмоционально, присутствие здесь и встреча в этой студии. Что касается той темы, которую вы затронули, то есть санкций, я хотела бы сказать, что в этой области существует международный опыт, и практика показывает, что эти санкции никогда не приводят к желаемой цели, а очень часто уводят от этой цели. Основываясь на собственном опыте гражданина Абхазии, не находящегося в каких-то властных структурах, я могу сказать: воздействие этих санкций, безусловно, совершенно далеко от того, которое, по-видимому, ожидалось, они только способствуют укреплению образа врага в лице Грузии. Я имею в виду – у обывателя, то есть у простого человека, потому что представители власти и каких-то крупных коммерческих структур, как правило, совершенно не ощущают на себе этих санкций. Для них не существуют никаких границ ни с одной стороны, они прекрасно занимаются своим делом. Но что касается простых людей, они действительно страдают от этих санкций. Чтобы убедиться в этом, достаточно побывать на Псоу и увидеть это жуткое совершенно зрелище, которое лично меня, как гражданина, очень унижает, потому что, в основном, это женщины с тележками, с огромными сумками, наполненными мандаринами, орехами или зеленью. Там начинаешь понимать, насколько наши отношения с Грузией еще далеки от того, чтобы стать нормальными человеческими отношениями.

Гига Бокерия: Большое спасибо. Г-н Шалва, нам, естественно, интересен ваш комментарий к этой довольно тяжелой картине, которую нарисовала г-жа Нателла. Она говорит, что этот режим, который ставит местное население в такое тяжелое положение, не устраивает и так называемую грузинскую сторону, с точки зрения ее имиджа. Какой во всем этом смысл, почему это так происходит?

Шалва Пичхадзе: Спасибо. Когда речь идет об экономических санкциях, необходимо учитывать несколько моментов. Прежде всего то, что те мучения, которые в настоящее время терпят люди, проживающие в Абхазии, и люди, изгнанные оттуда, так же, как и все граждане Грузии, вызваны вооруженным конфликтом. Этот конфликт вызвал ряд последствий, одно тяжелее другого. Экономические санкции как раз и есть результат этого конфликта. Поэтому мы должны знать, что эти санкции – не чья-то прихоть, так же, как не прихоть и целый ряд других мероприятий. Санкции – это одно из последствий конфликта, вооруженного конфликта, вооруженного противостояния, одно из тяжелых последствий, хотя, может быть, и не самое тяжелое. Теперь второе. Санкции направлены по очень точному адресу. То есть, у них есть свой адресат. Адресатом санкций является сегодняшнее руководство Абхазии. То, что это правительство смогло направить негативные последствия санкций на практически ни в чем не повинных жителей, вы можете считать их заслугой, можете преступлением – это уже совершенно другой вопрос. И третье. Аннулировать санкции возможно. Грузинское государство неоднократно объявляло, в каком случае оно готово, совместно с абхазской стороной, выработать ряд мероприятий, которые аннулировали бы эти санкции, и обратиться с соответствующим ходатайством к СНГ, который, собственно, и наложил эти санкции. К сожалению, у нас нет времени, чтобы перечислить эти условия, но абхазской стороне они известны.

Гига Бокерия: *Г-жа Манана, ваше мнение по поводу этой позиции? Главным виновником была названа ваша местная бюрократия, если я правильно понял позицию г-на Шалвы.*

Манана Гургулия: Я понимаю, что экономические санкции, экономическая блокада были введены в качестве некой формы давления на руководство Абазии. Мне не очень импонирует такая форма взаимоотношений. Тем более, что после войны активно начался переговорный процесс, и мне кажется, что введение экономических санкций – это не лучший вариант проведения переговорного процесса. Тем более, что г-н Шалва сказал, что больше всего от этих экономических санкции страдает именно население. Но я не могу согласить-

ся с тем, что виновником или строптивой стороной в переговорном процессе оказалось руководство Абхазии, в связи с чем на него и оказывают такое давление.

Вы знаете, что в Абхазии 13 месяцев была война. Война была достаточно жестокой. Разрушения и человеческие жертвы были очень велики. Абхазии пришлось самостоятельно поднимать свою экономику в достаточно трудных условиях. И в этих условиях дополнительно давить на население, дополнительно усложнять жизнь населения, пытаться изменить позицию руководства, мне представляется достаточно безнравственным, и с этим я согласиться не могу.

Еще один момент: когда речь идет сегодня о возможности снятия экономических санкций, то Абхазии предлагаются какие-то условия. Мне представляется, что санкции, которые принесли достаточно много страданий населению Абхазии, все-таки должны сниматься безусловно. То есть ставить какие-то предварительные условия: «Вот вы пойдете на такие-то уступки, и тогда мы их снимем», мне кажется не совсем верным в сегодняшней ситуации, если ставить в качестве цели урегулирование конфликта, а не усложнение отношений.

Гиза Бокерия: Г-жа Нателла, не желаете ли что-нибудь добавить?

Нателла Акаба: Я бы хотела добавить. Мне кажется, что эти санкции в какой-то мере являются как бы проявлением отсутствия у грузинского руководства какой-то выверенной и продуманной политики в отношении Абхазии. Возможно, это какая-то демонстрация силы местному населению (я имею в виду грузинское население), особенно беженцам, демонстрация того, что в отношении Абхазии что-то делается, что ведется какая-то политика, но, по-моему, эта политика вся как бы воплощена вот в этих санкциях. Другой политики я не вижу, я не вижу желаний строить новые отношения, я не вижу стремления к равноправному диалогу сторон. В то же время не могу не сказать, что когда говорят, что власти постарались перенести всю тяжесть санкций на население, мне кажется, эта ситуация стара как мир. Все власти всегда стараются перенести основные социальные тяготы на народ – к сожалению, на постсоветском пространстве это пока везде, повсеместно.

Тамаз Хубуа, министр информации Абхазской Автономной Республики: Можно дискутировать о множестве показателей абхазской проблематики, в том числе и по вопросу блокады. Но я уверен, что этому вопросу суждено решиться только тогда, когда решится вопрос о государственном устройстве Грузии и о месте Абхазии в этой системе, а также вопрос о возвращении изгнанного населения, которое покинуло территорию Абхазии и имеет право на возвращение в прежние места проживания. В этом конфликте они не виноваты ничем, единственная их вина – это их национальная принадлежность. Я полностью согласен с г-жой Нателлой Акаба, когда она говорит о тяжелом положении на пропускном пункте на Псоу, от которого страдает простое население. Но я хотел бы, чтоб и г-жа Нателла согласилась со мной, что в аналогичном положении находится и то изгнанное население, которое покинуло эту территорию. И второе. У нас, у абхазской стороны и у грузинской, должно хватить исторической и политической ответственности, чтобы освободиться от влияния посредника, активно проводящего свои интересы.

Созар Субелиани, «Радио Свобода» (грузинская редакция): Я хочу поговорить об одном весьма конкретном факте, который выражает тенденцию в связи с этой блокадой. Два года назад к нам в гости приехали абхазские журналисты. Среди них были Кристиан Бжала и фоторепортер Владимир Попов. Мы беседовали как раз о том, в какое положение ставит людей эта блокада. У Владимира Попова было с собой несколько очень интересных фотографий. И он сказал, что у него есть целая галерея таких фотографий, дающая полную картину того, как там живут люди. И мы решили устроить выставку, чтобы общественное мнение в Грузии, в Тбилиси, осознало, что все это, в конечном счете, действует не на тамошнее правительство, а на жителей. Мы побывали в посольстве США, там нам обещали помочь, мы написали проект, который финансировал фонд Сороса, и наше правительство обещало, что не будет против и всячески поможет нам в ее устройстве. Эти переговоры длились два года, и мы так и не смогли добиться, чтобы эту выставку выпустили оттуда и чтобы она приехала к нам. Хотя реально эта выставка была о том, как от всего этого страдает народ, и задумана была для того, чтобы вызвать ка-

кое-то сочувствие в обществе. У меня осталось впечатление, что тамошнее правительство не так уж и хочет найти здесь это сочувствие. Это потому, чтобы иметь оправдание перед своим населением, говоря, что грузинская сторона, которая устраивает им эту блокаду, плохая и никакие переговоры с ней невозможны. Это мое личное мнение, которое сложилось у меня после этого конкретного факта.

Давид Силагадзе, общественное движение «Примирение»: Нельзя не согласиться с мнением, что блокада недействительна, что она не может действовать. Недавно в газете “Республика Абхазия” была опубликована информация о том, что в течение десяти месяцев грузооборот в Республике Абхазия достиг шестисот миллионов. Значит, блокада не действует. Это те грузы, которые были зафиксированы. А есть еще и незафиксированные грузы, которые ввозятся в Грузию и вывозятся из нее не только со стороны Псоу, но и через Турцию и другие государства.

Гига Бокерия: *Тогда почему они требуют снятия блокады?*

Давид Силагадзе: Это вопрос политики и идеологии. Идеологически мы проиграли, экономически не смогли выиграть этой блокадой. Вот существует совместное предприятие ЭнгурГЭС, которое примерно на 60 процентов питает грузинскую энергетику. Делаем же это мы сообща, абхазы и грузины. Так почему мы не можем ввести в эксплуатацию экономические объекты, например, в Гальском районе, куда уже вернулось 70 процентов беженцев? Я понимаю тех, кто говорит, что экономическое процветание независимой Абхазии приведет нас к ее потере, в этом я с ними согласен. Но в местах возвращения беженцев пустим же в ход единую экономику!

Гига Бокерия: *Наверное, последнее мнение будет сильно оспариваться. Уточняя: мнение о том, что экономически развитая Абхазия означает для нас потерю этих территорий, и что этому нужно помешать.*

Тамаз Хубуа: Я думаю, что наше государство должно показать Абхазии, во-первых, что, в случае интеграции в состав Грузии, она вый-

дет на более широкий рынок, и во-вторых, что при этом у Абхазии будет возможность участия в более широких процессах распределения финансов, будь то из госбюджета Грузии или каких-то других.

Гига Бокерия: *И что же, до тех пор этот режим должен сохраняться?*

Тамаз Хубуа: Я думаю, что этот механизм нажима может сформировать у правительства Абхазии мотивацию, чтобы задуматься об интеграции в состав Грузии.

Нодар Сарджвеладзе, Центр развития человеческих ресурсов, ТГУ: Я согласен с г-ном Шалвой о том, что блокада явилась результатом конфликта, точнее, реакцией на конфликт – но реакцией, которая, с прагматической точки зрения, ничего не принесла. Ее результат не видно. Блокада сама приходит в противоречие с идеалом, с желанием народа жить вместе и сотрудничать на этой территории.

Гига Бокерия: *Спасибо. Если такое желание вообще существует.*

Тина Хидашели, Ассоциация молодых юристов: По-моему, главное – какая у нас цель, то есть, будь то экономическая блокада или переговоры, главное – с какой целью. Если цель нашего руководства – разозлить тамошнее правительство, поставить его в трудное положение и этим заставить их пойти на какие-то шаги, то это все неправильно. Сколько лет уже как прошло, а обманывать самих себя и становиться в позицию страуса тоже неправильно. В конечном итоге, единственный результат всего этого – озлобленность и агрессивность простого населения. Значит, улучшение ситуации, позитивные, прогрессивные действия с грузинской стороны прежде всего послужат разрушению у тамошнего населения образа врага в лице грузин. Того местного правительства, которое сейчас там существует, я надеюсь, завтра или послезавтра, через пять или десять лет уже не будет. А то население, которое там проживает, будет там всегда, будет и то молодое поколение, которое там растет, и растет оно с образом врага в лице грузин. Тут много раз было сказано, и я с этим согласна, что

экономическая блокада, с точки зрения экономики, ни к чему нас не привела. А привела она нас к тому, что все больше и больше нарастает агрессия по отношению к грузинам, неприязнь и враждебность по отношению к Грузии. Значит, кто должен быть заинтересован, чтобы этого не было? По-моему, грузинское правительство должно все сделать для того, чтобы быть как можно более приемлемым для абхазской стороны.

Гига Бокерия: *То есть, санкции – это не выход из положения? Спасибо.*

Манана Гургулия: Как я поняла, грузинская сторона (во всяком случае, власти), естественно, считает, что блокада работает на пользу Грузии, приносит какие-то результаты. С другой стороны, вы все соглашаетесь, что эти экономические санкции ухудшают положение Абхазии. Это еще раз укореняет в населении убеждение в том, что то, что Грузии на пользу, Абхазии во вред. Это, естественно, вредит миротворческому процессу. Как можно представить, что Абхазия захочет быть вместе с Грузией, если постоянно утверждается вот такое противоречие наших интересов? Единственное, что можно предположить – что это просто продолжение давления: было давление военное – не получилось, сейчас давление экономическое. То есть в абхазском народе утверждается представление о том, что никакого добровольного сотрудничества вовсе не нужно, а Грузия по-прежнему делает ставку только на принуждение, на давление. Мне кажется, вперед это миротворческий процесс никак не продвинет.

Гига Бокерия: *Г-н Шалва, довольно много вопросов накопилось.*

Шалва Пичхадзе: Я не говорил, что санкции не работают. Я считаю, что они работают и дают результаты – те результаты, которые заранее предполагались. Это во-первых. Во-вторых, тут часто употребляют слово «блокада». Это не блокада, это – экономические санкции, имеющие конкретного адресата. Напоминаю, что блокада – это перекрытие всех экономически важных объектов во всем регионе, а этого, точно, не происходило. И еще одно: речь идет о том, что эконо-

мические санкции усиливают в абхазском обществе образ врага в лице Грузии. Давайте не будем путать причины со следствиями и скажем, что образ врага существовал еще до экономических санкций, и был настолько мощным, что привел нас к вооруженному конфликту. Этот образ врага был настолько мощным, что я сомневаюсь, что экономические санкции смогли бы его усилить. Усилению образа врага помогает отчуждение. Одна из причин того, что абхазское население не понимает, в чем смысл экономических санкций, и есть отчуждение. Между прочим, и грузинское общество до конца не понимает их смысл. Никакому грузу дорога в Абхазию не перекрыта – кроме оружия. Просто речь идет о том, что эти грузы должны проходить через грузинскую таможню и через Грузию. Абхазы должны учитывать, что для Грузии это только лишь способ защиты своей государственности, и больше ничего. Спасибо.

***Гига Бокерия:** Спасибо. Прошу вас, 2-жа Нателла.*

Нателла Акаба: Вот, мне кажется, два совершенно неправильных принципа, или две предпосылки. Во-первых, когда некоторые думают, что проблему беженцев легче будет урегулировать и решить с помощью санкций – это трагическое заблуждение, потому что это совершенно не повышает симпатий к беженцам, хотя многие люди в Абхазии понимают, каково сейчас этим беженцам. Я не думаю, что эту проблему можно решить с помощью санкций. Когда кто-то думает: если мне плохо, пусть другому тоже будет плохо, это, мне хочется сказать, даже не по-христиански. Это не приведет к какому-то потеплению отношений между грузинами и абхазами. Сегодня никто не требует от Грузии снять эти санкции. Вы, наверное, заметили, что в последнее время о них стали как-то меньше говорить. Люди приспособляются ко всему, и даже к этим санкциям, как бы они ни были жестоки – многие люди научились приспособливаться. Я не согласна с тем, что они все-таки достигают цели – об этом можно судить хотя бы по переговорному процессу, который, как мы видим, на сегодняшний день никакого результата не принес. Значит, все это работает вхолостую.

Гига Бокерия: *Добавлю короткий вопрос: не считаете ли вы возможным, чтобы абхазская сторона первой пошла бы на какой-то шаг – например, по отношению к изгнанникам – который впоследствии принесет какие-то изменения ситуации?*

Нателла Акаба: Какой шаг?

Гига Бокерия: *Принять изгнанников на свою территорию.*

Нателла Акаба: Прежде всего я хочу сказать, что то, что в Абхазии существовал образ грузина-врага – это неправда. Это ошибка, и очень опасная. Такого образа до войны не существовало. По крайней мере, я так считаю, и в моем окружении этого совершенно не было. Другое дело, что распад Советского Союза, такой неконтролируемый, мне кажется, не мог не привести к ряду тех конфликтов, которые развернулись на Кавказе и в других регионах. Просто, наверное, грузинские власти того времени должны были быть внимательнее к предложениям абхазов, которые предлагали строить федеративные отношения. К сожалению, тогда мы не были услышаны, а теперь вдруг мы узнаем, что оказывается, у нас был образ врага в лице Грузии. Я с этим совершенно не согласна. Но вот сейчас, в последние годы, мы стали очень мало общаться, и образ врага – он очень успешно формируется, и санкции этому тоже способствуют.

Гига Бокерия: *Спасибо. Извините, 2-жа Нателла, я дам вам возможность закончить. Г-н Шалва, ваш комментарий.*

Шалва Пичхадзе: Я хочу еще раз вернуться к теме образа врага, потому что, по-моему, это очень важно для процесса примирения. У меня остается впечатление, что образ врага больше устраивает тех, кто заинтересован в продлении конфликта и затягивании процесса примирения. Эксплуатация образа врага приносит им больше, чем они теряют от экономических санкций. Тем более что, судя по цифрам, как это отметил тут присутствующий господин, экономические санкции работают плохо. На сегодняшний день население Абхазии не понимает сути этих санкций, и это потому, что у абхазского насе-

ления нет элементарной возможности узнать суть экономических санкций из средств массовой информации. Никто никакому грузу путь в Абхазию не перекрывает. Речь идет лишь об одном – эти грузы должны проходить через грузинскую таможенную, и в том, что абхазское население об этом не информировано и думает, что грузинское правительство морит их голодом, виновата их неинформированность. А в чем причина неинформированности, судите сами: кто способствует сохранению у абхазского населения образа Грузии как врага и душителя?

***Гига Бокерия:** Спасибо. Г-жа Манана?*

Манана Гургулия: Я бы не хотела вступать в дискуссию о том, когда появился образ врага – до войны, после войны и т. д. Но если мы ставим целью ликвидацию этого образа, то экономические санкции, введенные против Абхазии, этому не способствуют. Я согласна с Шалвой, что не надо путать понятие экономической блокады с экономическими санкциями, но надо вспомнить еще одну такую вещь, что в декабре 94-го года была перекрыта граница по решению правительства России (в связи с чеченскими событиями), а в 96-м году саммит глав СНГ ввел достаточно жесткие санкции, хотя какие-то экономические связи с внешним миром у Абхазии все-таки существуют. Далее была закрыта морская граница, закрыты порты, мы полтора года сидели без связи. То есть все это было достаточно больно и достаточно болезненно отразилось на населении, а тем, кто не верит, я предлагаю какое-то время побыть в той ситуации самим. Как вам плохо без света, так и нам достаточно плохо с экономическими санкциями. Что касается того, что Грузия не душит Абхазию голодом, а пытается противостоять проникновению оружия, я думаю, что можно договориться о том, как контролировать, чтобы в Абхазию не проникало оружие. Хотя сегодня в Абхазии не все убеждены в том, что Грузия не использует силовых методов давления против Абхазии. Тем более, что Грузия – и это ее право как независимого государства – формирует свою армию и получает финансовую поддержку для развития своей армии, что, естественно, вызывает какие-то опасения у Абхазии, которая перенесла войну. И еще один момент, касающийся

таможенного досмотра тех грузов, которые попадают в Абхазию. В условиях неурегулированности политических отношений, в условиях неопределенности политического статуса (хотя Абхазия для себя его определила после войны), говорить о таможенном досмотре со стороны Грузии тех грузов, которые поступают в Абхазию, мне представляется достаточно проблематичным.

Леван Герадзе, ассоциация «Гражданское общество – Абхазия» (Тбилиси): Вот эти два последние выступления ясно показывают, какое положение сложилось вокруг абхазской проблематики. Я хочу опровергнуть высказанные тут мнения. Я не согласен с тем мнением, что это экономические санкции, и тем более не соглашусь, что эта блокада. И г-н Шалва хорошо подтвердил эту позицию. Грузия дает возможность абхазскому населению провозить любые грузы, кроме грузов военного характера, через пропускной пункт на реке Энгури. То есть, с точки зрения экономики это не блокада и не санкции. Но существует вторая проблема – проблема мировоззренческая, и третья – правовая проблема. Углубляясь в этот вопрос, можно увидеть: что касается пропускных пунктов через грузинско-русскую границу, то существует одно-единственное соглашение, по которому действует пропускной пункт Казбеги-Верхний Ларс; все остальные пункты, в том числе и пропускной пункт на реке Псоу, незаконны, правовой основы для них не существует. Эта и есть правовая проблема. Немаловажно и то, что Грузия никак не сможет позволить себе, чтобы через Абхазию на ее территорию поступали неучтенные грузы. На примере Цхинвальского региона мы ясно увидели, какой значительный ущерб нанес эргнетский рынок грузинскому бюджету. Допустить такое и со стороны Абхазии будет для Грузии непозволительной роскошью. То есть, разрешение провоза неучтенных грузов через Абхазию нанесет немалый ущерб экономической безопасности Грузии.

Багал Кобахия, Центр гуманитарных программ: Я просто хотел отреагировать на слова г-на Шалвы о том, что адресатом экономических санкций были абхазские власти, которые перенесли эти тяготы, если нам правильно перевели, на население, а собственно целью

этих санкций было как бы направить переговоры на сотрудничество. Это очень странно – предполагать, что какие бы то ни было санкции и давление могут привести к сотрудничеству, и когда приводят пример (тут был приведен пример) экономического сотрудничества на ИнгурГЭС, то должен вам напомнить, что экономическое сотрудничество по использованию ИнгурГЭС связано с тем, что возможности абхазской и грузинской сторон сбалансированы. Вы прекрасно знаете, что если абхазы отключат агрегаты, вы не получите свет; если вы закроете плотину, мы не получим свет. Тут разговор идет не о любви и нежности между властями Абхазии и Грузии, а о выгодном сотрудничестве. Если бы мы внесли в область сотрудничества вот такие элементы, я думаю, что экономические санкции не понадобились бы. И второе заблуждение: о том, что в Гальском районе сегодня можно создать плацдарм для экономического сотрудничества, как бы прообраз будущего сотрудничества Абхазии и Грузии. Я думаю, что проблема Гальского района еще более сложная, чем взаимоотношения на уровне политических переговоров. Это другая тема. Это тоже просто популистский взгляд, что «там надо развивать». Тут тоже должно быть все сбалансировано.

Нателла Акаба: Я бы хотела еще раз повторить, что блокада не оправдала себя нигде – не только в такой маленькой стране, которую не смогли задушить экономические санкции, но и в таких странах, как Ирак, Югославия. Мир давно убедился в абсурдности этих санкций, поскольку санкции, направленные против власти, оборачиваются прямым уничтожением народа. То же самое происходит и в Абхазии. Теперь об образе врага: здесь прозвучала такая мысль, что образ врага имелся уже давно. Я думаю, что присутствующие здесь мои коллеги и многие, которые знали Абхазию, подтвердят, что это исключено. Никогда не было этого образа. А сегодня, к сожалению, экономические санкции способствуют, я бы еще раз хотела подчеркнуть, способствуют формированию образа врага. Почему? На каждом уровне – возьмем ли простой народ, научную интеллигенцию, творческую – все мы сталкиваемся с экономической санкцией. Хотя тут было сказано, что экономические санкции – это не блокада, но экономика определяет, к сожалению, всё. Речь идет

о том, что мы не можем завезти литературу, мы не можем получать нормально информацию, то есть почта не работает. Почему письма из Ростова должны идти через Тбилиси? И поэтому я считаю, что экономические санкции будут всё более укреплять так называемый “образ врага”.

Гига Бокерия: *Вы уверены, что в данном случае вас устраивает аналогия с Ираком и Югославией? Говоря «вас», я имею в виду абхазскую сторону и абхазское общество.*

Нателла Акаба: Меня она абсолютно не устраивает, я привела их в качестве примера того, что эти санкции никогда не доходят до тех, кому адресованы.

Гига Бокерия: *Спасибо.*

Тина Хидашели: Я просто не могу не ответить Левану и г-ну Шалве, потому что для меня самый веский аргумент – это большая опасность, что грузы из Абхазии могут попадать в Грузию и через таможню. Я бы просто посоветовала нашему правительству – прежде чем контролировать грузы, приходящие из Абхазии, лучше контролировать те границы, где нет конфликта, а уж потом говорить об Абхазии. Я думаю, что как-то неправильно начинать с того, что усугубляет этот конфликт, когда все остальное у нас остается неконтролируемым.

Батал Кобахия: Я хотел бы задать вопрос залу и ведущим, в особенности, абхазской стороне: когда они говорят, что “образа врага” как такового не было до 92-го года, я не знаю, что это – заблуждение или просто вежливость по отношению к залу? Мне больше понятно, когда Паата Закареишвили пишет, что проблемы, и в связи с ними и “образ врага”, формировались не в 92-м году, а на протяжении 70-ти лет в процессе как бы “сотрудничества” в рамках единого государства, и это лепилось step by step каждое десятилетие, и 92-й год уже как бы просто суммировал вот эти накопления.

Темур Чилачава, Сухумский филиал ТГУ: Как я понимаю, эти санкции, которые были введены в 96-м году, они действительно были введены с целью давления на сухумское правительство. Но, видимо, тут подразумевалось, что местное население, которое сейчас живет на территории Абхазии, будет, в свою очередь, учитывать все это в своем отношении к сухумскому правительству. Что касается санкций, которые вводились в Югославии, они, естественно, принесли какую-то пользу, и правитель, который там был, сейчас не у власти. Я как уроженец Абхазии, у которого там и сейчас живут родственники как с абхазской, так и с грузинской стороны, естественно, болею за тех простых людей, которые там живут. Но, естественно, если была бы гарантия, что снятие экономических санкций и вливание инвестиций будут способствовать улучшению экономической жизни простых людей, а инвестиции не будут оседать в карманах известных толстосумов, которые, как здесь, в Тбилиси, так и в Абхазии уже, так сказать, выросли, то грузинское правительство и, наверное, население Грузии могли бы на это пойти. Разница в том, что выполнение санкций здесь зависит от «третьего государства», а там зависело от НАТО, Америки или других государств. К сожалению, я думаю, снятие санкций не может способствовать улучшению жизни простых людей в Абхазии.

Шота Ахалая, Сухумский филиал ТГУ: Прежде всего, не могу оставить без реплики заявление г-жи Акаба о несуществующем “образе врага”. Г-жа Акаба, вам, наверное, известны – вы их явно читали – так называемые “абхазские письма в ЦК КПСС”? Вот если вы их еще раз перечитаете, вы увидите, что там между строк можно действительно найти “образ врага” в лице грузина.

***Гига Бокерия:** Извините, что прерываю: а в отношении абхазов у нас не было образа врага?*

Шота Ахалая: У нас этого не было, и доказательства этому тоже можно привести. Но мы уклонились в сторону, давайте все же вернемся к теме – к экономическим санкциям. Причину плачевного положения населения Абхазии все же, наверное, следует больше ис-

кать вот в какой плоскости. Абхазия фактически осталась без львиной доли населения, которое отличалось своим трудолюбием. Территорию покинуло очень много людей, которые создавали большинство материальных благ. И сегодняшнюю, например, ситуацию в Гальском районе, когда туда возвращаются беженцы, все же надо воспринимать не как проявление доброй воли местных властей, а как вынужденный экономический шаг. Потому что возвратившиеся туда люди вносят определенный вклад в развитие и создание материальных благ. С этим, наверное, трудно спорить. И последнее: как бы это парадоксально ни звучало, но официальное объявление об отмене санкций, наверно, все же не будет на руку сухумским властям.

Нателла Акаба: Во-первых, хочу сказать в отношении того, что в Абхазии сегодня, я так поняла ваш намек, остались одни лентяи, не способные работать, а самые работающие люди сегодня из Абхазии изгнаны. Не могу с этим согласиться. Когда мы пролетали на вертолете над Очамчирским районом, мы были приятно поражены тем, что каждый клочок земли там возделан и обработан, и, очевидно, будет какой-то урожай. Люди работают, потому что они должны как-то существовать, и я не думаю, что возвращение беженцев в Гальский район – это просто потому, что некому работать. Не поэтому, а просто, действительно, эти люди там жили, и они ни в чем не виноваты – они имеют полное право на возвращение. А что касается ‘‘образа врага’’ (я так невольно затронула эту тему), мне кажется, глубоко ошибочно считать, что существование ‘‘образа врага’’ в лице Грузии у абхазов было причиной войны – это неправда. Я категорически с этим не согласна, потому что тогда получается, что войну начали абхазы. Извините, не мы ввели танки и войска на территорию Грузии и начали воевать против Грузии. Хотя, конечно, очень серьезные трения между грузинами и абхазами были уже на протяжении десятилетий. Могу сказать, что у абхазов существовал и продолжает существовать большой страх перед ассимиляцией, потому что политика Грузии последнего времени, к сожалению, была направлена на то, чтобы ассимилировать абхазов или доказать, что абхазы – пришельцы, что они не абхазы, а какие-то апсуэйцы, а настоящие абхазы – это картвельское племя. Вот при такой идеологии нам очень трудно го-

ворить о каком-то будущем наших взаимоотношений. И все-таки, мне кажется, “образ врага” – это не причина войны между Грузией и Абхазией, причины намного сложнее.

Гига Бокерия: *Спасибо. Г-н Шалва?*

Шалва Пичхадзе: Мы сейчас беседуем об экономических санкциях, но немножко отошли от темы. И я это приветствую, потому что считаю полезным побеседовать об образе врага. Образ врага вызван теми страхами и опасениями, что существуют в обществе. В последнее время я часто встречаюсь с представителями Абхазии, среди которых у меня есть и друзья (некоторые из них сегодня присутствуют в этом зале). И я всегда их спрашиваю, как они считают, что, например, должна сделать Грузия для того, чтобы разрушить их страхи и опасения. (Некоторые из этих опасений я считаю справедливыми и оправданными.) Может, это моя вина, может, отчасти и они виноваты, но я хочу сказать, что пока не смог получить рационального ответа на этот вопрос. Но я уверен, что это вопрос лишь времени и этот наш диалог пойдет на пользу примирения. И такой же диалог между общественностями тоже пойдет на пользу примирения обществ.

Гига Бокерия: *Тут уже назвали шаг, который мы могли бы сделать – это отмена санкций. Они считают, что это способствовало бы устранению определенных страхов и опасений.*

Шалва Пичхадзе: Насчет этого я выскажу свое личное мнение: нет пути, более действенного и более короткого, чем открытие обществ друг для друга и взаимная прозрачность для любой, даже негативной, информации.

Гига Бокерия: *Спасибо.*

Манана Гургулия: В одном я согласна с г-ном Шалвой: да, действительно, наши общества должны быть по мере возможности открытыми; да, нам необходимо наладить обмен информацией, необходи-

мо больше знать друг о друге, и, наверное, в этом направлении кое-что уже делается. Симптоматично, что в эти дни в Тбилиси работают три абхазские группы, причем две из них – это журналистские группы. Так что, наверно, здесь происходит какой-то небольшой прорыв. Теперь что касается, на мой взгляд, несколько риторического вопроса Шалвы: а что бы ждали абхазы от грузинской стороны, что нужно сделать грузинской стороне, чтобы в какой-то степени как бы завоевать доверие абхазской стороны? Вы знаете, что переговорный процесс длится вот уже семь лет, но каких-то ощутимых результатов там нет, и, насколько я знаю (Шалва это знает лучше меня), там есть два документа, которые дискутируются почти три года. Это Соглашение о мире и невозобновлении военных действий, и это Протокол о возвращении беженцев в Гальский район и экономической реабилитации Абхазии. Мне представляется, что в том, что до сих пор не подписано хотя бы соглашение о мире, есть львиная доля вины Грузии. Говорить о доверии друг к другу после войны, причем войны, затронувшей практически все население Абхазии (мне так представляется, ее разрушительные, губительные последствия для абхазов были, наверно, сильнее, нежели для Грузии), говорить о прогрессе в отношениях, прорыве, не подписав столь важный документ, как Соглашение о мире и невозобновлении военных действий, наверно, сложно.

Арда Инал-Ипа, Центр гуманитарных программ: Я бы хотела ответить на несколько вопросов по поводу ‘образа врага’, потому что в абхазской делегации немножко разные представления об этом. Мне кажется, мы смотрим на это по-разному, потому что понимание угрозы со стороны Грузии все-таки было, но эта угроза связывалась с властями Грузии, а никак не с народом, я готова утверждать это. На бытовом уровне опасения, недоверие возникли вот только со времен, пожалуй, Гамсахурдия. Естественно, после войны они усилились. Еще я хотела ответить на вопрос г-на Шалвы: «Что нужно сделать Грузии, чтобы Абхазия избавилась от страхов?» Мне кажется, Грузии надо избавиться от страха увидеть, наконец, в Абхазии дружественного партнера.

Гига Бокерия: *Спасибо.*

Георгий Хубуа, Институт государства и права АН Грузии: Абсолютно понятно. Эта проблема характерна не только для абхазов, но я думаю, что и мы, грузины, должны увидеть встречное желание диалога и интеграции. И в таком случае, я уверен, мы сможем найти такую форму сосуществования, которая удовлетворила бы и абхазов, и грузин.

Гига Бокерия: *Согласен. Но что эта за форма? Как раз об этом они никак не могут договориться.*

Тамаз Хубуа: Хочу коротко ответить г-же Манане по поводу этого договора. Я являюсь членом Координационного совета грузино-абхазских переговоров и имею касательство к перипетиям вокруг этих документов. Пока эти документы не будут иметь каких-то признаков договора между двумя независимыми государствами, документы эти подписаны не будут. А сейчас давайте мы сами – как присутствующие в зале, так и телезрители – определим: кто виноват в том, что эти документы не подписываются?

Гость студии (не представился): Я хочу поставить один вопрос. Экономические это санкции или блокада – называйте как хотите, но этой ненормальной ситуации, которая является продолжением кровавого военного противостояния, должен прийти конец. Другого выхода нет. И по-моему, наше правительство должно ускорить решение следующего вопроса: чего же мы хотим, какую Абхазию мы хотим? Такой, какой была Абхазская Автономная Республика, уже не будет. Мы говорим, что ее статус будет широким. Давайте сформулируем наше мнение насчет этого статуса, чтобы сказать, наконец, абхазским коллегам, что мы им предлагаем.

Зураб Парцвания, Лига абхазских НПО (Тбилиси): Во-первых, не блокада – следствие конфликта, а конфликт – следствие той тоталитарной системы, которая в течение 70-ти лет формировала не “образ врага”, а просто ненависть ко всему свободному, ко всему мыслящему. Во-вторых, никакими санкциями нельзя заставить человека что-то делать. Можно заставить делать вид. Это закон психологии.

Лаша Бакрадзе, историк: Я совершенно согласен с тем мнением, что у Грузии нет такой определенной государственной политики, которая была бы понятна для нас, грузин, и для абхазов тоже. И мы – во всяком случае, я, обыкновенный гражданин – не видим каких-либо конкретных предложений насчет того, как нам, грузинам, представляется это будущее сосуществование. Это я говорю в порядке критики грузинской стороны. Однако я хочу сказать, что с абхазской стороны существуют два таких момента: мы выиграли войну, и теперь всё наше, значит, мы не должны идти на ряд уступок; и второй момент – мы маленький народ, и поэтому все должны с нами как-то считаться. Когда г-жа Манана, которую я очень уважаю, говорит, что она никак не представляет, чтобы абхазские грузы проходили через грузинскую таможенную, я не представляю, о каком диалоге может идти речь, если даже экономическая логика не действует. К сожалению, я не вижу результата таких дискуссий, потому что обе стороны, видимо, довольно крепко держатся за свои позиции, ожидая, что в будущем это даст им какой-то результат.

***Гига Бокерия:** Спасибо за такой скептический комментарий.*

Абесалом Лепсая, Абхазский институт гуманитарных исследований: Может быть, я выскажу несколько странную мысль, но мне кажется, что единственный смысл введения вот этих экономических санкций заключается в том, чтобы их отменить. Поскольку они не достигают никакой цели, их первоначальный смысл уже утрачен. Потеряв всякий смысл, эти экономические санкции стали неким самостоятельным конфликтогенным фактором. Вокруг них выросли группы интересов, как в Абхазии, в Грузии, так и в России, которые паразитируют на этих санкциях. Поскольку экономическое развитие остановить невозможно, процветает и будет, наверное, и дальше развиваться полулегальный, или, как его называют, криминальный бизнес. Поэтому, если начнется отмена экономических санкций — а ведь мы почему-то забыли, что отмена санкций – это не одноразовый акт, это процесс, где оговариваются правила и условия последующего экономического сотрудничества – так вот, такой процесс отмены экономических санкций, если он начнется, позволит построить цивили-

зованные экономические отношения между двумя сторонами и институционализировать связи между Грузией и Абхазией. Я думаю, обе стороны должны быть в этом заинтересованы.

Гига Бокерия: *Как я уже сказал, времени для такой беседы у нас немыслимо мало. Но я все же хочу как-то суммировать ту весьма несконцентрированную и несфокусированную дискуссию, что тут происходила. Г-жа Нателла, первым делом я хочу попросить вас – я хочу, чтобы вы очень коротко ответили мне еще на один вопрос: согласны ли вы с тем, что у абхазского народа сегодня синдром нации-победительницы, синдром победителя, и как по-вашему, является ли это проблемой?*

Нателла Акаба: Я не могу назвать это вот так – «синдром победителя», но я могу сказать, что сегодня абхазы впервые за многие годы ощутили себя хозяевами своей страны, и, конечно, это приносит как какие-то радостные открытия, так и некоторые разочарования, потому что оказалось, что мы, наверное, не все так хорошо умеем мыслить по-государственному, как нам казалось раньше. Но такой эйфории какой-то постоянной, чтобы мы как-то бравировали тем, что мы победители – этого абсолютно нет, потому что жизнь сложна и она диктует свои какие-то требования. Но сказать, что кто-то жалеет о том, что мы победили, это было бы странно.

Гига Бокерия: *Извините, но я вас перебыю. Мне показалось, что вы сказали, что поскольку абхазы ощутили себя хозяевами, местное фактическое руководство выражает волю народа. Вы в самом деле считаете, что местное руководство реально является выразителем воли того народа, который сегодня живет в Абхазии? И этот народ, проживающий сегодня в Абхазии, свободен?*

Нателла Акаба: Эти власти представляют интересы своего народа в той степени, насколько вообще власти (как и в Грузии и, я не знаю, в Азербайджане) представляют интересы своего народа. Во всяком случае, для нас эти власти вполне легитимны. В каких-то вопросах лично я с ними абсолютно не согласна, а в каких-то меня устраивает

их позиция. Так что это, по-моему, примерно та же картина, какая существует и в других странах.

Я очень рада, что сегодня участвую в таком разговоре – он, может быть, острый и болезненный, но я считаю, что нам необходимо пройти через это, потому что мы с грузинами никогда искренне не дискутировали. Наше общение всегда происходило в каких-то рамках, рамках какой-то советской идеологии, и у нас не было возможности прояснить свои позиции. Мне кажется, это была большая трагедия, и она привела к тому, что мы вот сегодня имеем. Вот такой разговор – он очень полезен, и мне кажется, что мы только тогда сможем найти какие-то новые формы отношений, когда мы изменимся сами. Я вот чувствую, то, что мы сегодня здесь слышали – это тоже отголоски вот этого старого мышления: «Мы должны дать абхазам... Грузия не позволит... Грузия терпит ущерб». Почему абхазы должны все время думать о Грузии? Мы бы хотели, чтобы Грузия поняла, что мы сами хотим быть хозяевами своего будущего.

***Гига Бокерия:** Спасибо. Г-н Шалва, вот тут было сказано, что у Грузии нет позиции по отношению будущего Абхазии. Что скажете?*

Шалва Пичхадзе: То есть как это нет? Но в одном не могу не согласиться с выступившим тут господином — в том, что наше представление о будущем Абхазии в составе единого грузинского государства не было сформулировано четко и детально и не было опубликовано, скажем, в виде документа. В общем виде все это излагалось не раз – я имею в виду не в общих словах, а в общем виде. Неоднократно говорилось, как мы это себе представляем.

Я хотел бы высказать свое мнение насчет одного высказывания г-жи Нателлы – насчет того, что абхазский народ наконец-то почувствовал себя хозяином. Знаете ли, мне не так-то легко это слушать, потому что я не вижу с абхазской стороны никакого желания как-то осмыслить, спросить себя, не совершили ли они сами какую-то ошибку – может быть, они и сами в чем-то виноваты? Потому что когда после такого кровопролития, такого конфликта, таких мучений я слышу, что они “наконец-то почувствовали себя хозяином на собствен-

ной земле”, это значит: “все, что я сделал, было правильно”. С грузинской стороны я вижу хотя бы желание найти свои ошибки. Вот такой подход не свидетельствует о том, что с абхазской стороны существует хотя бы желание найти собственные ошибки. Спасибо.

Гига Бокерия: *Г-жа Нателла, мы сейчас услышали довольно-таки неприятные обвинения. Я тоже хочу кое-что добавить. Тут было сказано, что на этой территории, которая называется Абхазией, почувствовал себя хозяином абхазский народ. Как вы считаете, тот народ, который оттуда ушел, должен ли тоже стать хозяином? То есть, может быть, он тоже является хозяином той земли, того неба?*

Нателла Акаба: Хозяева Абхазии – это те, кто любит Абхазию, любит ее как Абхазию, а не как часть Грузии или как Грузию. Это для меня совершенно не национальный признак, я не говорю об абхазах как об этносе, я говорю о тех людях, которые сегодня живут в Абхазии. Некоторые из них тоже вынуждены были уехать на заработки, но, тем не менее, считают себя детьми Абхазии. То есть это их дом. Для меня, может быть, менее симпатичны те люди, которые видят в Абхазии только придаток Грузии. Вот такая позиция для меня совершенно неприемлема.

Гига Бокерия: *Понятно, спасибо. Г-жа Манана, хочу попросить вас суммировать эту дискуссию.*

Манана Гургулия: Мне представляются полезными такие вот дискуссии, и не только по вопросу об экономических санкциях, потому что очень много болезненных и спорных проблем, по которым следует вести дискуссии, слушать и слышать друг друга. А что касается данной дискуссии – по вопросу об экономических санкциях – я бы хотела сказать следующее. Наверное, никакую картину мира и никакую картину политического конфликта или ситуации нельзя рисовать двумя красками – черной и белой. С моей точки зрения, экономические санкции — это безусловно плохо, они, безусловно, нанесли серьезный ущерб экономике Абхазии, не способствовали ликви-

дации ‘’образа врага’’, но, наверное, у них был и какой-то свой... может, вам это покажется странным, но плюс. Когда на тебя давят, у тебя два выхода: либо ты умираешь, либо сопротивляешься. Сопротивление – вещь полезная, если это сопротивление учит тебя выживать в экстремальной ситуации. И в условиях экономических санкций народ Абхазии – я не имею в виду только этнических абхазов, я имею в виду и армян, и русских, и грузин, которые живут в Абхазии – рассчитывая на свои собственные силы, все-таки пытается делать какие-то шаги вперед, пытается каким-то образом восстанавливать экономику Абхазии, при том, что инвестиций практически нет. Но я все-таки убеждена в том, что две конфликтующие стороны – грузинская и абхазская – должны вести диалог, должны вести переговоры, в том числе и по экономическим вопросам, потому что есть очень много каких-то вопросов, каких-то моментов, которые представляют взаимный интерес, и это, конечно, не только энергетика, не только объекты ИнгурГЭС. Мне представляется, что какой-то прорыв все-таки должен произойти.

***Гига Бокерия:** Большое спасибо. Как я и предупреждал, дискуссия получилась прерванной на полуслове. Но я, как минимум, все же надеюсь, что, несмотря на прозвучавшие под конец очень скептические высказывания, она будет иметь продолжение – может быть, здесь, в Студии Ре, может, где-нибудь в другом месте. Большое спасибо всем. Всего хорошего.*

**Встреча в Кавказском институте
мира, демократии и развития**
10 декабря 2000 г.

Паата Закареишвили: Уже четвертый год мы очень поступательно и регулярно (может, кому-то и кажется, что медленно) ведем диалог между представителями грузинского и абхазского общества, особенно между представителями НПО – тех организаций, деятельность которых направлена на трансформацию конфликта, к сожалению, существующего между нашими народами.

Впервые за это долгое время наши друзья приехали сегодня в Тбилиси, чтобы познакомиться с нами, с нашим гражданским обществом, с нашими достижениями и проблемами, поделиться своими достижениями, своими проблемами и вместе подумать о том, что с нами произошло, что происходит и как выйти из этой ситуации. Конечно, не все абхазские участники диалога смогли на этот раз приехать в Тбилиси. Сегодня их здесь около 15 человек – как представителей НПО, так и журналистов. С нашей стороны из участников здесь присутствует 6 человек. Остальные сейчас – одни в Гудаури, где идет журналистский проект, другие здесь же, в Тбилиси, но не в Кавказском институте, а в Кавказском доме. (В общем, мы сегодня полностью оккупировали весь «Кавказ».)

Я сам представляю гостей: Батал Кобахия – Центр гуманитарных программ, Арда Инал-Ипа – Центр гуманитарных программ, Далила Пилия – Абхазский государственный университет, Мана-на Гургулия – информационное агентство «Абхаз-пресс» и Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего», Нателла Акаба – Центр поддержки демократии и прав человека, бывший депутат парламента Абхазии (предыдущего созыва), Абесалом Лепсяя – Фонд «Права человека и гражданское общество», Пола Гарб – вдохновительница и организатор нашего проекта, профессор Калифорнийского университета, этнограф, давно занимается Кавказом и после вооруженного конфликта задалась идеей способствовать примирению сторон. С грузинской стороны всех представить невозможно, поэтому просим каждого из вас представиться, когда будете выступать.

Вы, наверное, обратили внимание, что в коридоре за дверью лежат две книги нашего диалога – 3-й и 4-й выпуск. Мы такие встречи записываем – считаем, что наши дискуссии надо выносить на обсуждение общества, чтобы не замыкаться в своем кругу, чтобы общество знало, куда идет наша дискуссия, что мы уже можем или еще не можем обсудить. Так будет и на этой встрече: мы запишем ваши выступления, откорректируем и опубликуем. Чтобы вы знали: будет идти запись, и если кто-то из принципа не хочет, чтобы его выступление было включено в сборник, мы будем это учитывать.

Большую заслугу Пола Гарб в том, что такие встречи вообще происходят, я уже отметил, но хочу отметить и большую роль UNOMISa, который тоже старается поддерживать наши диалоги – без их помощи нам было бы трудно встретиться здесь, в Тбилиси. Надо также отметить, что у нас очень много друзей и в других международных организациях, которые поддерживают наше движение. Особенно хотелось бы отметить посольство Великобритании, которое тоже очень помогло, чтобы эта встреча состоялась, чтобы такие встречи были всегда. Теперь перехожу к повестке дня.

В мире, к сожалению, очень много конфликтов, и почти все они находятся в замороженном состоянии. Один из них – грузино-абхазский, который уже седьмой год не сдвигается с места. В ходе этих конфликтов возникли народные движения, которые называются народной дипломатией, неформальной дипломатией, неофициальной и пр., когда люди сами выходят навстречу друг другу, стараются найти точки соприкосновения и решить проблему. В нашем конфликте тоже есть такое движение, и это не только мы – много других людей тоже участвуют в трансформации, по крайней мере, стараются реализовать себя в трансформации этого конфликта.

Наиболее ощутимые достижения у гражданского общества были в ходе палестинско-израильского конфликта, где оно преуспело настолько, что могло так или иначе влиять на конфликт. У нас много информации оттуда, были даже прямые контакты. Мы считали и считаем, что они очень продвинулись в этой области. Но, к сожалению, несмотря на это, снова началась эскалация конфликта, и гражданское общество, активные граждане, которые очень сильно влияли на

его трансформацию, увы, оказались сейчас не у дел – их голос не слышен, их влияние ослабло. Нам кажется, что было бы неплохо обсудить здесь с вами, насколько мы вообще сильны или слабы, что мы можем делать. Наш круг расширяется, мы усиливаемся, с нами очень часто считаются политики, нас зовут, нас просят быть экспертами. А в критические моменты может вдруг оказаться, что мы не можем серьезно влиять на какие-то процессы.

Основные цели нашей встречи:

обсудить, насколько гражданское общество способно избежать возобновления вооруженного конфликта;

обсудить, насколько мы вообще являемся гражданским обществом.

В первую очередь я хочу показать нашим абхазским друзьям, где мы находимся сегодня. Как-то я пошутил с ними, что знаю в лицо все гражданское общество Грузии...

Батал Кобахия. А мы тогда шутили, что в Абхазии знаем в лицо даже негражданское общество. *(Смех в зале.)*

Паата Закареишвили: Я очень рад, что вы пришли на нашу встречу. И первое, что я хочу – чтобы вы познакомились с нами, узнали, кто мы есть на самом деле и что мы можем делать.

Во-вторых, с 92-го года во время встреч с абхазами у меня всегда складывалось впечатление (и оно не исчезает), что грузины не знают, чего хотят абхазы. Каждый новый человек, который подключается к нашему проекту – подтверждение этому. Он думал совсем другое, слышал об абхазах другое и вдруг меняет свое мнение. Поэтому мы хотим воспользоваться моментом, что вы у нас в гостях, дать всем возможность познакомиться с вами и услышать от вас, что такое сегодняшняя Абхазия, какие у нее проблемы, чего абхазы хотят вообще, чего они добиваются, в конце концов. Они же не враги своего народа, когда нам кажется, что они неадекватно себя ведут (в Грузии часто бытует такое мнение).

Вот две цели, которые я преследовал, когда хотел, чтобы состоялась такая встреча, хотя у каждого из вас разные цели, и мы будем

рады, если они будут реализованы. Я завершаю свое долгое вступление-приветствие и для начала, чтобы задать направление нашей встрече, хотел бы попросить г-на Резо Гачечиладзе, который является крупным экспертом по Ближнему Востоку и имеет больше всего информации о том, что там реально происходит, рассказать нам, что же там произошло (многие из нас недостаточно информированы о происходящих там процессах). Затем выступит г-жа Пола Гарб. У нее тоже есть информация о палестинско-израильском конфликте именно с гражданской точки зрения. А потом я попрошу нашего друга Зураба Чиаберашвили коротко рассказать о том, что сегодня представляет собой гражданское общество Грузии. После этого откроем дискуссию. Эти три выступления мы заранее согласовывали, об остальном будем дискутировать.

Просьба ко всем придерживаться регламента – около 5 минут. Мы будем работать до 6-ти часов, и думаю, у всех будет возможность выразить свое мнение. В середине дня перерыв.

Приветствую всех еще раз и прошу г-на Резо. Для выступающих регламент 10 минут.

Реваз Гачечиладзе: Прежде всего, я хочу сказать, что выступаю здесь как ученый, как профессор Тбилисского университета, и только. Поэтому мнение, которое я выскажу, будет моим сугубо личным мнением по интересующей вас теме.

Итак, конфликт на Ближнем Востоке. Я не совсем согласен с тем, что, как вы сказали, там был прогресс, были положительные результаты. Да, результаты были, но не совсем связанные с гражданским обществом (по крайней мере, таково мое впечатление). Давайте порассуждаем об этом вместе.

Начнем немного издалека. То, о чем мы будем говорить сейчас, т.е. палестино-израильский конфликт, не имеет никакого структурного сходства с конфликтами на Кавказе. Возможно, поговорим даже о контрастах – чего там не добились, здесь добиться можно, и наоборот, того, чего добились там, здесь мы пока не смогли. Вы знаете, как все начиналось: конфликт этот не новый, всегда подчеркивается, что он, по крайней мере, столетний, он был уже в начале века. Как он возник? Фактически, это был территориальный конфликт. Потому

что евреям нужен был общий дом. Примерно две тысячи лет назад их изгнали (римляне) с Ближнего Востока, с территории, которая сейчас называется Израилем и очень долго называлась Палестиной (там пользовались и другими названиями), и евреи были рассеяны по всему миру. Они долго думали, где создать себе национальный дом, одно время подумывали даже об Уганде, был даже вариант Йемена, но в конце концов, сто лет назад, в 1897 г., было решено, что они будут строить свой национальный дом в Палестине. В 1917 г. сионистское движение получило международную поддержку в виде заявления английского правительства, которое известно как Декларация Бальфура (Бальфур был тогда министром иностранных дел). Это заявление было результатом большой политической борьбы. Англии нужна была поддержка евреев, сионистского движения, потому что она хотела укрепиться на территории, которая раньше принадлежала Оттоманской империи. Она издала декларацию, в которой было сказано, что правительство Его Величества поддерживает создание в Палестине национального дома для еврейского народа, но с учетом того, что все остальные религиозные, этнические группы, которые там живут, не будут терпеть от этого никакого притеснения, т.е. их гражданские и религиозные права не будут ущемлены. Примерно так в ней написано. Об этой второй половине декларации часто забывают, помнят только о том, что создается дом для евреев. Кстати, против того, чтобы в документ включили эту фразу об остальных общинах, был Хаим Вайцман, будущий первый президент Израиля, но англичане ее все-таки включили. Эта формулировка была как раз уступкой гражданскому обществу – в Англии оно уже сформировалось.

В Палестину началась иммиграция евреев. Тому, что там увеличилось количество евреев и было создано их государство, в особенности способствовало то, что в этом столетии случилось большое несчастье – Холокост, погибло огромное количество евреев – нацисты устроили геноцид европейского еврейства. Это, конечно, повлияло на международное общественное мнение, которое было настроено очень проеврейски. Государство было создано, и создано на той территории, которая раньше считалась арабской. Но на самом деле, в 1947 г., когда в ООН было принято постановление о

создании государства, было сказано о создании двух государств – еврейского и арабского – довольно странных государств: каждому по два-три кусочка территории, отделенных друг от друга. Но так или иначе, еврейская община приняла это постановление с удовольствием и воодушевлением, а арабы отказались. Это было огромной ошибкой арабов, потому что они не согласились с синицей в руках, пожелав журавля в небе, но не получили ни синицы, ни журавля, ни даже яйца. Поэтому, несмотря на все, что там было (война 1948-49 гг.). Израиль выжил и, более того, получил большую территорию, чем предлагала ООН с самого начала. Потом была война 1967 г., тоже, кстати, спровоцированная арабской стороной (особенно виноват был Насер). Фактически, спровоцировали эту войну арабы, а начал ее Израиль, и после нее вся Палестина, которая была когда-то в руках британцев, оказалась в руках Израиля. Вот давайте с этой точки и начнем.

В 1967 г. Израиль аннексировал определенную часть территории. Иерусалим расширился примерно в три раза, а что касается остальной территории Палестины, ее Израиль не аннексировал – обычно ее называют “оккупированной”, удерживаемой Израилем силой оружия. Там сейчас живет, наверное, более 3 миллионов палестинских арабов. Эта территория, которая контролируется Израилем, но формально не является частью Израиля, составляет 23% прежней Британской Палестины. Что касается самого Израиля, там живет примерно 1 миллион арабов. В основном они мусульмане, но примерно 10% из них христиане. Вот эти арабы и являются гражданами Израиля. Кстати, Израиль имеет два государственных языка: еврейский и арабский. Так что в этом плане там все нормально: вы везде можете увидеть надписи на обоих языках, и дети в школе обучаются обоим языкам. Израиль смог, конечно, построить гражданское общество, потому что сначала там жили, в основном, выходцы из европейских стран: Германии, Польши, России, Румынии, Болгарии, Венгрии и т.д. Как раз эти люди смогли построить там гражданское, демократическое общество. Чтобы рассказать о том, какая там политическая система, мне не хватит даже десяти часов, не то что десяти минут, скажу только, что фактически Израиль является демократической страной европейского типа. И все израиль-

ские арабы имеют те же права и обязанности, что и евреи, кроме одного, и это очень важно: они не служат в армии. В армии служат все евреи, и военную службу обязаны проходить даже девушки. Более того, они все идут туда с удовольствием, девушки ждут, когда им исполнится 18 лет, чтобы пойти в армию, это им очень интересно. Из всех арабов в армии служат только определенные группы, например, друзы и так называемые бедуины (они, фактически, арабы, но считают себя отдельной этнической группой). Эта ситуация и создает все остальные сложности. Потому что дискриминация происходит на этом уровне – например, для израильских арабов, не служивших в армии, недоступны многие государственные посты, не потому, что где-то написано: “арабов не допускать”, а потому что они не прошли определенной предварительной стадии, которая считается необходимой. Но в целом, должен сказать, арабы принимают в выборах такое же участие, как и евреи, они очень влиятельны в том плане, что миллион человек – это примерно 1/6 голов. Они имеют чуть меньше 1/6, потому что у них много детей, и процент избирателей, соответственно, меньше 1/6, но это важный компонент, с которым политическим партиям всегда приходится считаться, и они стараются иметь хорошие отношения с арабами – по крайней мере, перед выборами.

Что касается построения гражданского общества и мирного сосуществования внутри Израиля, в этом плане, конечно, достигнуты определенные успехи, серьезные успехи, можно сказать. Хотя есть и очень многое, чего у нас никогда не будет, например, раздельное расселение – есть определенные районы или деревни, где живут только евреи, например, кибуцы, там не могут жить арабы. Недавно был такой интересный случай, когда арабская семья решила купить землю в еврейской деревне, а местный совет им запретил. Они подали иск в Верховный суд Израиля. Верховный суд разрешил им купить там землю и поселиться. Так что в этом плане идет, как видите, процесс построения гражданского общества. Но этот случай – исключение, массово таких случаев пока нет.

Очень важно, что среди еврейского и арабского населения есть определенные круги, которые очень хотят мира в стране и работают в этом направлении. Я не могу сказать, что их не видно и не слышно –

напротив, в составе нынешнего правительства много людей, которые выступают за мирное сосуществование. Ситуация вынуждает их быть иногда “ястребами”, хотя на самом деле они, так сказать, “голуби”. Например, министр иностранных дел Шломо Бен-ами, или министр юстиции Иосси Бейлин, или министр абсорбции Юли Тамир – они все министры нынешнего правительства, и это большая сила, представляющая так называемых левых (“левые” и “правые” там – это не то, что у нас, европейское деление на левых и правых там совершенно не действует: “левыми” считаются те, кто за мирное сосуществование или за большие уступки, а “правые” – непримиримые противники уступок). Эти люди (“левые”) сейчас в правительстве, но они не все могут делать, не всегда это возможно – иногда они становятся жертвами обстоятельств. Существует такая организация «Шалом ахшав» – «Мир сейчас». В 1977 г. нынешний министр абсорбции Тамир была одним из основателей этой организации, и правые до сих пор не могут простить ей этого. Но что она может сделать? Именно то, что там есть гражданское общество, в определенном плане осложняет ситуацию, потому что во многих случаях правительство вынуждено оглядываться на мнение других групп, а другие группы не дают ему возможности делать все, что оно считает необходимым. В этом году правительство Барака делало все для того, чтобы в мирном процессе произошел прорыв. В Израиле многие прекрасно понимают, что единственная возможность сосуществования – это размежевание. Поэтому они хотят, чтобы у палестинцев была собственная территория, но они фактически являются заложниками истории. С 1967 г. на «оккупированных» территориях было построено 140 (или чуть больше) еврейских поселений. Эти поселения были созданы теми людьми, которые считают, что это была земля их предков (Иудея и Самария, или Западный Берег) и они там всегда будут жить. Как они это собираются делать мирным путем, неясно. Арабов оттуда изгонять никто не станет. Евреи там поселились, провели дороги, их защищает государство. Их 200 тысяч человек. Более того, за последние 10 лет, с тех пор, как начался мирный процесс, их количество увеличилось вдвое, и даже правительство Барака вынуждено выделять ассигнования для нового строительства на этой территории. Можно предвидеть территориальные конфликты.

Я почему рассказываю про все это? Потому, что это те реалии, которые создают сложности для мирного процесса. Существует очень много НПО, которые стараются тоже проводить собственную мирную политику. Например, была создана такая деревня – общая деревня, где вместе поселились евреи и арабы. Они до сих пор там живут. Но несмотря на это, сейчас, когда начался конфликт, один из активистов пацифистского движения, араб, был случайно убит израильской армией. Это имело очень отрицательные последствия для этого движения.

Иногда наступает какой-то момент, когда невозможно чем-то управлять – как сейчас, когда мы говорим о том, как этот конфликт начался. Иногда это сваливают на Шарона, лидера оппозиции, который 28 сентября пошел на Храмовую Гору (в Израиле ее называют Храмовой Горой, там был Храм, но сейчас там только исламские святыни; по-арабски это Харам-аль-Шариф). Шарон сделал это не потому, что хотел насолить арабам, а чтобы создать сложности для своего политического оппонента Барака и внутри своей партии показать, насколько он силен, показать свое преимущество перед Нетаньяху, который все время маячит за его спиной. Т.е. это фактически внутренняя политика, которая уже потом создала внешние осложнения. Одним из раздражителей как раз было то, что, когда он пошел на Храмовую Гору, арабы восприняли это как провокацию. И после этого началась “интифада Аль-Аксы”.

А потом как происходит? Потом движение становится хаотичным – с одной стороны начинают протестовать, кидать камни, проводить теракты, с другой стороны стараются остановить эти протесты с помощью резиновых пуль, затем резиновые пули становятся настоящими, затем хоронят убитых, снова начинаются протесты, и так без конца. Тут, конечно, нужна сила воли с обеих сторон, чтобы как-то остановить эту эскалацию, но с обеих сторон руководители связаны по рукам и ногам. Если это хочет сделать, скажем, Арафат, то он не может, потому что у палестинцев есть уже порядка шести разных военизированных организаций, из которых не все его поддерживают. С самого начала они были созданы для того, чтобы как-то друг друга балансировать, и Арафат мог находиться на вершине власти, имея несколько разных вооруженных организаций, но потом

оказалось, что это неуправляемо. Допустим, он бы приказал одной организации прекратить столкновения, но он не может – одна организация не пойдет против остальных пяти. Такова ситуация. Что касается Израиля, здесь происходит почти то же самое: фактически, Барак ничего не может сделать. Иногда он пытается не отвечать на насилие, как, например, после взрыва автобуса в Хадере: на следующий день после взрыва Израиль не ответил так, как это обычно делает – бомбит палестинские офисы и т.п. В данном случае он этого не сделал. Но в тот же день в Иерусалиме перед офисом Барака прошла почти двадцатитысячная демонстрация, требовавшая решительных мер, возмездия. В общем, я хотел сказать, что ситуация там отнюдь не из лучших, и, честно говоря, легкого выхода не вижу.

На этом фоне конфликты на Кавказе выглядят гораздо менее сложными. В Израиле живут люди, принадлежащие к совершенно разным цивилизациям. Хотя в языковом плане евреи и арабы – народы одной лингвистической семьи, они принадлежат к двум разным цивилизациям: иудейской и исламской. Там нет никаких межэтнических браков, так сказать, раз-два и обчелся. Пара примеров есть, но это абсолютно нетипично. Там очень трудно найти общий язык. На этом фоне конфликты на Кавказе, а в особенности, в Грузии, со стороны кажутся легче. Потому что тут нет такой ненависти. В нашем случае мы эту ненависть вполне, как говорится, можем обойти, можем превратить если не в любовь, то, по крайней мере, в терпимость. Нам это было бы гораздо легче. Я имею в виду грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты, где решаемость конфликта, когда смотришь со стороны, представляется настолько легкой, что все диву даются: дескать, что вы там спорите, какой там у вас конфликт, вот у нас – конфликт, и мы ничего не можем решить. Вот этот контраст меня больше всего и воодушевляет.

Паата Закареишвили: Спасибо, особенно за заключительную часть – меня тоже воодушевило, что у нас, может быть, больше шансов.

Пола Гарб: Мы все согласны, что конфликты, когда их начинаешь сравнивать, все, естественно, по-своему уникальны, но какие-то об-

щие моменты в них есть. Сегодня мы хотели бы сосредоточиться на том, что в них общего. Хотя бы на том, что там тоже существовало какое-то гражданское движение за мир, по крайней мере, последние 20 лет, и такие проекты проводились, и очень интенсивно. Т.е. для иностранцев это было очень большое поле для миротворческой работы, и в таких проектах участвовало очень много американцев. Но чем там очень отличается движение за мир, так это, мне кажется, тем, что в течение 10-ти последних лет (это уж точно) очень много проектов (и достаточно мощных проектов) и миротворческих инициатив рождалось изнутри, без помощи иностранных деятелей. Мы не эксперты, но то, что мы знали (все-таки мы общаемся с деятелями этих движений и с палестинской, и с еврейской стороны), вселяло в нас большой оптимизм. После того, как мы их послушали, нам показалось, что модель, к которой они пришли, могла бы быть очень хорошей и для нас. Даже стали думать, что их движение, которое началось как движение за укрепление мер доверия, т.е. просто знакомство, диалог, превратилось в политическое движение за мир и повлияло на ситуацию. (Конечно, это следует еще доказать и, думаю, потребуется много работы, чтобы показать связь между этим движением и каким-то прогрессом на политическом уровне. Лично я считаю, что такую связь доказать можно, но вопрос сложный.) Если сравнить эти два движения, я думаю, мы можем найти много общего, хотя здесь оно находится на более раннем этапе, а там до недавнего времени было на очень высоком уровне – на уровне политического движения, которое внутри страны уже давно было достаточно крепким и обходилось без иностранной помощи. Перед тем, как приехать сюда, я попросила наших друзей, которые участвовали в этой конференции – и американцев, участников их движения, и палестинскую сторону, и еврейскую – рассказать нам, в каком состоянии их движение сейчас. Я сказала, что у нас будет такая встреча в Грузии и мы хотели бы послушать про их опыт. Конечно, изнутри этот кризис еще трудно полностью анализировать, но и на данном этапе они смогли нам что-то сказать. Я перечислю несколько их кратких выводов на сегодняшний день. Конечно, вы можете себе представить, в каком они сейчас состоянии, и как им, наверно, трудно быть объективными и стоять в стороне от событий. Но самый очевидный вывод: уяз-

вимость, т.е. шаткость, хрупкость мира, на фоне мощной силы насилия. Еще один вывод, уже более конкретный: политические лидеры, Арафат, например, и Барак (особенно, считаю, это касается Арафата) ушли слишком далеко вперед по сравнению со своим населением, т.е. не работали со своим населением в этом официальном процессе. Потом оказалось, что один Арафат все-таки оглядывался назад. Руководители не должны, конечно, отрывать от населения. Насчет Осло: вы знаете, что в 94-м году все-таки был большой прорыв – в Осло была достигнута договоренность, и это был результат работы так называемого «второго рельса», т.е. политиков, но работавших в неофициальном качестве. Т.е. когда политические руководители не вели никаких переговоров, на неофициальном уровне велась работа, которая все-таки привела в этому соглашению о мирном процессе. И, как мне говорили наблюдатели и участники движения, неофициальный уровень должен продолжать как-то участвовать в процессе, когда передает его в руки политиков. А тогда они передали все на официальный уровень, и сейчас уже все это ушло из их рук (я говорю об официальных людях, которые занимались этой проблемой на неофициальном уровне), и они потеряли силу. Все-таки работа на неофициальном уровне должна вестись постоянно, даже когда все идет как будто бы хорошо, надо идти вместе. И, конечно же, необходимо взаимовлияние, взаимодействие официального и неофициального уровней. Одна палестинка написала, что было бы хорошо заранее иметь группы мониторинга на неофициальном уровне, которые в случае какого-то нарушения соглашения, в случае любой вспышки насилия должны сразу реагировать, должны быть готовы к этому. Т.е. движение, видимо, не предусмотрело каких-то механизмов, чтобы следить за событиями и реагировать на них. И сейчас, когда уже начался глубокий кризис, палестинская сторона подала нам заявление, в котором высказана обида на то, что их партнеры по проектам с еврейской стороны сейчас разве что звонят им по телефону, выходят на личные контакты, но не выступили (во всяком случае, вначале) в прессе, их не слышно, они замкнулись в себе. Говорят, что сейчас это меняется, но, действительно, складывается впечатление, что возобновление насилия парализовало участников движения, они не готовились к тому, что

случилось. И того доверия, которое строилось долго и вроде было крепким, сейчас как будто и нет. Чтобы партнеры держали связь, должны существовать какие-то механизмы. Конечно же, этому мешают политики. Я знаю это только с их слов, может быть, это неправда, но они говорят, что палестинское руководство запрещает палестинцам связываться с их еврейскими партнерами, что политические лидеры и с той, и с другой стороны связывают им руки, поэтому не все зависит от их личной воли. Вот, пожалуй, главные моменты, о которых, мне кажется, нам было бы полезно поговорить сегодня. Т.е. о том, чтобы строить как можно более мощный фундамент миротворческого движения на гражданском, неофициальном уровне, это во-первых. И во-вторых, действительно, надо заранее придумать какой-то механизм на случай, если, не дай Бог, будут какие-то ухудшения на политическом уровне – как будут действовать все миролюбивые силы, если вдруг возникнет пожар.

Паата Закареишвили: Спасибо большое, а теперь вернемся на родину. Зураб Чиаберашвили (наши мнения часто совпадают) постарается коротко показать свое видение того, каким должно быть гражданское общество. Есть ли оно у нас, и если да, то какое?

Зураб Чиаберашвили: В первую очередь отмечу, что для меня большая честь выступить перед такой аудиторией. Грузинскую сторону я хорошо знаю, но грузино-абхазский конфликт в таком контексте и в таком кругу мы никогда не обсуждали, поэтому я и себя, и других вижу сейчас в новом амплуа.

Хочу затронуть вопрос, которого коснулся Паата, когда сказал, что грузины не знают, чего хотят абхазцы. И мне сразу же показалось, что мы должны поставить вопрос иначе: а знают ли грузины, чего хотят сами грузины, и знают ли абхазы, чего сами хотят? Вот в чем вопрос. Нам, прежде всего, важно определить те интересы, которые есть у нас, грузин, и у абхазцев. Но здесь существует проблема: мы, грузины, сами не едины в видении модели сосуществования абхазцев и грузин на этой территории. Я не хочу преждевременно говорить: в одном государстве, в разных государствах и т.д. Можем мы быть на этой территории соседями или нет? Можем мы друг с дру-

гом говорить или нет? И какие у нас интересы? Вот если начать с определения гражданского общества, то для меня это те люди и институции, у которых есть какие-то общие интересы, и они вместе делают что-то, чтобы их реализовать. Какие интересы есть, например, у нас – абхазов и грузин, собравшихся в этой аудитории, и есть ли у нас общие интересы? Вот наша главная проблема. В наши интересы не входит говорить здесь и сейчас о политическом урегулировании и провозглашать обязательное возвращение Абхазии в Грузию, как это часто делают в Грузии. С вашей стороны, вы не можете сейчас говорить о том, что вы никогда не будете жить вместе с грузинами в едином государстве и т.д. Если мы начнем с этих вопросов, наше собрание, по-моему, потеряет смысл. Реально нас, как я вижу, затрагивает вопрос безопасности и развития наших обществ. Главный вопрос для меня: может ли грузинское общество развиваться в той ситуации, в которой оно находится? И этот же вопрос в адрес Абхазии: может ли Абхазия в том состоянии, в каком она сегодня, развиваться как нормальное сообщество людей? Я думаю, что на эти вопросы мы ответим отрицательно, потому что идеология войны мешает и вам, и нам сделать из этих «протообществ», как говорит Давид Бердзенишвили, какое-то нормальное сообщество людей и вести диалог друг с другом. Когда я говорю о безопасности, я имею в виду конкретные факты. Например, в начале ноября абхазская сторона провела военные учения, и главной задачей этих маневров было отражение нападения грузинской армии со стороны Кодорского ущелья или Черного моря. Грузины тоже проводят такие учения вблизи Ингури и т.д. Это говорит о том, что эти общества не доверяют друг другу, несмотря на то, что Арсенишвили подписывает договоренность о том, что грузинская сторона взяла на себя обязательство не нападать на Абхазию. Еще не подписал, но... официальные лица Грузии все время об этом говорят. И, к сожалению, я сейчас могу сказать, что с нашей (гражданского общества) стороны нет давления на наше правительство, чтобы оно взяло на себя это обязательство. Моя роль – прежде всего ставить вопросы, а не отвечать на них, потому что, я знаю, после моего выступления будут нападки и с грузинской стороны, и с абхазской – кому-то не понравится одна моя фраза, другому другая...

Реплика: Никаких нападков не будет...

Батал Кобахия: Вы нас уже разоружили... Придется нам молчать часов шесть. *(Смех в зале.)*

Зураб Чиаберашвили: Итак, главное: для того, чтобы мы чувствовали себя безопасно – между нами должно быть доверие. Что значит доверие? Когда оно существует? Доверие есть тогда, когда мы соглашаемся на какие-то основные принципы, такие принципы, в которых мы не будем ущемлять друг друга, от которых не будем отказываться ни в каком случае. Я ставлю на обсуждение такой вопрос: есть ли у нас такие основные принципы, от которых мы никогда не будем отказываться? И если такие принципы у нас найдутся, то можно говорить, что какое-то доверие между нами уже есть. Если таких принципов у нас нет, то о доверии сейчас говорить трудно.

Манана Гургулия: Абхазия обязуется никогда не нападать на Грузию...

Нателла Акаба: И ждет того же в ответ.

Зураб Чиаберашвили: Хорошо. Я уже сказал, что мы мешаем друг другу. Что это значит? Абхазия, в том состоянии, в каком она есть, мешает развиваться Грузии в том состоянии, в каком есть Грузия, а Грузия мешает развиваться Абхазии. Что это для меня значит? Дело в том, что правительство Ардзинбы и правительство Шеварднадзе (добавим сюда же и «легитимное правительство» Надареишвили) все-таки держатся на идеологии войны, на том, что между грузинами и абхазцами огромные проблемы, на том, что Грузия находится в неважной геополитической ситуации – поэтому они не могут, дескать, сосредоточиться сейчас на наших внутренних проблемах.

Я однажды уже выступал против «легитимного правительства» Надареишвили и сейчас хочу это повторить. Для абхазцев это правительство (те лица, которые в этом правительстве) неприемлемо и в психологическом, и в юридическом плане. Для меня это «легитимное правительство» неприемлемо, потому что это дополнение к той коррумпированной политической системе, которая существует во всей

Грузии; потому что это правительство реально крадет деньги из моего кармана, из государственного бюджета. По этим причинам Надареишвили для меня – другая проблема, не такая, как для абхазцев. Надареишвили существует в Тбилиси потому, что существует абхазская проблема; если бы не было абхазской проблемы, такого легитимного или квазилегитимного правительства просто не было бы. И если Абхазия мешает нам, грузинам, создать нормальное сообщество без таких легитимных правительств, без Надареишвили, без таких коррумпированных чиновников, то мы тоже мешаем абхазцам – мешаем создать нормальное общество там, в Сухуми. Ведь идеология Ардзинбы строится на том, что завтра нападет Грузия, и поэтому решать внутренние проблемы, создавать гражданское общество, нормальные политические институты и т.д. для него – задача будущего, а сейчас главная задача – отразить нападение со стороны Грузии. Вот идеология Ардзинбы. И режим Ардзинбы, и тот, который существует у нас в Тбилиси, держатся на одном: на первом месте у них стоит идеология войны. Главная задача для меня – чтобы у нас были те правительства, которые выражали бы интересы своих обществ. Это, конечно, не разрешит конфликт, поскольку существует та же проблема, что и при арабо-израильском противостоянии. К примеру, абхазцы хорошо знают Паату Закареишвили... Если бы, например, тот же Паата вел переговоры как официальное лицо, а люди, которые здесь присутствуют, были бы представителями правительства Грузии, смогли бы мы идти на такие компромиссы, которых требовали бы от нас абхазцы? Смогли бы мы тогда говорить так, как мы будем говорить здесь – так же свободно, без ограничений? Дело в том, что и в Абхазии, и в Грузии сами общества неготовы к тому, чтобы задуматься – сможем мы жить вместе или не сможем. По моему мнению, наше общество во многом отстает от лидеров, как и в случае с Баракком. У абхазской стороны – другая проблема, там официальные лица тоже не готовы. В Грузии я вижу людей, мнение которых отличается от мнения общества, например, Паату Закареишвили, в котором я уверен. Здесь, я надеюсь, найдется еще много таких людей. Так что, даже если бы мы устроили демократические общества на наших территориях, даже после этого остался бы вопрос – будут ли эти сообщества думать о том, чтобы создавать еди-

ное государство, два разных государства и т.д. Потому что ненависть, которая была во время конфликта, не прошла. Вот пример: когда в мае 98-го года произошло столкновение в Гали, тех, кто протестовал бы против этого, кто заявил бы, что новая война губительна для обеих сторон, не было слышно.¹ Я не слышал таких заявлений ни с одной стороны – ни с абхазской, ни с грузинской. Это свидетельствует о том, что нам еще долго надо работать над тем, чтобы наши народы поняли, что такое противостояние вредит и одному сообществу, и другому. Но я вижу (может быть, абхазская сторона с этим и не согласится), что даже в Грузии, которая больше, чем Абхазия, не оказалось достаточных интеллектуальных ресурсов, чтобы создать нормальное демократическое сообщество, а в Абхазии таких ресурсов, по моему мнению, еще меньше, и это главная проблема: как создать такое гражданское общество новых людей, которые мыслят иначе, чем вся Абхазия, ее правительство и т.д. Вопрос, который стоит перед нами – это влияние на наши власти. По-моему, гражданское общество в Грузии пока не пыталось глубоко вникнуть в проблему грузино-абхазского конфликта, и те люди, которые здесь представлены, не обсуждали эту проблему с обществом посредством масс-медиа так же часто, как, например, проблему свободы слова. Передач, которые делает Студия Ре (об этих двух-трех передачах вы сможете прочитать в наших бюллетенях), явно недостаточно. Хочу сказать, что гражданское общество в Грузии пока не задумывалось о том, как абхазская проблема мешает решить другие проблемы Грузии. Спасибо.

Манана Гургулия: Я просто хотела задать один вопрос, если можно. Мы говорили об определенном недоверии друг к другу, о вражде, о том, что одно общество мешает другому... Как вам кажется, является ли единственным средством преодоления этих сложностей (я буду называть это отчуждением, может, и не очень коррект-

¹ Это еще не значит, что их не было. См., напр., заявление тбилисского конфликтологического центра (ICCN) «В грузино-абхазской войне победителей не будет» в бюллетене «Конфликты и переговоры», №3, 1998 (распространялось также по электронной почте). Тбилисские НПО послали коллективное заявление в пресс-агентства, но его сегодня уже никто не помнит. Такое же заявление пытались сделать и сухумские НПО (см. выступление Арды Инал-Ипа на стр. 103-104). (Прим. ред.)

но) жизнь в одном государстве? Вы сказали, что имеет место отчуждение между грузинским и абхазским народами, есть проблемы, недопонимание (некоторые используют понятие «образ врага», мне не очень нравится этот термин). Я тоже считаю, что отчуждение имеет место, и мы тем самым мешаем друг другу и себе, как вы сказали, строить новое государство. Является ли единственным путем преодоления этого комплекса сложностей создание единого государства или?..

Зураб Чиаберашвили: Я не говорил о едином. Не моя задача сейчас определять, будем мы строить единое государство или два разных. Моя задача – чтобы те люди, которые будут работать над этим, выражали интересы своих обществ. У меня нет таких рецептов – будем мы строить единое государство или нет, это мы будем определять потом, если сможем побороть отчуждение в наших сердцах.

Манана Гургулия: Тогда более конкретный вопрос...

Паата Закареишвили: Это уже дискуссия...

Зураб Чиаберашвили: Я не хочу, чтобы вы задавали вопросы только мне.

Нателла Акаба: Тут прозвучало, насколько я поняла, что в Грузии мало интеллектуальных ресурсов для строительства гражданского общества, а в Абхазии их еще меньше. Вы имеете в виду – меньше в количественном отношении или в процентном?

Реплика: Или в качественном?

Зураб Чиаберашвили: Почему я дал такую оценку? Я имел в виду численность. Дело в том, что когда какое-то сообщество создает новое государство – согласитесь, что Грузия до 89-го года или 90-го, это была совсем другая страна, сейчас мы создаем новую Грузию – я имел в виду, что в этой стране не оказалось достаточно демократических интеллектуальных ресурсов, чтобы создать нормаль-

ную, не авторитарную систему власти. Конечно, в Грузии есть свободная пресса, есть какие-то институты, есть НПО, и все-таки политическая система у нас коррумпированная, мы все это знаем. Это ненормально, и мы должны это изменить. Например, мы часто говорим, что власть в Грузии – это пирамида, а в Абхазии, у Абашидзе – это маленькая пирамида в большой пирамиде. Такая проблема есть и в Абхазии. Это тоже маленькая пирамида, в которой еще лучше видны те недостатки, которые есть у большой пирамиды.

Нателла Акаба: А почему вы думаете, что лучше?

Зураб Чиаберашвили: Это маленькая модель того...

Реплика: Паата, почему ты мешаешь, чтобы люди спрашивали, если у людей рождаются вопросы? Есть заявления, которые, естественно, вызывают вопросы.

Тенгиз Пачкория: Вы всерьез думаете, что в Грузии была или есть идеология войны? Это первый вопрос. И всерьез ли вы думаете, что отстранение от власти Надареишвили или другого человека, который займет его пост, разрешит вопросы, о которых вы говорили?

Зураб Чиаберашвили: Я думаю, что и в Грузии, и в Абхазии есть и сохраняется идеология войны. Это одно. И второе. Я не говорил о том, что мы должны отстранить Надареишвили и назначить другого. Мы должны распустить это «легитимное правительство».

Тенгиз Пачкория: И чем вы это мотивируете? Вы думаете, что они мешают урегулированию?

Зураб Чиаберашвили: Это правительство не выражает интересы тех, чьи интересы должно выражать – интересы беженцев. Оно за 7-8 лет ничего не сделало для того, чтобы улучшить состояние беженцев. Это для меня главное.

Тенгиз Пачкория: Еще один вопрос: когда вы говорили о том, что не хватило интеллектуальных ресурсов, я не знаю, насколько глубоко вы знаете ситуацию в Абхазии, изучали ли вы то, что было там до, во время и после войны. Не в обиду вам говорю, но мне вспомнились слова Алексея Аргуна, тогдашнего министра культуры Абхазии, на той знаменитой сессии, где была объявлена декларация о суверенитете – в 90-м году, 23 или 25 июля. Он говорил о той проблеме, о которой вспомнила сейчас Нателла – о количестве, качестве и т.д. Он тоже сказал (правда, в совершенно другом ракурсе), что дело не в количестве, а в качестве. И не кажется ли вам, что не из-за отсутствия интеллектуальных ресурсов грузинское общество не смогло эту проблему решить, а из-за того, что в стране наступил период депрессии? И более сильные государства – гораздо более сильные – не смогли решить подобные проблемы.

Паата Закреишвили: Вы оцениваете или задаете вопрос ?

Тенгиз Пачкория: Знаете ли вы, что в его выступлении прозвучали на грани фола обвинения оскорбительного характера не только в адрес политических деятелей, а в адрес?..

Паата Закареишвили: У нас здесь дискуссия, и каждый выражает свое мнение. Ты можешь выразить свое.

Тенгиз Пачкория: Два-три слова можно... Почему вы мешаете? Мы пришли не для того, чтобы делать оскорбительные заявления. Дело не в Надареишвили, он не нуждается в моей защите. Я выражаю свое мнение и не могу согласиться с Зурабом в том, что у грузинского общества или у Грузии не хватало и не хватает интеллектуальных ресурсов, и у абхазов тоже. Здесь вопрос связан с общей геополитической ситуацией и с тем депрессивным состоянием, в котором оказалось общество. Другое дело, что не хватило политической воли и, скажем грубо, политической наглости для того, чтобы взять эту ситуацию под контроль, но то, что не хватило интеллектуалов или ресурсов...

Зураб Чиаберашвили: У кого должна быть эта воля?

Тенгиз Пачкория: Вы прекрасно знаете, у кого.

Реплика: Если можно, процедурный вопрос. Человек высказался... Если дискуссия пойдет только по поводу доклада, наверно, все будут скучать. Будет интереснее зафиксировать собственную позицию не по поводу доклада, а по поводу проблемы. И проблема крупнее, чем доклад.

Тенгиз Пачкория: Когда выступали они, никто их не прерывал, никто не мешал, но стоило только задеть какие-то другие моменты, задать вопросы...

Паата Закареишвили: Вы выражаете свое мнение. Люди записались, сейчас выступал Зура, затем Лаша Бакрадзе. Мы дадим вам выступить, каждый может выступить. А если вы задаете вопрос, задайте так, чтобы он отвечал. Извините, вы не вопрос задавали, а начали высказывать свое мнение.

Пола Гарб: Я предложу такую процедуру: может быть или вопрос, или ответ, но не диалог, потому что это осложняет ситуацию.

Лаша Бакрадзе: К моему большому сожалению, после всех этих разговоров с вами мне тоже показалось, что с гражданским обществом в Абхазии дела обстоят, может быть хуже, чем в Грузии – вы ведь представляете лучшие силы Абхазии. У меня возник вопрос: в Грузии, например, вообще часто ставится вопрос, в чем мы, грузины, виноваты перед вами. Я как вижу, в Абхазии такого вопроса не ставится, и я ни разу не видел, чтобы абхазы, даже те, о которых мы сейчас говорили, шли на какие-нибудь компромиссы. Потому я думаю, что эти диалоги не особенно много, может быть, и дают. Потому что я, к сожалению, не вижу желаний компромисса. Вы думаете, что Абхазия должна быть независимым и суверенным государством, а иначе разговора не будет. В этой ситуации, которая сложилась, Грузия, может быть, виновата больше, но все-таки невозможно, чтобы

только одна сторона была виновата, а другая нет. В Абхазии ставится когда-нибудь вопрос о том, в чем виноваты абхазы? Может быть, они и не виноваты, но ставится ли такой вопрос?

Паата Гургенидзе: Я сразу ответчу Манане Гургулия, она спросила, нужно ли для мирного сосуществования жить в одном государстве. Я выскажу свою позицию: по-моему, не нужно. Мое мнение о трансформации конфликта. Сразу скажу, что я считаю себя демократом-националистом. По-моему, многие бы сказали «демократ-патриот», а не «националист», но я хочу сказать именно это слово, потому что национализм не мешает моей идеологии быть демократичной. Почему национализм? Потому что в Грузии, как и в Абхазии, стоит проблема национального строительства. После того, как мы себя назвали грузинами, а вас абхазцами, мы уже согласились с тем, что вы отдельная нация. Сказав это, мы согласились, что вы должны как-то развиваться. Мы тоже должны развиваться, но уже в ином контексте, уже Грузия без Абхазии. Я говорю так, как если бы этот вопрос был уже решен, раз абхазцы считают себя отдельной нацией, хотя я, как грузинский националист, не считаю, что абхазцы всегда были отдельной нацией. Я считаю, что абхазцы всегда были такими же грузинами, как и я, но будучи демократом-националистом, не нахожу никаких аргументов, почему бы абхазцам не разрешить создать свою нацию. Если мы братья и один брат хочет иметь свою собственную квартиру, зачем ему мешать? В общем-то, при такой постановке вопроса братья друг другу содействуют, чтобы все имели отдельные квартиры. Т.е. фундаментальную проблему мы уже решили: мы сказали, что брат хочет отделиться. И хотя на уровне политики мы этого не признаем, вопрос так мы поставили. Отдельный брат – ему полагается отдельная квартира. Я бы приветствовал, если бы наш дальнейший диспут шел не в том направлении, как сохранить какое-то мифическое единое государство, никому не нужное, а чтобы новое государство, которое возникнет для новой нации, абхазской, было бы Грузии дружественным. Потому что само государство, по-моему, это организм, который обеспечивает безопасность. Как говорил Зураб, наше сегодняшнее состояние не то что не способствует обеспечению безопасности, а создает непосредственную угрозу

безопасности и грузин, и абхазцев. Я считаю, это сегодняшнее неопределенное состояние: ни мира, ни войны – это плацдарм для дальнейшей дезинтеграции грузинского государства и общества и, возможно, геноцида самого абхазского этноса. Если я поддерживаю мнение, что мы должны дать абхазцам независимость, это еще не значит, что я считаю, что мы можем ее дать или дадим без всяких условий. Здесь есть определенные ограничения. Т.е. если бы мы хотели дать независимость, но не смогли, это один вопрос, который можно обсуждать. А если бы мы хотели, но хотели бы обставить это какими-то условиями дружественности – это другой вопрос. В фундаменте этой философии лежит то, что мы братья, т.е. мы дружны. Если мы дружны, тогда и условия независимости должны обеспечивать дружественность.

Хочу закончить тем, что, может, мы на уровне наших организаций организуем интернет-вебсайт, где постоянно могли бы вестись обмены мнениями, как сегодня, и все могли бы наблюдать, как развивается та или иная дискуссия. Мы это организуем на уровне нашего института, на уровне наших возможностей.

Манана Гургулия: Это невозможно чисто технически – в Абхазии нет интернета.

Паата Гургенидзе: Раз нет интернета, ничего не будет, никакого веб-сайта.

Зураб Чиаберашвили: Извините, что я выступаю снова и не даю возможности выступить другим. Но хочу повторить слова, которые я однажды уже сказал и которые напечатаны в этом бюллетене. Когда я услышал вопрос, могу ли я представить себе жизнь в едином государстве, когда между двумя общинами такое сильное отчуждение, я подумал: какая предпосылка может стоять за этим вопросом? Дело в том, что я сам, например, не имею определенного рецепта, какой будет расклад на этой территории, а в постановке этого вопроса вижу такую предпосылку: *для абхазской стороны неприемлемо жить вместе с грузинами*. Среди нас есть люди, по мнению которых допустимо, что мы не будем жить в едином государств (об этом здесь тоже

напечатано): Давид Бердзенишвили однажды сказал во время дискуссии, что у абхазцев есть право на независимость. Другое дело, реализуется это право или нет – может, и не реализуется. Не надо, чтобы у абхазов и грузин были заранее готовы в голове какие-то ответы на эти вопросы. Дело в том, почему у них есть это право. Потому что, если мы, грузины, приглашаем их в какое-то единое государство, то мы должны показать абхазцам, в какое государство мы их приглашаем. Они должны увидеть, что это то государство, в котором абхазская община будет развиваться лучше, чем если она будет развиваться отдельно. Для меня это еще вопрос. Здесь была реплика, и я хочу добавить, что с нашей стороны, я еще раз повторяю, есть признание допустимости того, что Абхазия будет независимой. Но только мне хотелось бы и с абхазской стороны услышать, как кто-то из абхазцев говорит: мы будем жить вместе с грузинами, если в Грузии будет демократическая политическая структура и т.д. Такого я пока не слышал, а хотел бы услышать.

Другой вопрос: есть ли в Сухуми готовность на возвращение беженцев, которые живут у нас, по нашу сторону Ингури? Дело в том, что абхазская сторона, по моему мнению, к этому пока не готова, потому что это затрагивает безопасность абхазской общины, потому что, если беженцы возвратятся, это создаст другую демографическую ситуацию. Вопрос в другом: есть ли готовность к этому?

Багал Кобахия: Честно говоря, я не столько хочу высказать свое мнение, сколько сказать о методе, который мы избрали. Мне хотелось бы знать, в каком контексте мне говорить и с кем говорить. Я, конечно, не так уж удивлен, потому что и в абхазском обществе существуют различные взгляды на разрешение конфликта, его трансформацию, на народную дипломатию. И хоть мы и знали об этом еще во время большого обсуждения, когда к нам приезжала делегация из Грузии, но убедились в этом еще раз. Тогда я был огорчен: оказалось, все мы представляем сложившуюся ситуацию и мыслим хоть и правильно, но, в общем-то, по-разному. Я очень рад, что здесь тоже могут быть, оказывается, совершенно различные точки зрения, и это не должно нас пугать. Может быть, наоборот, надо чтобы мы на это настроились. Я хочу успокоить Зураба. Он вроде боялся, что мы

на него накинемся, но на самом деле метод интервенции, которым он действует, применен, чтобы мы о чем-то говорили, чтобы с чего-то начать разговор. И мне бы импонировала такая система, если бы мы говорили об интересах и о тех вещах, которые могли бы нас больше сблизить. Конечно, можно говорить и о наших диаметрально противоположных позициях, но об этом и так очень много говорится. Если мы себя ощущаем группой политиков или представителями властных структур, которые решают этот вопрос на политическом уровне, давайте тогда играть в эту игру и вести себя, как политики. Но я приехал сюда как обычное лицо. Т.е. реально я представляю гражданское общество, хорошее оно или плохое, но какое уж есть. (Качество-количество – я сейчас не это имею в виду.) Я представляю неправительственную организацию, мы выбрали путь неофициальной дипломатии, тот уровень, который я хорошо понимаю. Я не знаю, может быть, здесь есть люди из правительственных структур. Вчера я целый день провел в кабинетах представителей власти и не понял, зачем им нужно было встречаться с нами – это был сплошной монолог с их стороны, и я не понял, зачем мы им были нужны. У вас вроде бы достаточно газет, радио, чтобы ваша точка зрения была озвучена (другое дело, что у вас нет возможности, чтоб ее достаточно услышали в Абхазии). Я хотел бы, чтобы мы просто поделились своими возможностями и впечатлениями о миротворческом процессе, в том числе и на примере израильско-палестинского конфликта. Вчера я впервые посмотрел программу «Психо». Думаю, и наша встреча должна быть построена так, чтобы израильско-палестинский конфликт был фоном, но говорить мы будем не о нем, а о своих проблемах, о том, как мы, общественность, можем что-то изменить к лучшему. Система мне понятна, может быть, она мне не очень нравится, но конечно же, ясно, что иначе мы не стали бы говорить о израильском конфликте. Ясно, что там тоже есть опыт – их движению 30 лет, а нашему около 5-6-ти лет. У нас не такой большой опыт, но все же какой-то есть. Имеет смысл поговорить об этом. Сейчас я хочу сказать в защиту Зураба: не обижайте его, он дал нам пищу для размышлений. Может быть, он иногда делал оценки (мы все это делаем, даже когда говорим очень объективно), но думаю, что он просто задавал вопросы, на которые нам всем хотелось бы ответить.

Реплика: Может быть, вы ответите на его вопрос?

Батал Кобахия: По поводу беженцев? Знаете, я просто не стал на его последний вопрос реагировать. Я подумал, что вопрос о беженцах был поставлен, чтоб вам понравиться. Я думаю, что это не самый лучший вопрос, с которого мы могли бы начинать. Мы зашли бы в тупик. Мы подойдем к вопросу о беженцах, когда установим некое доверие здесь, чтобы говорить совершенно спокойно. Я бы не хотел об этом говорить сразу. Почему? Потому что для нас это очень болезненная проблема, и она не связана с простым количеством, с тем, что их станет больше, а нас станет меньше, поверьте. И не думайте, что мы не встречаемся с беженцами. Я уже четвертый раз в Тбилиси за эти 5 лет, и я беру себя в руки и общаюсь с ними, живу иногда в гостинице с беженцами, даже с боевиками и всякими различными людьми. Не думайте, что в такие моменты я себя очень хорошо чувствую. Я достаточно хорошо знаю, в каком они состоянии. Другое дело, что я иногда убеждаюсь, что люди, которые занимаются трансформацией конфликта здесь, в Грузии, не всегда хорошо представляют, в каком психологическом состоянии находятся беженцы. Даже психотерапевты, которые работают с ними, просто знают, что перед ними пациенты, и видят симптомы, но иногда за симптомами не видят какие-то очень важные вещи. Если мы хотим об этом говорить, то давайте пойдем по этому пути.

Манана Гургулия: Я могу ответить на этот вопрос.

Паата Закареишвили: У меня такая просьба. Так как абхазы здесь в явном меньшинстве, если они будут просить слова, если можно, я буду пропускать их вперед.

Ираклий Сургуладзе. Я из Института истории и этнографии. Мне кажется, что тут сегодня сфера народной дипломатии, т.е. люди встречаются на общественном уровне, и ни в какой степени не следует, по-моему, копировать официальные, государственные встречи и слишком увлекаться терминологией. У меня создается впечатление, что здесь выработана какая-то специфическая форма речи, термино-

логия, которая прикрывает пустоту, отводит от конкретики. А наше дело – как раз говорить о конкретике. Когда мы с вами вчера вместе сидели, у меня возникло впечатление, что что-то начинает шевелиться, что возникают предпосылки, без которых совершенно невозможно разрешение любого спора и любой конфликтной ситуации. Если мы будем уводить друг друга в дебри этих терминов и каких-то теоретических построений, я не думаю, что наши встречи станут тем самым значительнее и приобретут какое-нибудь более важное значение. (Простите за стиль.) Поэтому я считаю – давайте подойдем поближе друг к другу, к вопросам, к интересам абхазов. Мне очень понравился вопрос Лаши. Действительно, невзирая на мое абсолютно добродушное и доброе, даже немножко увлеченное отношение к вашим личностям, я все же вижу категоричность и ни разу не заметил ни одной уступки с вашей стороны, разве что тогда, когда мы собираемся вдвоем или втроем. Тут я уже вижу, что где-то начинает загораться какой-то далекий свет, то есть я вижу, что у людей возникают другие вопросы – как у нас в Грузии, так и у вас, видимо. Это мнимая какая-то независимость, свобода, овеянная какими-то духами (не знаю, французскими или другими) – она себя не оправдала и завоняла страшно, между прочим. Мы не смогли, у нас не было общественного исторического опыта. Наши общества не состоялись из-за отсутствия социальных, экономических категорий, на которых можно было сразу перестроиться. Такой ситуации в истории не бывает. Из того положения, и с той информацией, с которой мы жили, создать гражданское общество очень трудно. Хорошо, мы да вы объявили, что у нас есть гражданское общество, а каковы мы сами, спрашивается? Какова наша психология? Каков наш менталитет? Почему мы не смогли создать основу, первым долгом, правовых отношений? Наша правозащитная система никудышная совершенно. Почему процветает воровство? Оттого, что люди плохие? Оттого, что мы до системы еще не дожили, не добрались до этой системы. Мы еще не созрели, нам еще долго надо идти к этому, но когда начинают вуалировать те пробелы, которые я ощущаю и вижу, у меня, как у человека, сердце просто кровью обливается. Тут можно так сказать, потому что это неофициальная встреча. Это встреча людей, тут мы должны быть и эмоциональными, и умными, насколько можем, и это все оп-

равдано. Мой энтузиазм в данный момент вызван тем, что я не вижу, действительно не вижу – простите, может быть, я слепой? – реальной основы конфликта. Пока я этого не увидел. Я знаю, что случилось, я могу составить перечень фактов. Но почему же это случилось, и было ли это единственным выходом из положения – на этот вопрос я не смогу ответить никогда. Я больше скажу: люди моего поколения не знают Абхазии и проблемы Абхазии, им еще долго надо будет объяснять, что произошло сейчас в Абхазии, что такое Абхазия для грузин... Я сегодня часто вспоминаю Николая Николаевича Марра, я даже в своей статье давал эту его цитату и записал ее специально: «Мы видим абхазский материал, который представил Нико Джанашия на публикацию, но даже не подозревали, что абхаз абхазу рознь». И это говорит Николай Николаевич Марр, который, наверно, все на свете знал! В такой степени информированности друг о друге, которая у нас есть, категорически виновата политическая система. Мы же были совершенно оторваны от решения проблем, даже от постановки вопросов! Например, племенная культура абхазская – как она оценивалась в свое время? Если она является не частью какого-либо государства, значит, она сужена в какой-то степени, именно в социальном, историческом, качественном своем развитии. И вот она превращается в нечто совершенно иное: у них появляются люди, совершенно по-другому мыслящие, высочайшего научного класса, образованности на уровне современной культуры, и вдруг грузинская общественность все это не понимает, она не понимает, что произошло, что Абхазия изменилась, что она уже не та! Мне приходится доказывать это своим коллегам, говорить и говорить, потому что существует старая инерция. Эта инерция имеет оправдание в прошлом: когда мегрельский князь резал быка – то есть не то что резал, а в Илорский храм Св. Георгия приводили быка, закалывали, разрезали на маленькие куски и раздавали людям – то мегрельский князь обязательно посылал свою долю гурийскому князю, имеретинскому царю и абхазскому князю. Потому что они, невзирая на разделенность, психологически считали себя частями одного организма. Я лично, может быть, как раз и являюсь пережитком именно той психологии и никогда не пойму обратное, сколько бы мне ни доказывали. Я не считаю, что этническая идентичность – это плохое дело или что аб-

хазы и грузины – это одно и то же. Но к тому, что абхазы не будут в составе Грузии, или что мы, скажем, не будем оберегать наши собственные идентичности и постараемся сделать как-то по другому – к этому я пока еще не привык, к этому я еще не готов. Я еще не убежден, что существует какая-нибудь другая среда, где мы все это лучше обустроим, где мы лучше решим этот вопрос. Я прошу вас, друзья, подумайте об этом. Не знаю, вы, наверно, думали об этом, простите, может быть, это смело с моей стороны, но я все же считаю, что единственная среда, где мы можем решать проблему идентичности, проблему построения гражданского общества, подразумевает обязательно существование традиционного общества, которое и в Грузии, и в Абхазии довольно сильно существует. Если мы не будем считаться со всеми этими категориями, которые нас окружают, к чему-то принуждают и придают нашему существованию определенную форму – мы никогда и ничего не достигнем. Если мы откажемся от наших традиций, нашего менталитета, наших привычек... Вот я вчера с говорил Далилой и отметил тот факт, что мы с полуслова друг друга понимаем; может быть, она со мной не соглашалась, но то, что она со мной не соглашалась, я сразу вижу и знаю. Вот все это – не богатство разве? Разве такими ценностями швыряются? Разве их выбрасывают на ветер? Разве их легко выработать в какой-нибудь другой среде? Очень трудно. Поэтому, пожалуйста, учтите то, что нас связывает, то, что мы были в заблуждении и считали это заблуждение достаточной причиной для того, чтобы идти друг на друга войной. Пожалуйста, прошу вас, считайте, что это ошибка. Сейчас надо идти в другом направлении. У нас другие задачи, и жизнь, оказывается, развивается совершенно в другом направлении. До сих пор мы шли не туда. Давайте повернемся и найдем какие-нибудь позиции, которые нас сближают, а не такие, которые нас разъединяют. Это не просто слова. Это дело. Может быть, слова иногда трудно даже найти. Если душа не болит, если вам только какие-то комбинации надо строить, вы никогда это дело не сделаете. Простите, пожалуйста, может я слишком...

(Пробел в записи: перемотка пленки)

Гия Гархан-Моурави: Сперва маленький комментарий относительно количества интеллектуальных ресурсов. В Германии в 30-е годы

их было довольно много, и это не помешало создать там гетто. Боюсь, что часть нашей беседы как раз демонстрировала ограниченность наших ресурсов. Я бы хотел призвать к какому-то структурированию нашей беседы, и мне кажется, что, кроме общего разговора, нам, во-первых, надо попробовать сформулировать какие-то принципы, о которых мы могли бы договориться (думаю, такие принципы найти можно), во-вторых, обговорить какие-то области, в которых мы можем найти общие интересы. Процедура мы могли бы сделать так, чтобы куда-то идти. У меня возникло ощущение, что, несмотря на рост количества участников последних встреч, которые я наблюдал, я вижу глубокий кризис гражданской дипломатии, потому что практически ни одного нового аргумента ни в одном направлении за последние 4-5 лет я не услышал. Что касается принципов, я думаю, мы сегодня уже слышали два-три таких принципа, и было бы очень полезно как-то выразить наше отношение к ним. Это – неприменение насилия и тот же вопрос беженцев. Я не говорю о технической стороне – это не дело неправительственных организаций или отдельных личностей принимать политические решения, но выразить свое отношение к каким-то принципам, если идет какой-то процесс переговоров или общения между гражданскими обществами, это, думаю, можно. Что можно сделать конкретно? Я считаю, необходимо придумать какую-то структуру, которая помогла бы сформулировать те новые идеи или подходы, которые могли бы возникнуть. Здесь говорилось об Осло. Ничего в этом направлении я пока тоже не вижу. Хотя была такая попытка. Я помню, подписывали какие-то принципы, это было в Москве лет 6 назад, но, по-моему, они не получили потом особой поддержки. Но как раз тогда, вначале, по следам конфликта, процесс переговоров был наиболее эффективным. Были какие-то попытки найти общий язык, хотя и не очень удачные. Потом все время шла реализация каких-то проектов (по психологической реабилитации и т.д.), но ни одной новой идеи я за последние годы не слышал. И еще раз, мне бы хотелось, чтобы наш разговор как-то активнее структурировался, т.е. какие-то вопросы были бы конкретно поставлены в какой-то очередности. Спасибо.

Гоги Хуцишвили: Начало нашей сегодняшней встречи уже показывает, как сложно вести разговор на такую тему. Я бы все-таки воздержался от того, чтобы сравнивать между собой крупные мировые конфликты, потому что каждый конфликт, наверно, уникален. И сравнивать, и говорить, насколько нам, предположим, опыт того или иного конфликта подходит или не подходит, или насколько, предположим, сравнимы те или иные сложности – это вопрос, который, думаю, можно отложить. Исходная точка, с которой можно было сегодня начать, это то, что мы собрались здесь, в Тбилиси, в таком разнообразном составе, в таком интересном составе, я бы сказал. Такую встречу год назад я посчитал бы неосуществимой, а сегодня она стала реальностью. И это, по-видимому, произошло потому, что те конкретные люди, которые были задействованы в последние годы в процессе народной дипломатии, как-то прочувствовали (может, даже не совсем вникая в термины или формулировки) ту основу, на которой можно вести диалог. И они начали этот диалог. Здесь, наверно, просматриваются основные какие-то принципы, которые являются непреложными для любого человека, считающего себя членом гражданского общества. Наверно, это такой принцип, что если существует какое-то разногласие, если существует конфликт или даже травматический опыт, опыт войны, все вопросы должны решаться обязательно мирным путем. Наверно, согласно такому принципу, надо отказаться от таких методов, как блокада. Потому что она неприемлема не только с гражданской точки зрения, но и, как показывает мировой опыт, никогда не приносит желаемого результата. Кроме того, необходимо признать, что гражданские общества у нас пока не сформировались, чтобы решать эту проблему. Но с другой стороны, разрешить проблему может только гражданское общество. Если мы сравним грузинское и абхазское общества, мы придем к выводу, что, несмотря на их количественное и процентное соотношение, они находятся еще на пути к гражданскому обществу: ни грузинское, ни абхазское общество не готово решить эту проблему. Один маленький пример: если бы политики (наши руководители) провели бы эксперимент – доверили бы решение вопроса о статусе представителям гражданского общества, сделали бы их руководителями официальных делегаций и поручили бы им решить этот вопрос, представители гражданских обществ,

возможно, и выработали бы общую модель и формулу для решения грузино-абхазского диспута, возможно, и пришли бы к объективному, полезному и осуществимому решению. Но загвоздка в том, что их общества этих решений не приняли бы. В этом вся проблема – человек, который приходит к решению вопроса, должен еще и убедить других, что решить вопрос можно только так. А это уже означало бы общую готовность гражданских обществ к диалогу. Такой общей готовности в данный момент нет. Что же нам делать? Ждать? Если такого момента ждать, он никогда не наступит. Вот мы с вами и должны своими действиями приблизить этот момент. Мы должны постараться вести какую-то образовательную, общественную работу с тем, чтобы как можно больше людей понимали элементарные вещи, которые мы на самом деле очень часто и сами не видим. Например, когда мы говорим, что должны заботиться о территориальной целостности своего общества и своей нации, мы должны понимать, в чем она заключается, территориальная целостность. Эта знаменитая *integrity* – прежде всего, это явление духовное, а потом уже географическое. Но об этом мы часто забываем. Есть ли на духовном уровне единство у наших народов? Можем ли мы сказать, что наша целостность, это единство, существует на национальном уровне? Я глубоко убежден в том, что признаки нации есть и у грузин, и у абхазов. И, кроме того, считаю, что в данный момент, на данном этапе (я не историк и не знаю, как было в далекие времена) это не одна и та же нация. В этом я тоже убежден. И поэтому нам необходимо найти взаимопонимание – как дальше жить на этой земле. Спасибо.

Нателла Акаба: Я бы хотела попытаться отреагировать на некоторые из тех высказываний, которые меня особенно удивили. Потому что, честно говоря, кое-что из того, что я в последние сутки слышу, меня немножко разочаровывает. Я очень откровенный человек, прошу на меня не обижаться. Я часто говорю то, что думаю. Конечно, не всегда. *(Смех в зале.)* Хочу сказать, что здесь, в этой аудитории, мы видим, примерно те же самые противоречия, которые возникают на официальном уровне (я имею в виду грузино-абхазский переговорный процесс). Мы волей или неволей копируем тот же порочный путь,

и поэтому я согласна с теми, кто сказал, что нужно нам как-то определить, о чем мы можем сегодня говорить, потому что тут уже прозвучали довольно серьезные обвинения и, я бы сказала, даже требования. И тем не менее, я попытаюсь на них как-то ответить. Все-таки я опять чувствую нотки патернализма, которые меня всегда удивляют. Я удивляюсь, когда опять вижу здесь тот же патерналистский подход и когда говорят о том, что абхазов надо куда-то *пригласить*. Честно говоря, абсолютно не понимаю, почему кто-то нас куда-то должен приглашать. Почему речь не идет о том, что мы должны пытаться что-то вместе строить или вместе искать какие-то пути? Вчера я услышала, что если абхазу дадут пост заместителя председателя парламента или что-то в этом роде, и еще кое-что дадут, то все будет прекрасно. Все-таки у всех у нас советское мышление. Тогда это срабатывало, и нам кажется, что вот мы сейчас назовем это по-другому, и это опять сработает. Но ситуация совершенно изменилась. Абхазы сегодня уже никак не согласятся быть какими-то непонятными чудачками, почему-то забывшими свое грузинское происхождение. Действительно, когда вы говорите, что воспринимаете абхазов как грузин, но готовы признать за нами право не считать себя грузинами, это сегодня звучит немножко наивно. Мне кажется, что мы должны уже отойти от этого. Я конечно, понимаю, что Марика Лордкипанидзе оказала неизгладимое впечатление на грузинскую интеллигенцию, но практика показывает...

Реплика: Нет, нет, я так не сказал бы. Я с вами не согласен...

Нателла Акаба: Хорошо, извините, пожалуйста, может быть, не на всех. Но тем не менее, ее присутствие незримо ощущается на всех таких встречах. Свою позицию я хотела бы выразить так: я не принадлежу к числу тех политиков (обычно это официальные абхазские политики), которые заявляют, что никогда, ни при каких условиях абхазы не будут жить с грузинами в одном государстве. Я считаю, что это очень догматичный подход, стараюсь никогда так не говорить и на самом деле так не думаю. Я вполне допускаю, что наступит время, когда абхазы захотят жить с грузинами в одном государстве, но сегодня это не та Грузия, к которой можно стремиться, и думаю,

вы со мной согласитесь, если возьмете на себя такую смелость. Когда вы сравниваете абхазское гражданское общество с грузинским, вы говорите так, как будто знаете его, как будто вы там были и общались с его представителями. Не скажу, что в этом плане у нас все очень хорошо – как и у вас, это пока еще первые и очень несмелые шаги. Но могу сказать, что, как ни странно, в абхазском обществе мы имеем гораздо большее воздействие на власти, т.е. наше мнение звучит более громко, и власти на него реагируют, хоть и очень болезненно, нервно, но реагируют, а вот в Грузии, мне кажется, действительно есть какие-то...

Реплика: Давайте поменяемся властями. *(Смех в зале.)*

Нателла Акаба: Нет, дело абсолютно не во властях. Честно говоря, это будет обмен шила на мыло. Я думаю, что ситуации совершенно разные, и наше общество по своему масштабу тоже совершенно другое, поэтому все, что мы говорим, это очень и очень действует на власти, иногда даже чересчур, а вот здесь уже достигнут такой уровень демократизации, что можно говорить все что угодно и критиковать кого угодно, но властям совершенно, извините, на это начихать. Вот я и не знаю, что лучше – достичь такой степени демократии или остаться на том уровне, где находимся мы? Потому что наши власти вынуждены с нами считаться, очень бурно реагировать и отвечать нам в прессе, что иногда бывает для нас очень болезненно, но приносит большую пользу нашему обществу (я в этом уверена). А когда говорят об уступках – о каких уступках мы можем говорить, мы же здесь не на переговорах, и что мы тут решаем, чтобы уступить? Я, например, вам могу уступить, но в том, в чем могу. А что касается Лашиных слов о признании своей вины, тут сказывается некоторое различие менталитетов. В Абхазии не принято публично каяться: считается, что это очень индивидуальный и очень внутренний процесс, абхазы вообще чужды всякой театральности. Может быть, иногда даже чересчур. Так что вы не знаете, что говорят абхазы в своем кругу и что они думают, поэтому не надо делать такие скоропалительные выводы.

Реплика: Скажите нам тоже.

Нателла Акаба: Вы знаете, мы приехали в Грузию сегодня не для того, чтобы каяться в своих грехах перед грузинами. Я думаю, что вы должны это понимать. Когда вы приедете к нам, вы тоже не будете каяться.

Реплика: И не собираемся.

Нателла Акаба: Вы не собираетесь, а мы должны?

Реплика: Когда вы находитесь в своем кругу, вы иногда ставите так вопрос?

Нателла Акаба: Я уже давно открыто заявила, когда занималась правами человека на официальном уровне, и всегда и везде писала и говорила, что очень серьезные и грубые нарушения прав человека были с обеих сторон. Может быть, это отличается от официальной абхазской позиции, но думаю, сейчас это уже никого не поражает.

Батал Кобахия: Вы знаете, иногда слова имеют не столько значения, сколько действие. Как-то на одной из встреч, когда кто-то из грузинской делегации встал и стал каяться, я, например, почувствовал себя очень неловко. Мне не хотелось это слушать, потому что покаяние (мы, абхазы, не такие христиане, как вы, в чем вы нас порой упрекаете) – это очень интимное состояние человека и не делается очень громко. (*Шум в зале.*) Тогда Нана Девдариани, которая, как вы знаете, является сегодня омбудсменом, сказала очень мудро: «Я лично не чувствую, что должна каяться перед вами». И мне это было понятно. Но вы сейчас опять хотите как бы залезть в некоторую, достаточно интимную область нашего внутреннего состояния, спрашивая, каемся мы или не каемся, когда мы вместе. (*Шум в зале, оживленный спор на грузинском.*) Вы знаете, может, вы иногда по-русски плохо говорите, но мы сейчас понимаем только по-русски. (*Шум в зале.*)

Рамаз Сакварелидзе: Прежде всего, большое спасибо Нателле Акаба за прекрасно построенную речь и позицию. Она не изменила позицию в общем, но предложила такую структуру, вокруг которой можно говорить. И, наверно, в вопросе Лаши это тоже подразумевалось. Для того, чтобы вести диалог, должна чувствоваться готовность к диалогу. Что же касается конфликтов (мы тут говорили об израильско-палестинском конфликте), их история имеет еще более давние корни. И мне вспомнился еще один конфликт. Были два рода: Монтекки и Капулетти, и двое их представителей полюбили друг друга. Из этого ничего не вышло. Как бы мы не любили друг друга, конфликт от этого не изменится. Порой мы клянемся в том, что очень любим и уважаем друг друга и т.д., но создается романтический какой-то сценарий, который ничего общего с делом не имеет. Есть и другой опыт решения конфликтов – это суд. Это тоже решение конфликтов. Без конфликтов не было бы и суда, а в суде основное – это справедливость. Тут говорилось о том, имеют ли право абхазцы на самоопределение. Конечно, имеют. Но ни абхазцы, ни грузины не имеют права на несправедливость. Мы пока не чувствуем (простите, я тоже человек откровенный), что абхазская сторона готова принять справедливое решение – не хорошее или плохое, а справедливое. Без чувства справедливости будет недостаток всегда. Не в территориях дело, а в чести. И вы прекрасно знаете, что это за слово – честь, может быть, даже лучше, чем грузины. Приблизительно год назад мы с Баталом встречались в Сочи. Дискуссии с ним всегда интересны и азартны. Он полушутя, полусерьезно сказал тогда о возвращении беженцев такую фразу: «Да, с удовольствием, но с таким процентом, который не будет превышать абхазский, потому что это создаст для нас проблему». Это именно та формулировка, о которой сказал Зураб. Это опять несправедливое решение. Я говорю не о несправедливости в прошлом (черт с ним, прошлое можно позабыть), а о готовности справедливо решать вопросы в будущем. Вот тут и появляются сомнения. А что касается того, критикуем мы собственное правительство или нет, тут вы правы: если бы у нас был иной режим, мы тоже, наверно, были бы более сдержанны и не так свободно швырялись бы собственным правительством, но для одних – это беда, а для других... Это не наша проблема, это ваша проблема, о

чем вы можете говорить, а о чем не можете. Давайте постараемся не походить на неправительственные политические организации или военные организации. Мы часто похожи на солдат политики, а не на гражданских лиц. Я осознаю, что это, может быть, опасно, но существует и стиль умолчания, и тот, которой предложила г-жа Акаба... Есть разные выходы для того, чтобы мы чувствовали готовность понять друг друга. И если в этом диалоге мы не будем касаться вопросов справедливости, справедливого решения будущих проблем (вот для этого и нужно, может быть, покаяние, не в нем, правда, дело), мы не сможем постоять за справедливое решение. Дело не в эмоциях, а в суде. Суд – это не обязательно инстанция, существует суд чести, суд совести, я не знаю, может, суд политики, может, суд наших будущих поколений. К сожалению, в большинстве случаев мы чувствуем, что разговор ведется с позиции силы. Абхазия сейчас заняла такую позицию. А справедлива ли эта позиция? Если мы когда-нибудь сможем об этом говорить, это нам очень сильно облегчит многое, как в нашем диалоге, так и в политических кругах. Спасибо.

Давид Силагадзе: Я представляю «Движение примирения». Интересная встреча. На таких встречах редко приходится присутствовать. Спасибо организаторам.

Меня больше всего заинтересовал вопрос, готовы ли мы жить в одном государстве. Готовы ли мы, и можем ли мы жить в одном государстве – грузинское общество и абхазское общество? Я бы поставил вопрос не совсем так и предложил бы всем присутствующим подумать, сможем ли мы – грузинское и абхазское общества жить врозь? Отдельно. Тем более, в таком напряженном мире, в котором мы живем сегодня. И тем более, в таком геополитическом пространстве, как Кавказ. Не толкнем ли мы друг друга в пропасть окончательно? Об этом стоит подумать, друзья. И я предлагаю в будущем, если такие встречи будут продолжаться, продумать такие вопросы. Я сам беженец, вынуждено перемещенное лицо. Я пережил все прелести войны и послевоенного бытия, и эти вопросы мне и моим друзьям очень интересны. Мы об этом думаем днем и ночью. Давайте подумаем об этом. И будем искать пути

решения этих вопросов. И еще одна просьба: не превратим наши диалоги в политические диспуты. Они ничего хорошего не дадут. Спасибо, благодарю за внимание.

Тенгиз Пачкория: Я тоже включу диктофон, чтобы потом, в случае чего, сравнивать. Чтобы не исказили.

Батал Кобахия: Если вы нам не доверяете, стоит ли с нами говорить? Думаю, надо доверять всем здесь сидящим.

Тенгиз Пачкория: Нет, не вам.

Наша сегодняшняя встреча началась с очень серьезного риторического вопроса: грузины не знают, что хотят абхазы, грузины не знают, что они сами хотят, абхазы не знают, что хотят грузины и т.д. Десять или пятнадцать лет назад на эти вопросы можно было, наверное, ответить более однозначно, но сегодня, действительно, никто не в состоянии ответить, потому что и грузинское, и абхазское общества очень сильно расколоты. С одной стороны, это хорошо – полярность мнений, плюрализм, как любил говорить один президент. То, что определенная часть грузин не знает, что хотят абхазы, и, что еще более важно, не знает реальную ситуацию в сегодняшней Абхазии, ситуацию последних лет, проявилось и в сегодняшней встрече. Я не хочу никого обидеть, но когда членам абхазской делегации задают вопросы... скажем, так: «Сознаете ли вы, кто виноват? Отражаются ли эти моменты?..» и ряд других вопросов, то, естественно, возникает мнение, что те, кто задает эти вопросы, не знают ситуацию в Абхазии – в силу разных причин или не читают внимательно, или не имеют возможности читать абхазскую прессу, читать более тщательно то, что сообщает об этом грузинская пресса, и не имеют других источников информации. Я бы сказал так, что примерно с 98-го года абхазская пресса – точнее, часть абхазской прессы – да и абхазские политики тоже часто довольно открыто и прямо говорят о тех проблемах, которые здесь затрагивались. Часть абхазов, я уверен, в той или иной форме сожалеют о том, что они позволили определенным силам втянуть себя в этот крупный военный конфликт. Значительная часть грузин и не скрывает этого: упрекает свое руководство в том,

что оно не смогло предотвратить войну, не разобралось с геополитической ситуацией, которая сложилась к 92-му году, и не предприняло упреждающие или встречные шаги, чтобы избежать масштабного вооруженного конфликта. Я говорю о том, что в последние 2-3 года сами абхазские политики довольно откровенны в этом плане, и это особенно видно из того, что печатается на абхазском языке. Я почему этот вопрос сейчас поднял? Я не хочу никому навязывать свои позиции, но, мне кажется, все эти встречи народной дипломатии – естественно, хорошая и серьезная попытка что-то смягчить, сблизиться, восстановить, может быть, не доверие (доверия нет), а какие-то добрые человеческие отношения, которые угазли. Этому было много примеров и во время войны. Чтобы не получилось так, что я хвалю себя, но возможность решения тех вопросов, которые всех беспокоят, я вижу только в профессиональном и прагматичном подходе. Грузины, или определенная часть грузин, находятся в ожидании восстановления единства страны и возвращения беженцев. Абхазы тоже в определенном ожидании – в положительном или отрицательном. Это разные ситуации, но все в каком-то ожидании, в ожидании решения конфликта и преодоления той нервозности, которая есть. Я хочу вспомнить один эпизод. Неоднократно я задавал президенту Грузии вопрос: почему мы вовремя не вступили в СНГ, и считаете ли вы, что если бы Грузия вовремя вступила бы в СНГ (нас затянули туда уже за уши), то конфликта в Абхазии можно было бы избежать? Он по-разному отвечал, но прямо нет. Не отвечать – это его право. Он умеет отвечать прямо, но, видимо, не хотел в тот момент отвечать. Я уверен в том, что один из самых главных моментов, который ускорил назревание конфликта – это именно вопрос о вступлении Грузии в СНГ. Конечно, я не хочу упрощать – противоречия между грузинами и абхазами на разных уровнях были. Но вспомним такой эпизод. Июль 93-го, Тамышская операция. Фактически она была приостановлена, потому что из Тбилиси в Москву пошли намеки: мы изучаем вопрос вступления Грузии в СНГ. Не изучили – опять новая операция. Полтора месяца перемирия. И когда уже стало ясно, что Грузия в СНГ не вступает – 16 сентября начался новый этап войны. Иногда спрашивают: а что вы сделали для своевременного вступления в СНГ? Неоднократно и писатели, и политические деятели, и

деятели культуры, и журналисты в том числе, неоднократно ставили этот вопрос. Приведу один пример. В начале августа 93-го года, когда было перемирие, я взял большое интервью у тогда еще живого Мелитона Кантария. Он прямо сказал: «Единственный выход из этой ситуации, чтобы не возобновилась война – это вступление в СНГ». Это интервью передали ведущие грузинские и российские телеканалы. Так в ответ в его адрес посыпались обвинения, единственно не вспоминали его маму, все остальное в адрес этого человека было сказано. Общество не было готово к тому, чтобы решить этот вопрос. Потом уже в сентябре Вахтанг Гогоадзе поставил вопрос, но уже было поздно, был уже почти конец войны. Я не хочу углубляться в эти темы, но я и сейчас считаю, что этот конфликт обречен на многолетнюю консервацию и, как сказал один высокопоставленный деятель ООН, чуть ли не 50 лет нужно, чтобы этот конфликт дождался своего урегулирования. Если руководство Грузии (сегодняшнее или будущее, не имеет значения) не сделает четкий выбор и не уйдет от политики баланса (балансировать может сильное и экономически развитое государство, Грузия к этой категории государств не относится), консервация неизбежна. Я не говорю о выборе в пользу России или Америки, но я уверен в том, что надо делать какой-то выбор. Что же касается роли народной дипломатии, я считаю, что пока мы очень мало подключаем представителей так называемых «авторитетов». В 89-м году, тогда, конечно, другое время было, но именно «авторитетные» люди из числа грузин и абхазов, притом граждан далеко не самой лучшей репутации по части законопослушания, сыграли решающую роль, чтобы приостановить конфликт. Конечно, то было совершенно другое время, и не было еще таких сложностей. Думаю и уверен, что если подключать, то надо всех. И тех, кто воевал. И тех, кто занимался идеологической деятельностью. И тех, кто не воевал и вообще уехал, а такие есть и среди грузин, и среди абхазов. И людей, может быть, на первый взгляд, сомнительной репутации, но они свой вес имеют, это реальность. Что же касается того, что у нас идеология войны, я не могу согласиться с Зурабом. Не было вообще идеологии в Грузии. Были просто мечты и стремление к независимости. Я уверен, что идеологии не было и нет, потому что, если бы была идеология, и идеология войны, то такого ре-

зультата не было бы. (Я не говорю, что надо было создавать идеологию войны.)

И последний вопрос. Я не являюсь ничьим адвокатом и не собираюсь защищать Надареишвили или его заместителей, или Цаава и т.д., но, думается, функционирование Верховного совета и Совета министров, которые находятся здесь, имеет свою нагрузку. Может быть, в отношении них есть какая-то озлобленность среди части населения, а может быть, кто-то от безысходности думает и полагает, что если их устранить или ликвидировать эти структуры, проблема решится. По-моему, я вышел уже за регламент.

Гурам Кварацхелия: Я экс-комбатант, т.е. я участник этого конфликта и, можно сказать, нес на своей спине весь этот ужас. Хочу начать с того, что я прекрасно помню, что когда в Абхазии все больше и больше созревало этот конфликт, создавалась абхазская гвардия. Были ребята, мои друзья, которые осмыслили, что происходит. В Грузии тогда шла гражданская война между Звиадом Гамсахурдия и теми силами, которые потом пришли к власти, а Абхазия оказалась в непонятной ситуации, в том числе и ее грузинское население. Мы пришли в эту абхазскую гвардию – нам категорически отказали и сказали, что по каким-то соображениям грузин в эту гвардию брать не будут. Т.е. хочу сказать, что когда создавалась эта гвардия, ту часть населения, которая имела такие же права претендовать, и претендует, и будет претендовать всегда на свою долю, которая Богом была отведена для них – их ни о чем не спросили. Как не спросили и тогда, когда на танках приехали, заехали (не знаю, как лучше сформулировать, вошли или вторглись, называйте это как хотите) в Абхазию. Наверное, здесь много очевидцев и они скажут об этом. Когда мы постарались не допустить конфликта, ни одна сторона, ни другая сторона не восприняли нас всерьез. Так называемые войска, вошедшие из Грузии, называли нас всех звиадистами почему-то, а абхазская сторона говорила, что мы все «парашютисты» и наше место за Ингури, место пришельцам там. К сожалению, я вот слушаю вас и сегодня, и вчера, и создается впечатление, что, когда говорят о создании гражданского общества в Грузии и в Абхазии, абсолютно не учитывают права тех людей, которые являются – и этого никто не смо-

жет искоренить – частью населения той земли, которая им принадлежит, на которую они имеют свое право. Я, будучи в прошлом году в Налъчике, встречался с экс-комбатантами (здесь находится Батал – тоже один из участников той встречи). Это была очень тяжелая встреча, т.е. встречались люди, которые друг к другу стреляли, делали самое плохое дело, самое что ни есть... Не знаю, как это назвать, но после этого невозможно, чтобы человек ночью засыпал нормально – как с одной стороны, так и с другой. Мы постарались найти какой-то общий язык и подойти друг к другу. Почему я это говорю? Потому, что меня очень обрадовало вот что – буквально недавно здесь была Мзия Бейя из Абхазии, и знаете, когда мы встретились, это была уже другая встреча: не могу сказать, что это был какой-то прорыв и мы друг другу протянули руки, но самое главное, мы смогли высказаться, даже выплакаться по поводу того, что с нами произошло. И самое главное, что я и Мзия уже можем, скажем, встать, если будет застолье, и выпить за всех тех погибших ребят – абхазов и грузин, которые правильно понимали, что делают якобы свое дело. В то время мы очень многого не знали. 7 лет прошло, и до сих пор еще очень многое узнаем и узнаем... Я не знаю, сколько еще понадобится, чтобы лучше осознать, что с нами произошло тогда. Во всяком случае, какой-то прорыв есть. Я к чему это говорю: может, за эти 7 лет настал тот момент, чтобы все больше и больше людей, выходцев из Абхазии, встречались бы, прокладывали мосты? Потому что, сколько бы не говорили о создании в Грузии гражданского общества, если те люди, которые повинны в этом конфликте (я имею в виду обе стороны – для меня обе стороны повинны), если они друг к другу не подойдут и не протянут руку, руку того же доверия, и не поговорят о дальнейшей жизни, у нас вряд ли что получится. Потому что то, что здесь печатается, доходит до очень малого числа людей. Во-первых, потому что очень расшатана психология тех, кто перенес эту тяжесть войны, как с грузинской, так и с абхазской стороны. Во-вторых, очень многим, даже если они это прочтут, будет трудно понять, что там написано. Потому что их даже сегодня кто-то травит по-другому. Нас, например, иной раз здесь в Тбилиси обвиняют: когда абхазцы покупали автоматы и вооружались, вы тогда покупали мебель, понимаете? Это хочешь, не хочешь, действует. Правда, с одной стороны, я

горжусь, когда так говорят – значит, мы не хотели этой войны. Я также уверен, что и этот абхаз не хотел этой войны, тот же Батал. В завершение хочу сказать, что, может, какой-то прорыв будет и нам тоже дадут возможность встречаться с родственниками, которые живут там. У меня, например, за Ингури родственников уже нет. Мои родственники все жили в Мерхеули, были мерхеульскими. Половина из них погибли, их нет в живых. Теперь уже дальше судить вам. Спасибо большое.

Манана Гургулия: Очень трудно говорить после такой взволнованной речи человека, которого эта война коснулась непосредственно, который сам в ней участвовал, но есть еще одна вещь (может быть, этим население Абхазии немного отличается от населения Грузии в целом): в Абхазии практически нет семьи (будь то абхазы, русские, грузины, армяне), которой не коснулась война. Поэтому их отношение к войне, наверно, более обостренное. Один из моих друзей-политологов летом, будучи у нас в гостях, сказал, что мы какой-то странный народ: вы все время оглядываетесь на войну, все время говорите о войне или все время оправдываете войной то, что вы не сделали. И сам же нашел этому объяснение: да, я в общем-то понимаю – потому что вас мало и вам очень трудно абстрагироваться от войны, поскольку в каждой семье кто-то погиб, друг, отец, брат... Наверно, парню, чьему отцу, скажем, живьем отрубили руки, очень трудно говорить об этом спокойно. Поэтому, наверно, мы все зациклены на этом и часто говорим о войне. Лаша хотел услышать от абхазцев, что они повинны в том-то и в том-то. Лаша обычно задает вопрос и потом ответ плавно не слышит. Т.е. ответ не интересен. Это, кстати, тоже симптоматично. Я второй день в Тбилиси, я очень благодарна Паате и Поле, за то, что это все-таки случилось, что я приехала, что я говорю с вами не через кого-то и слушаю вас не через электронные средства массовой информации, а идет живой разговор, при котором мы обмениваемся мнениями. Это необходимо. Этого не было очень давно по ряду объективных и субъективных причин. Я, наверно, буду говорить очень субъективно, но мне представляется, что в 95-м году, к примеру, я лучше себе представляла, что такое грузинское общество и какие в нем настроения. Я, может, ошибаюсь, и это мое очень субъективное

мнение, но, общество, наверно, было менее дифференцировано, спектр мнений был (я имею в виду отношение к Абхазии) не столь разнообразен, не столь полифоничен, как сейчас. Как мне представляется, сейчас здесь существует достаточно яркий спектр мнений, и мне интересно это слышать. Поэтому я с удовольствием слушаю всех, кто выступает, и при всей моей любви к разговорам и болтливости стараюсь говорить мало и больше слушать. Но меня удивила еще одна вещь: в общем-то, я увидела мало желающих услышать меня. Я увидела много желающих сказать мне что-то. Наверно, это тоже объективная реальность, и, наверно, это тоже необходимо пройти. Поэтому эти встречи интересны. Я не разделяю скепсиса какой-то части этой аудитории, которая говорит, что в общем-то очень мало сделано. Да, наверно, во вселенском масштабе сделано мало, но если какое-то время тому назад было очень трудно приехать в Тбилиси, и трудно не потому, что кто-то не пускал: было, скажем так, трудно самому, порой и не хотелось, и было неинтересно. А вот сегодня интересно, и сегодня я хочу услышать, что вы думаете о том, что происходит у нас, как вы относитесь к моей оценке, к моей позиции по поводу урегулирования или ситуации в Абхазии. Мне кажется, что это все-таки шаг вперед. Наверно, симптоматично, что в течение двух выходных дней три абхазские группы работают в разных местах, и тот абхазский десант, который приехал захватывать Тбилиси, обсуждает, прорабатывает, проговаривает какие-то проекты. Наверно, это тоже какой-то прорыв. Я не отношусь к числу тех, кто очень оптимистично смотрит на то, что в ближайшее время конфликт будет урегулирован, политический статус будет определен так, как необходимо обеим сторонам, потому что политические позиции сторон пока что диаметрально противоположны. Но если даже конфликт законсервирован, и если каждый из нас делает хоть что-то, чтобы количество дней без войны стало больше... Наверно, это больше всего понимают те, кто жил в войне. Меня иногда спрашивают: «А как вы живете в Абхазии?» Я говорю: «Хорошо». Спрашивают: «А что хорошего – того нет, этого нет, пятого, десятого...» Я отвечаю, что по сравнению с войной, когда стреляли, когда убивали – хорошо. Все познается в сравнении. Живем хорошо, потому что нет войны, потому что мы можем говорить, можем спорить, потому что наши власти нами не

всегда довольны и очень резко нас критикуют в СМИ – меня меньше, моих коллег намного больше...

Батал Кобахия: Потому что она сама в СМИ. *(Смех в зале.)*

Манана Гургулия: Мы стали поднимать внутренние проблемы. Это здесь, в Грузии, кажется, что это очень просто – говорить о внутренних проблемах, критиковать власть. В Абхазии это было достаточно сложно. Сегодня мы поднимаем очень много острых внутренних проблем. Мне представляется, что это тоже прорыв, тоже ступень в развитии гражданского общества. Кстати, этому помогают и наши встречи. Я недавно приехала из Германии – надо было повезти нас в Германию, чтобы наши официальные лица встретились на неофициальном уровне. Там милый городок, и встреча была очень приятной и интересной. И я для себя обнаружила такую вещь – абхазцы дискутировали и полемизировали не столько с грузинами, сколько с абхазцами. Это говорит о повышении степени открытости – если одно время мы старались каких-то проблем не касаться, не говорить о них при оппонирующей стороне, сегодня мы пишем о них в наших общих сборниках. Может, вы так и не думаете, но для нас это уже какой-то уровень. Пишем достаточно откровенные, на наш взгляд, статьи о тех проблемах, которые у нас есть, о том, что нужно делать. И мне кажется, что в этом есть и заслуга подобного рода встреч. Теперь, что касается вопросов, которые тут задавали. Я, задавая вопрос Зурабу, совершенно никакой подвох в него не вкладывала, просто я хотела услышать четкий ответ. Я вчера задавала такие вопросы Михаилу Саакашвили, мне действительно это интересно узнать. Мне важно знать ваши разные мнения: это вы знаете, как по-разному вы думаете, а я-то нет. Вы меня извините, но прессу, которая приходит к нам, вы ее не знаете, не читаете, вы можете позволить себе такую роскошь, как не читать «Свободную Грузию», а я не могу позволить себе такую роскошь, как читать огромное количество грузинских газет. Я читаю «Свободную Грузию», в которой есть огромный портрет Эдуарда Амвросиевича и рассказ о том, что он был в Израиле и какое отношение к этому имел Христос (я, правда, не совсем поняла, какое). Вот что я читаю. И читаю еще совершенно ужасные вещи, и у

меня складывается впечатление, что эта газета делает все, чтобы в Абхазии задушили одну-единственную хорошую независимую газету – «Нужную». Потому что они берут из нее цитаты и перевирают. После этого наши власти кричат: как вы смели такое сказать? И этой нашей единственной газете, на которую мы молимся и которую всячески пытаемся поддержать, ей получается плохо. Поэтому я и задаю эти вопросы, не то чтобы с какой-то провокационной целью, а мне интересны разные мнения. Я действительно всем задаю вопрос: что вы думаете об отчуждении, которое существует между народами? Единственный путь его преодоления – это жизнь в одном государстве или можно жить, допустим, в разных государствах, но иметь добрососедские, взаимовыгодные отношения? Я не требую от вас ответа, просто такая проблема есть, и я ее перед вами ставлю. Еще несколько моментов. Лаша не использовал слово «упрямство», но часто говорят об упрямстве абхазов, которым предлагают огромное количество разных вещей, а они от всего отказываются. Вы меня извините, я вам тоже могу предлагать кучу всяких вещей: давайте сделаем так, давайте сделаем эдак, давайте, как кто-то на одной встрече предложил, на Ингури стол накроем, вместе сядем и тамаду выберем. Т.е. таких фантастических, сумасбродных идей можно придумать сколько угодно, и вы скажете: «Ненормальные», и тоже будете от них отказываться. Все, что мне предлагают, все, что я слышу на том уровне, на котором я участвую, практически сводится к одному: абхазцы упрямы, а мы вам предлагаем поверить в то, что Грузия строит демократическое государство, и вам в этом государстве будет жить хорошо. Извините меня, я вам не верю. Сегодня не верю. Поймите меня правильно. Я не хочу сказать, что вы не построите хорошее государство, что здесь будет очень плохо, и не хочу сказать, что вы мало делаете, но то, что я вижу сегодня, не убеждает меня в том, что в случае нашей жизни в общем государстве после этой войны (я не зря сказала о каждой абхазской семье, для которой это очень серьезная боль – там не найдешь семьи, в которой этого не было)... Я пока в это не верю. Я не требую, чтобы вы передо мной тут танцы танцевали и уговаривали: «Ах, какие мы хорошие, поверь!» Ситуация сегодня такова. Наше упрямство – это не просто упрямство, это сегодняшняя позиция, но я хочу делать все, что зависит от меня и моих

коллег, пусть маленькие, но шаги, во имя того, чтобы не было войны. Для меня мир – важнее жизни в одном или в разных государствах. Я сегодня такая, я не готова сегодня, наверно, жить с грузинами в одном государстве. Но я готова и хочу общаться с вами, хочу, чтобы у меня и у вас была нормальная возможность ездить друг к другу. Я за то, чтобы сегодня, насколько это возможно, устанавливались взаимовыгодные отношения. Это моя позиция. Тут ставили вопрос о беженцах. Я понимаю, это действительно очень острая проблема. Все время от абхазцев требуют: давайте решим, ответьте, что вы по этому поводу думаете. Абхазцы абстрактный ответ уже дали. Даже на политическом, официальном уровне. Абхазия подписала четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц, причем от этого заявления она не отказалась, но согласитесь с тем, что проблема беженцев... Очень много интересных дискуссий происходит не за таким столом, а когда мы собираемся по два-три человека. Так вот, эта проблема не просто гуманитарная, что бы мы не говорили. Я понимаю, что можно стыдить абхазцев и говорить: «Ну как вам не стыдно – вы в своей конституции записали, что вы приверженцы принципов Всеобщей декларации прав человека, и в то же время отказываетесь вернуть беженцев!» Это не так просто. И абхазцы не просто отказываются сегодня вернуть беженцев и говорят – не возвращайтесь. Сегодня это проблема, в первую очередь, политическая, и я не знаю, хорошо это или плохо сегодня – возвращение беженцев. Означает ли возвращение беженцев стабилизацию? Может быть, в какой-то степени ситуация в Грузии улучшится, но у меня нет гарантии, что ситуация в Абхазии стабилизируется. У меня пока ощущение, что она очень сильно дестабилизируется. Потому что социально-экономические проблемы очень остро стоят не только в Грузии, они еще более остро стоят в Абхазии, тут еще и экономические санкции. Словом, экономическая ситуация в Абхазии достаточно сложная и острая. И если вы говорите, что очень сложно интегрировать беженцев в нынешней Грузии, то, извините меня, еще более сложно, куда более сложно, сегодня сделать это в Абхазии. Но это не означает, что на эту тему говорить не надо. Это не означает, что эту проблему решать не надо.

Вопрос: Почему очень трудно? Этот вопрос самый интересный.

Манана Гургулия: Я попытаюсь сказать, но, наверно, я все-таки некомпетентна. Вы знаете, мне кажется, что Гия был совершенно прав, когда предложил посвятить дискуссию какой-то одной теме. Я могу сказать, что буквально две-три недели тому назад в Германии мы в течение 5-ти дней рассматривали проблему экономических санкций. 12 взрослых человек занимались этими вопросами. И очень много вопросов у нас осталось. Мы не принимали решений, это был диалог, мы дискутировали. Сейчас я не могу дать весь расклад, но проблема достаточно сложная. Это связано и с политической ситуацией, и с неурегулированностью отношений, и со сложной экономической ситуацией, и с санкциями, и с отсутствием какого бы то ни было рода инвестиций в абхазскую экономику. Более того, все забыли, что сразу после войны, когда в ноябре 93-го года начался Женевский переговорный процесс, было подписано два очень важных документа. (Нателла это знает.) Это были меморандум о понимании и коммюнике. В этих документах была записана одна очень важная вещь – об экспертной оценке того ущерба, который был нанесен Абхазии войной, и об экономической помощи Абхазии. Да, та страна (или, хотите, назовем ее регионом, мне совершенно все равно, как это сейчас за этим круглым столом будет называться), тот регион, который очень серьезно пострадал от войны, никаких экономических вливаний не получил. Этот регион наказали экономической блокадой, и достаточно жесткие экономические санкции сохраняются по сей день. Вот то, что я в данный момент вижу. Поэтому проблема беженцев достаточно острая, и решать ее, безусловно, необходимо. Я не знаю, как это вам нравится и как вы это оцениваете, но абхазские власти по-своему пытаются это делать в Гальском районе. Правда, многие говорят, что никакой заслуги властей в этом нет, что люди спонтанно возвращаются и уезжают. Да, может быть, особых заслуг абхазских властей в этом нет, но у них сегодня была, по крайней мере, одна возможность – не позволять беженцам спонтанно возвращаться. Они этого не делают. Не хочу сказать, что это хорошо и давайте все похлопаем абхазским властям, но это так. Т.е. у них была возможность как-то поме-

шать их спонтанному возвращению. (*Спор в зале.*) Думаю, вы скажете, что абхазцам это невыгодно. Я только констатирую факт – хочу сказать, что, по крайней мере, в этой области что-то делается – может, немного, не столько, сколько бы вы желали. Но ситуация сегодня такова.

И еще один момент (прошу прощения за такую эмоциональность и сумбур в изложении мыслей), вопрос ко всей аудитории (наверно, риторический, как и те, что уже задавались вначале). Не помню точно, но кто-то говорил о том, что нельзя говорить о развитии гражданского общества, если у вас то-то и то-то не происходит. Мне непонятно, почему развитие гражданского общества связано только с одной вещью: если абхазцы желают жить с грузинами в одном государстве – значит, они демократически ориентированы и гражданское общество у них развивается, а если они не желают сегодня жить с грузинами в одном государстве (что не означает нежелания общаться с ними и поддерживать связи), то никаких демократических процессов там не происходит. Мне кажется, что это несколько насильно какие-то притянутые вещи и аналогии.

Темур Чилачава: Я считаю, что сегодняшняя встреча действительно очень интересная, и думаю, что она должна была состояться раньше, но на любой встрече, которая происходит на таком уровне, хотите даже на политическом уровне, должна присутствовать и третья сторона, которая здесь прозвучала (правда, очень слабо). Имеются в виду те грузины, уроженцы Абхазии, которые там жили и, по независящим от них причинам, были вынуждены покинуть родину. Думаю, что это изменение в политике Грузии. Хотя на протяжении последних лет посткоммунистическая ситуация в Грузии и продолжается, и люди, которые выросли в партийных школах, фактически и сейчас находятся у руля Грузии, но большой прорыв происходит в том плане, что относительно молодые политики Грузии постепенно приходят к власти, и побеждает именно такой подход – подключать к таким встречам представителей третьей стороны, именно тех людей, которые жили в Абхазии и будут жить в Абхазии, потому что это их родина. Здесь выступал Гурам Кварацхелия, и мне лично понравилось его выступление, и я считаю, что это про-

рыв, потому что за круглым столом сидят и те люди, которые, фактически, стреляли друг в друга.

Батал Кобахи: Это не совсем так. Вы меня имеете в виду?

(Шум в зале.)

Темур Чилачава: За этим столом сидят также абхазы и грузины, которые до 89-го года работали вместе и растили новые кадры для Абхазии. После известных событий марта-апреля 89-го года, когда образовался Сухумский филиал ТГУ, до 92-го года они в течение трех лет продолжали жить в Абхазии, но работали порознь. Тут выступал г-н Паата Гургенидзе и сказал, что он считает себя грузином-националистом. А я себя считаю грузином-демократом, который прошел московскую школу – кстати, школу Московского университета – и я рад, что здесь сидят и представители этой школы. Я не историк, а всего лишь математик, как ваш ректор, и не претендую на знание тех исторических истин, о которых идет спор между сторонами. Одна сторона считает, что аборигены только грузины, вторая сторона – что аборигены как абхазы, так и грузины. Здесь присутствует и третья сторона, которая считает, что аборигены только абхазы. Я, как дилетант в области истории, больше склонен считать, что скорее всего, верна вторая позиция, которой придерживаются большинство историков – теория двуаборигенности. По крайней мере, я так считаю. Для того же самого ирландца или китайца, приехавшего в Америку, вопрос об аборигенности в Америке – нонсенс, так как, естественно, вопрос демократии не подразумевает, кто и на сколько дней раньше приехал.

Здесь ставился вопрос об упразднении определенных структур. Я думаю, проблема не в том, какова степень коррупции в абхазском правительстве, которое находится в Тбилиси, или какая степень коррупции среди тех, кто сидит повыше или рядом. Дело в том, как и где искать корни коррупции. Естественно, пока в грузинском обществе недостаточно гласности и демократизации, но я надеюсь, что с приходом более молодых политиков, которые уже не имели счастья набраться известных догматов в партийных школах, это будет преодо-

лено. Мне понравился вопрос г-на Лаши Бакрадзе насчет чувства вины. Я лично испытываю определенное чувство вины как человек, который там родился и учился и в каком-то смысле участвовал в тех процессах, которые происходили в Абхазии до 92-го года (имеются в виду выборы и т.д.). Часть депутатов того парламента здесь присутствует в новом статусе. Я думаю, что чувство вины у грузин есть, по крайней мере, у тех, которые находятся здесь, и тех, которые, в частности, не смогли внушить Тбилиси, что ввод войск – это политическая ошибка. Но речь сейчас не об этом. Мне кажется интересным тот факт, печальный факт, что из лучшей части сегодняшней абхазской интеллигенции, которая присутствует здесь, никто не задался вопросом: может быть, часть абхазов, которая в течение века, фактически, обрабатывалась третьей стороной, тоже в каком-то смысле повинна в этом конфликте? У нас, у грузин, которые жили в Абхазии, тогда были глаза, мы смотрели телевидение, когда тот самый правитель, который сегодня сидит в Абхазии, говорил: «Я заставлю вас стрелять в абхазов». У нас же хорошая память. Я математик, и память у меня неплохая. Но дело сейчас не в этом. Помнить историю, естественно, хорошо, но мы, как мне кажется, должны отталкиваться от того, что наша родина, родина и абхазов, и грузин (я имею в виду тех, которые из Абхазии) – Абхазия,. И мы должны будем там жить вместе. Здесь, в Тбилиси, вы должны ориентироваться на то, что наше мнение (грузин Абхазии) по многим вопросам не совпадает с мнением тех грузин, которые живут в Тбилиси. Ничего плохого я в этом не вижу, потому что это, естественно, вопрос демократии. А какая-то демократии в Грузии все-таки есть, потому что в газетах мы все что угодно можем писать: и правильную точку зрения можно высказать, и неправильную, другое дело, что караван, так сказать, идет своим путем. А в Абхазии, как мне представляется, демократия сейчас даже не таком уровне, так как г-на Ардзинба я, так или иначе, знаю. Я не думаю, что он придерживается мнения той же самой хорошей «Нужной газеты».

Далее, хочу сказать о так называемом филиале, Сухумским филиале Тбилисского госуниверситета им. Джавахишвили, где, в основном, учатся беженцы из Абхазии. У нас уже 2 года на специальности «грузинский язык и литература» введен предмет «абхазский язык».

Кстати, этот язык у нас преподает известный ученый Темур Гванцеладзе, доктор наук, один из представителей школы Ломтатидзе (наверно, вы об этом слышали и знаете). За последние семь лет здесь, в Тбилиси – и в том же самом университете, и в Академии наук Абхазии – устраивались вечера известных абхазских деятелей – например, Михаила Тимуровича Бгажба, Сократа Аршба, Зураба Анчабадзе, Георгия Шервашидзе и других. Мне было бы интересно (я не знаю, потому что 8 лет не был ни в Гульрипше, ни в Сухуми), но, может, вы назовете хоть одного из грузинских деятелей, которому там был посвящен вечер – естественно, не того грузина-боевика, героя Абхазии, который награжден орденом Леона, но какого-нибудь из грузинских деятелей, которые все-таки в Абхазии были. Я был бы очень рад.

Что касается интеллекта. Я естественно, считаю, что интеллект в равной степени представлен с обеих сторон – в Грузии, может, в большей степени, что естественно: в большом городе больше умных людей, чем в маленьком. Так вот, Манана Гургулия сказала, что она не готова жить с грузинами. Когда мы последний раз были в Абхазском университете в 89-м году, ее однофамилец произнес такую фразу: «Я, к сожалению, знаю грузинский язык». А я говорю, что, к сожалению, не знаю абхазского. Как внук абхазов, я должен был его знать. Мои родственники с абхазской стороны (село Адзюбжа) воевали, естественно, на стороне абхазов, родственники с грузинской стороны, естественно, воевали на стороне грузин, но, несмотря на то, что они погибли, я готов сегодня жить в Абхазии, с абхазами. Но те люди, те политические силы, которые так или иначе способствовали такой ситуации, как с этой стороны (в том числе и тот, с длинной фамилией, которая здесь упоминалась), так и с той стороны – они должны уйти. Должны прийти новые силы, которые, с моей точки зрения (а я всего лишь педагог), создадут новую Абхазию вместе с новой Грузией. Естественно, с максимальными условиями для Абхазии, но в пределах одного государства. Может, это мой минус, но я так считаю. Спасибо.

Батал Кобахия: Учтите при этом кавказское долгожительство...

Темур Чилачава: Учтем.

Юля Харашвили, Ассоциация женщин – вынужденно перемещенных: Я должна сначала извиниться, потому что мои пять минут будут, наверно, очень сумбурными – очень много хочется сказать. Паата, а нельзя ли и меня посчитать женщиной из Абхазии и не перебивать?

Батал Кобахия: А почему ты сейчас не говоришь, что работаешь в UNV?

Юля Харашвили: А потому что я буду высказывать точку зрения не ООН, а моих друзей. Хочется ответить на очень многие вопросы и многое сказать, потому что за последние два-три года это первая возможность.

Во-первых, я действительно очень рада, что сегодня нашим абхазским коллегам представилась возможность увидеть не только Паату Закареишвили, к которому они уже привыкли, который такой хороший и с которым всем легко разговаривать, а более реальный спектр грузинского общества, с каким и вам, и нам приходится иметь дело. Это очень важно, чтобы не создалась односторонняя картина.

Я буду говорить очень разные вещи. Хочу вернуться к Израилю, с чего мы сегодня начали. Если сравнить, можно себе представить, какие деньги были вложены и в развитие гражданского общества Израиля, и в то, чтобы эти две общины смогли как-то жить в мире, и все-таки на каком-то этапе, т.е. при первом же испытании... (*Шум в зале, реплики.*) Если честно говорить, деньги тоже имеют значение.

Реплика: Деньги добра не приносят.

Юля Харашвили: Нет, добро, именно в смысле добра, деньги все-таки приносят, и мне кажется, что если бы сегодня и на территории Абхазии, и те люди из Абхазии, которые живут на территории остальной Грузии, жили бы немножко лучше, то это чуть-чуть сняло бы напряженность. Потому что голодным людям все-таки разговаривать труднее. Я не хочу сказать, ребята, что у вас голодные, не хочу

оценивать вашу ситуацию, но думаю, что они есть. У нас голодные есть, я вот сейчас из Зугдиди, и, честное слово, голодных там достаточно.

Сегодня Зураб говорил о пирамидах (и о том, что в Аджарии существует маленькая пирамида внутри большой). Нателла, наверно, помнит случай, когда мы были все вместе и шел разговор об этой пирамиде – встала одна из наших коллег из Абхазии и сказала: «Мы себя меньше представляем в виде пирамиды, потому что у нас на разных уровнях меньше противоречий, больше общего мнения, мы себя более монолитной фигурой представляем». Мне кажется, что сегодня ситуация с вынужденно перемещенными лицами – это тоже некий монолит. Причем монолитом она кажется только снаружи, внутри, конечно, он очень расслоен, но на наружные раздражители мы реагируем как очень единое целое. (Я не хочу сегодня говорить о Надареишвили, я хотела бы говорить о себе, потому что каждый из нас отвечает за себя, а не за других.) На наружные раздражители мы иногда реагируем одинаково, независимо оттого, что у нас внутри, и, наверно, у вас этот феномен тоже есть. Независимо от того, что вы думаете и как вы обсуждаете это внутри общества, все-таки на какие-то внешние раздражители – на нас – вы реагируете одинаково. Что же с этой проблемой делать? Фактически, сегодня общество вынужденно перемещенных лиц – это не пирамида, а какое-то несформировавшееся образование, которое отвечает на сегодняшние раздражители голосом нашего правительства и голосом Тамаза Надареишвили, не потому что все так думают, а потому, что другого голоса ему не дано. И не дано, в частности, в грузинском обществе тоже. Поэтому многие люди, которые не хотели бы, может быть, говорить с позиции, которую сегодня высказывает правительство в изгнании, вынуждены примириться, потому что не видят другой возможности подать голос. Я это говорю не столько для вас, сколько для нас. Потому что в грузинском обществе их тоже не очень любят слушать, считается, что это однородная масса и с ними можно общаться, как с однородной массой.

Здесь наш историк сказал, что он не видит причин, которые смогли нас разделить. Сразу после гальских событий у нас была серия семинаров для женщин в общинах вынужденно перемещенных лиц

(мы по регионам ездили еще до того, как в 98-м году случились эти события). Один семинар был в Зугдиди сразу после того, как пришла эта новая волна в 35 тысяч человек – точную цифру так никто и не знает, но будем говорить 35 тысяч. (На самом деле все цифры очень приблизительны и значения не имеют: будь там 5 тысяч или 300 тысяч, проблема остается та же.) Очень жестко звучал вопрос: «Мы не понимаем – почему это с нами случилось?» Мы попробовали поискать корни, это и для нас было интересно. Я сейчас боюсь соврать в цифрах, но было около сорока причин, которые они сами нашли, по которым абхазы могли быть недовольны проживанием с грузинами, и около тридцати причин, по которым грузины тоже недовольны были проживанием с абхазами, т.е. существовала масса трений, на которые никто никакого внимания не обращал или обращали, но не в ту сторону. И когда все это написали и посмотрели, мы все ужаснулись. Удивительно, как они вообще еще живы. Наверно, такой же список можно написать в любой общине, да и в любой семье. Вопрос просто в том, надо ли это делать в общинах, если мы действительно имеем такую цель – сближать наши позиции. Вот этого я, правда, не знаю.

У каждого из нас свои задачи. Вот я говорю честно, у меня такая задача – мне хочется вернуться обратно. И я не собираюсь больше ни о чем другом говорить. Мне хочется вернуться обратно, и я стараюсь сделать для этого какие-то конкретные шаги. С моей точки зрения, которая, может быть, совершенно неправильна, ваше присутствие здесь сегодня – это стремление обеспечить безопасность и мир.

Вот здесь сегодня Сакварелидзе сказал слово «справедливость», которое у нас всегда пропадает и которое на самом деле очень важное, и которое никогда не присутствует на переговорах. В английских текстах «мир и справедливость» всегда идут вместе. В реальности у нас «мир и справедливость» вместе не идут. Так что, если нам сегодня говорить о восстановлении полной справедливости, то как это уживется с миром, я не знаю. Если говорить о сохранении постоянного мира, то уже трудно говорить о восстановлении справедливости. Но вообще, конечно, «справедливость» – это ключевое слово (для детей).

Напоследок скажу вот что. Некоторые из присутствующих знают наши детские программы, а некоторые не знают. Коротко гово-

ря, мы собираем детей из разных конфликтных регионов. В течение пяти лет во всех этих детских группах нам удалось собирать грузинских, осетинских и абхазских представителей. Вот в этом году у нас в Болгарии были дети абхазские, осетинские, грузинские, крымско-татарские, и болгарские, и турецкие. Мы приглашали и армянских, и азербайджанских, но, к сожалению, не получилось, не хватило времени...

Что я хочу об этом проекте сказать? Мне, например, кажется, что он очень успешный, но мнения могут быть разные. Но вот в этом году была очень важная вещь... (Кстати, Батал, я не сказала тебе спасибо за то, что ты сумел это организовать.) Значит, были представители с абхазской стороны – двое, были мы с грузинской стороны, были осетинские руководители этого проекта, и мы очень хотели получить от детей ответы на множество вопросов.

Главный вопрос был – что они сами об этом думают, нашли ли они в этом что-нибудь и хотят ли они продолжения. Каждый из нас хотел получить свой ответ; я думаю, что даже мы с Сашей, который работал со мной, хотели получить разные ответы. Самое главное, что я увидела – при всем том, что все дети сказали, что это прекрасно, что они все хотят, чтобы этого было много, что это должно расширяться, приобретать массовый характер, что дети должны ездить друг к другу в гости, а не встречаться на третьей территории... Это они все сказали, но не это было главное. Главное было, что эти дети (впрочем, уже не дети, а подростки до девятнадцати лет) высказывали свое независимое мнение, которое уже отличалось от нашего. Это было, кстати, хорошее мнение. Они работали как единая группа; я не хочу сказать, что это была, так сказать, территориально целая Грузия, но это была группа единомышленников, которые уже разговаривали совершенно по-другому. У них была какая-то другая точка отсчета, и они говорили о других вещах.

И я не на все свои вопросы получила тот ответ, какого хотела. Ни я, ни Саша, ни другие фасилитаторы, которые хотели услышать каждый свое (ведь у каждого стояла своя задача) не получили все ответы такими, как хотели. Но сами дети сказали, что они как раз на свои вопросы ответы получили. Я думаю, что, наверно, вот в этом дело – чтобы мы не ставили их в какие-то рамки.

И наш очень маленький опыт показывает, что вообще молодежи (они нашими стереотипами меньше ограничены) лучше давать что-то другое... И не только им, но и мужчинам, и женщинам, и вообще всем. Вот образование, в самом деле, великая вещь.

Я совершенно не верю (извини, Паата), что гражданское общество может разрешить конфликт – гражданское общество может изменить ситуацию. Ну, здесь были такие высказывания, что «только гражданское общество может», но этого конфликта гражданское общество решить не может. Наверно, мы что-то можем сделать в плане образования, чтобы вот те женщины, которых изгнали из родных домов... вот эти женщины что-то поняли.

Я всегда мечтаю, чтобы такие программы шли с обеих сторон, чтобы было немножечко больше понимания на уровне людей, а не только между нами.

Арда Инал-Ипа: Я хотела выступить очень стройно и системно, но раз все говорят сумбурно, то и я тоже буду... *(Смех в зале.)* Мне хотелось ответить Лаше, но его нет. Просто он спросил о каких-то уступках и о том, задумываемся ли мы о своей доле ответственности. Я хочу сказать, что задумываемся.

Конечно, если говорить о прессе, то эти голоса звучат достаточно робко, но они есть, и даже, оказывается, Тенгиз их замечал (я так поняла из вашего выступления). Потом кто-то упомянул о гальских событиях, о том, что не было никаких попыток их предотвратить (вы, кажется, говорили об этом). Накануне гальских событий мы еще не знали, что будет, но была какая-то напряженность в обществе, и вы все помните, что мы собрались в Ассоциации инвалидов-спинальников. У нас был такой очень серьезный разговор. Этому предшествовал митинг, нас он как-то озаботил. Да, в Очамчире был проведен митинг, где были речи, которые нас просто пугали своей направленностью, и нам казалось, что они ведут к чему-то очень опасному и нехорошему. Мы выразили свое мнение, мы даже написали текст. Оставалось его только отредактировать. Я, к сожалению, тогда должна была срочно уезжать в Москву, и по каким-то причинам его просто не удалось опубликовать. Конечно, важно было бы, чтобы мы успели его опубликовать и т.д. – этого мы, действительно, не смогли

тогда сделать. Но текст этот есть, и мы об этом говорили и задумывались. Но, к сожалению, гальские события произошли.

Я не хочу сказать, что мы многое делаем в этом направлении, но то, что мы не думаем о своей доле ответственности – это неправда, и в статьях это есть.

Что касается военных преступлений, этот вопрос мы тоже поднимали много раз. У нас нет информации, но я очень хотела бы, чтобы в нашем обществе мы знали бы тех, кто нарушал права человека и совершал военные преступления во время войны. Мы не имеем такой информации. Может быть, когда-то мы дойдем до такого уровня, когда могли бы передать друг другу какие-то данные для того, чтобы эти люди не влияли на нашу сегодняшнюю политику, а сейчас я только думаю, что они есть. Я просто их не знаю, вы их, может быть, тоже не знаете. Это будущий тяжелый процесс, и этим очень опасно заниматься, но мы об этом думаем и говорим.

Что касается моих впечатлений от Тбилиси (наверно, это может быть интересно), конечно, что-то меня удивило. Мне несколько раз пришлось услышать, что абхазский вопрос – не очень важный. А когда меня спросили о впечатлениях от посещения парламента, я сказала, что мне показалось, что у членов парламента не очень хорошее представление о том, что происходит в Абхазии, достаточно поверхностное представление. Люди из администрации президента мне сказали, что это неудивительно, потому что это вообще сейчас не первостепенный вопрос: «Нам нужно строить демократическую Грузию, и мы занимаемся другими важными вопросами...» Я понимаю, что это было, так сказать, эмоционально направлено – мол, не думайте, что для нас это так уж важно... Т.е. хотели создать впечатление, что в Грузии этот вопрос не важный, и при этом как бы приглашают... Мне кажется, одно другому немножко противоречит. Потом в самом парламенте нам сказали, что когда началась война, в Грузии это не восприняли серьезно: один самолет посылался в Абхазию, два самолета летели в Дубаи. У меня мороз по коже пошел. Это не я сказала. Я повторяю слова члена парламента.

Реплика: Я сам при этом присутствовал.

Арда Инал-Ипа: Мне стало страшно, что война в Абхазии, когда военачальник говорит, что готов уничтожить весь народ – не воспринимается как что-то серьезное.

И знаете, что я хочу повторить? То, что Манана говорила об отношении к войне. Здесь начинали разговор с каких-то процентных соотношений, наверно, это тоже важно, т.е. катастрофа этой войны воспринимается гораздо острее в Абхазии, чем здесь. Мне кажется, когда Ираклий Сургуладзе говорит: «Да, это ошибка», для абхазов это слишком слабое слово, понимаете? Батоно Давид Силагадзе сказал о пропасти, и я, действительно, думаю, что если до войны были с абхазской стороны выступления о желании отделиться, то эта война, естественно, только усугубила это желание. Действительно, возникла эта пропасть, она есть, она есть в нашем восприятии.

Когда в том же грузинском парламенте нам сказали, что в Осетии все очень хорошо, все прекрасно, и в Абхазии люди уже готовы жить в едином государстве, просто даже как-то неловко было говорить о реальной ситуации. Человек настолько далек от того, что происходит в Абхазии, что не хочется – как-то даже невежливо – говорить о том, что есть, потому что он просто этого не воспримет, он просто не готов воспринять то, что произошло. Он сказал, что в Абхазии видны все признаки того, что народ готов жить в едином государстве – заключаются смешанные браки, люди приезжают на свадьбы и похороны и т.д. Я ответила, что это признак того, что люди устали враждовать, что наконец-то произошло разделение в сознании... Стремление к самостоятельности, мы давно об этом говорили, обязательно должно сопровождаться враждой, и наконец-то в сознании абхазского общества эти две вещи разошлись и мы понимаем, что, стремясь к самостоятельности, мы можем оставаться в прекрасных, дружеских, партнерских, сотруднических отношениях с Грузией.

Но это вовсе не означает, что население Абхазии делает свой политический выбор в направлении единого государства. Это, по моему, Ленин говорил, что иногда нужно сделать шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед.

Реплика: Он наоборот сказал: «Шаг вперед и два шага назад».

Арда Инал-Ипа: Так вот, мне кажется (я все какими-то образами говорю), так вот, мне кажется, что между нами пропасть и мы стоим на краю этой пропасти. Вы – на одной стороне, мы – на другой. Вы нас зовете, но если мы сделаем шаг, мы попадем в эту пропасть в сознании абхазского общества. Чтобы перепрыгнуть эту пропасть, чтобы восстановить взаимопонимание, нужен какой-то разбег. Дайте нам сделать шаг назад. Дайте. Вы не даете сделать этого шага назад, у нас нет возможности подумать, представить, почувствовать себя принимающими самостоятельно это решение.

И последнее. Вот об этом стремлении к независимости. Если уж оно возникло... Аналогии всегда неправильные, но иногда они все-таки что-то проясняют: если в семье растет подросток, и вот у него возникло стремление вести себя более независимо, он становится агрессивным, он становится невежливым, с ним очень тяжело. Но с этим уже ничего невозможно поделать. Это факт. Нужно признавать это право. Можно подавить, можно еще что-то хуже сделать, но если ты не уважаешь этого права, то отношения только ухудшаются. Это вовсе не означает, что когда он почувствует эту независимость, он захочет уйти. Он, может быть, захочет остаться, потому что почувствует уважение к своим правам.

Гоги Хуцишвили: Я хочу начать с того момента, который затронула Юля Харашвили: может ли гражданское общество вообще решить проблему конфликта? На что мы можем рассчитывать в своей работе, какие могут быть ожидания? Гражданское общество, конечно, не может решить политическую проблему, не может решить даже экономическую проблему. Но дело в том, что политики никогда не смогут принять и тем более осуществить свое решение, если нет основы для осуществления этого решения в гражданском обществе.

Гражданское общество является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы политики приняли и осуществили свое решение.

Но я сейчас хочу сказать не об этом. Здесь вот от Нателлы и от других прозвучало такое замечание: «Вот вы говорите, что у нас так. А вот знаете ли вы, что у нас действительно так? Что вы знаете о том, что у нас происходит?» Вот с обеих сторон это прозвучало. Речь идет

о том, что мы живем и разговариваем на уровне субъективной реальности. У нас есть субъективная реальность, у нас воспринятая картина друг друга, воспринятая картина конфликта и воспринятая картина всей ситуации. Если мы признаемся, что многого не знаем, но сделаем свои выводы на основе этой воспринятой картины, конечно, уже все становится на свои места. Мы не можем требовать большего друг от друга. Но как раз эта встреча означает, что мы стремимся к большему.

Но есть здесь еще один фактор, который незримо влияет на ситуацию. Это средства массовой информации – вот то, что говорила Манана. И я хочу сказать, что очень тревожное положение складывается, когда нет доступа к информации ни с одной, ни с другой стороны.

Я читал абхазскую прессу. К сожалению, я читаю только русскоязычную абхазскую прессу, читаю «Нужную газету». «Нужная газета» на меня производит очень положительное впечатление.

Реплика: Осторожней хвалите, а то ее закроют!

Гоги Хуцишвили: Ну, если я что-то скажу, ее не упразднят, ко мне не так сильно прислушиваются.

Но с другой стороны, мне бывает очень тяжело, когда я вижу, что за пределами Грузии грузинское мнение представлено единственной газетой «Свободная Грузия», единственной телепередачей «Вестник» (20 минут) и единственной радиопередачей (полчаса). Вот так сужено грузинское общественное мнение, направленное за пределы страны — т.е. именно то, что на русском языке, и направлено за пределы страны, потому что очень много людей, которые хотят узнать, что происходит в Грузии, а грузинского языка не знают. И тут вдруг вся эта ответственность накладывается на одну газету. Эта газета превращается в бастион государственного, даже не общественного, мнения, выставленный вовне, и в самой этой газете сразу же происходят деструктивные процессы: газета старается занять такую позицию, чтобы ни одна политическая сила внутри страны не смогла придрать-ся, не смогла подкопаться, не смогла ни в чем обвинить, и получается страшно причесанная... ну, просто зеркало официоза, официального мнения, и больше ничего. Никакой критики, никакого обсужде-

ния вы на страницах такой прессы или в таких телепередачах не найдете.

Но если вы посмотрите газеты, которые издаются на грузинском языке – ту самую прессу, которую мы иногда называем «желтой», иногда «белой», иногда «зеленой»... Как бы мы ее ни называли, но очень разные статьи там печатаются. Печатаются статьи, в которых есть движение мысли. Вот что самое главное. Это в Грузии есть – есть движение мысли, есть стремление лучше понять ситуацию. Мы очень рады, что аналогичные процессы начались и идут в Абхазии. Вот эти процессы надо поддерживать.

Реплика: Уже появилась желтая пресса, да?

Манана Гургулия: Есть предложение: напишите проект и создайте такую русскоязычную газету, в которой вы будете излагать свое мнение.

Паата Гургенидзе: Я хочу ответить Нателле, которая покритиковала мою интерпретацию грузинской и абхазской национальностей. Я это нарочно упростил. Конечно, я так не думаю, но этим я хотел показать, что моя философия не ставит этот вопрос во главу угла. Даже если я действительно так думаю, это не противоречит тому, что я думаю также, что это не мешает нам решать политические вопросы.

Я читал ваши статьи, я знаю вашу теорию о мифах. Я думаю, что все народы создают свои мифы, все народы создают свои какие-то *политически ангажированные* мифы. Я что хочу сказать? Если для того, чтобы решить фундаментальный вопрос, вопрос независимости, вы согласны дискутировать и довести этот дискурс до такого уровня, чтобы ваша независимость реализовалась в контексте безопасности Грузии – и не только Грузии, а всех сторон, которые вовлечены в эти региональные дела (потому что, как вы понимаете это не только грузинский вопрос), если вы хотите именно независимости – а в Грузии многие думают, что эту независимость вам можно предоставить, и я в том числе, хотя я вам говорю, что я считаю себя националистом (был такой эпизод в нашей политической жизни, что самое национа-

листическое правительство Звиада Гамсахурдия тоже пошло на уступки и дало абхазцам политическую возможность лишиться голосов грузинскую часть, чтобы этим как-то продвинуть суверенитет именно абхазской части общества), если вы реально хотите внести свой вклад в это дело, в доведение этого вопроса до того уровня, чтобы эта тема потом могла политизироваться, я сейчас предлагаю то, что сказала Манана. Почему бы не издавать такую газету? Я вот вам даю такое предложение от нашего института, мы можем сделать этот проект. Я могу завтра же написать этот проект. Здесь представитель фонда Сороса, и другие фонды тоже могут помочь перенести эту дискуссию на страницы газеты, чтобы эти дискуссионные статьи публиковались потом и в вашей прессе, и в нашей прессе. Мы так понимаем, что ваша пресса более или менее плюралистична, и, может быть, вы будете их публиковать...

Манана Гургулия: Ее просто очень мало.

Паата Гургенидзе: Вы даже можете сопровождать их комментариями... А мы можем публиковать без всяких комментариев ваши статьи, которые будут в этом дискуссионном дискурсе. Мы можем даже сделать его публичным на уровне интернета. Если какая-нибудь ваша организация, в принципе, согласна на этот дискурс, я вам даю слово, что я напишу этот проект и наш институт найдет возможность его реализовать.

Паата Закареишвили: Слово предоставляется Гиге Бокерия.

Гига Бокерия. У меня нет больше вопросов к моим согражданам, которые рекламируют СНГ и воров в законе. *(Смех в зале.)*

Тенгиз Пачкория: Извините, прошу не искажать мои слова. Я не говорил «воров в законе», я говорил об авторитетах.

Зураб Парцвания: Институт пахановства у нас со времен Владимира Ильича был.

Гига Бокерия: Я уступаю слово Зуре.

Реплика: Он продал свою очередь Зуре за десять долларов! (*Смех в зале.*)

Зура Чиаберашвили: Мне было очень интересно слушать друзей из Сухуми, и я им очень благодарен за доклады, с которыми они выступили. Потому что я реально увидел, что стремление к такому диалогу у них существует, и может быть, у них его больше, чем с грузинской стороны.

Сейчас я хочу коснуться некоторых тем, затронутых в ходе дискуссии. Я говорил и еще раз повторяю Тенгизу, что идеология войны в Тбилиси существует. Пока мы видим на улицах такие надписи, как «Вернем Абхазию!», до тех пор будет существовать идеология войны, потому что эти слова оскорбительны и для абхазцев, и для грузин. Поэтому, когда я сказал, что приглашаю абхазцев в единую Грузию, я предлагал именно отказаться от старой терминологии и перейти к новой терминологии, потому что от терминов многое зависит, я так думаю. Потому что это оскорбительно – взять абхазов и потащить, как нас, грузин, потащили в СНГ. Здесь было сказано, что если бы мы вовремя вошли в СНГ, этой проблемы не было бы. Я говорю, что эта проблема все-таки была бы. Потому что нельзя говорить, что абхазцы и грузины – это какие-то объекты, а большие субъекты – Россия и Америка – играют с этими маленькими объектами. Это тоже оскорбительно и для грузин, и для абхазцев. Значит, мы и от этого должны отказаться, потому что, если бы не было СНГ, эта проблема все-таки стояла бы.

Тенгиз Пачкория: Я перебую вас. Я не сказал, что не было бы *проблемы*. Может быть, *войны* не было бы, я так сказал. Я же не говорил, что нами кто-то манипулирует. Между грузинами и абхазами были противоречия, но гораздо важнее оказались геополитические факторы. Почему вы искажаете мои слова?

Зура Чиаберашвили: Потом я хочу сказать, что не только абхазцы не готовы сегодня к созданию единого государства. Грузины тоже неготовы.

Что я имею в виду? Дело в том, что я часто повторяю: сами грузины не представляют, что это такое – единое государство грузин и абхазов и как мы будем в нем жить. Не в каких-то политических терминах, как будет разделение этих властей, нет, не это, не в политическом смысле. А вот Георгий Хуцишвили об этом говорил – о том, что мы не представляем себе, как это будет. Если вы сейчас остановите кого-то на улице и спросите, он будет говорить именно в терминах «возвращение Абхазии» и т.д., в терминах принуждения, а не терминах диалога. Это общественное мнение в Тбилиси, в Грузии. Это надо сознать, и к этому я призываю в первую очередь грузин.

Дело еще и в том, что, как сейчас было сказано, грузинский парламентарий не представляет себе проблемы Абхазии. Они не только проблему Абхазии, они и все остальные проблемы в Грузии знают поверхностно.

Реплика: А кто их выбирает?

Зура Чиаберашвили: Я не выбираю. Хотя я и несу ответственность за это правительство как гражданин этой страны, я это признаю. Вы абсолютно правы в том, что для официального Тбилиси и для обычных тбилисцев проблема Абхазии – это проблема, далекая от нашей повседневной жизни, а для вас это внутренняя проблема, в этом разница. Эта абхазская проблема имеет место там, в Сухуми, в Абхазии. И это большая разница, и это тоже надо учитывать.

И еще я хочу откликнуться на мнение Георгия Хуцишвили о том, что у нас есть какие-то картины, образ врага и т.д., и с этим мы начинаем диалог. Дело в том, что здесь нам поможет такой термин, как «*tabula rasa*». Мы должны очистить все, что у нас есть в голове. Я, конечно, знаю, что все забыть не надо и нельзя, и мы не можем все забыть, но я все-таки напомним, что здесь было сказано о том, что маленькие дети не знают того, что знает то поколение, которое здесь представлено, и они уже «*tabula rasa*» в том смысле, в котором я здесь говорю. Конечно, наше поколение забыть не сможет.

Когда я говорил, что и в Абхазии, и в Грузии не хватает ресурсов, я как раз говорил о том, с чем вы согласились: что абхазская пресса меньше, чем грузинская пресса. Именно размеры я и имел в виду,

когда я говорил о ресурсах, и ничего оскорбительного я не имел в виду.

Далила Пилия: Итак, речь идет о том, как мы должны формировать гражданское общество и как выработать механизм, чтобы это гражданское общество как-то влияло на политиков и политические решения.

Наверно, неспроста мы начали с палестино-израильских взаимоотношений, потому что при всей налаженности взаимодействий и сформировавшемся гражданском обществе они, увы, оказались бессильны, когда началась война. Чтобы этого не произошло, мы должны выработать механизм воздействия на своих политиков – может быть, мы поговорим об этом в другой раз, потому что сегодня у нас нет времени и это, наверно, не так легко.

Тут я хотела бы только заметить, что малое общество, наверно, легче управляемо, это естественно. Но еще в традиционной культуре абхазов народ всегда, издревле, мог открыто противостоять правителю. Даже крестьянин имел право встать и сказать: «Дорогой царь, ты неправ». И царь обязан был к этому прислушаться. Ну, на худой конец, мы привыкли собираться на *лыхнашта*, мы можем собраться и сказать: «Все, мы вас больше не слушаем», и это имеет большое значение. Хотя сегодня очень многое изменилось. Поэтому выработка механизма влияния на свою политическую власть имела бы очень большое значение.

Но я думаю, что это разговор скорее для другой встречи. Теперь, как уже все говорили, я тоже буду говорить сумбурно, и как все преподаватели, наверно, буду очень многословна. Но я постараюсь как можно короче.

Батал Кобахия: Я думал, ты уже закончила, а ты только собираешься говорить, что ли? (*Смех в зале.*)

Далила Пилия: Это было предисловие. Тут выступал уважаемый коллега. Вы знаете, я не могу не затронуть эту проблему, потому что она прошла по моим жилам. Это проблема университета. Не могу оставить без внимания то понятие, которое я здесь услышала.

Мой дорогой коллега! 1989 год – это не так давно, и мы прекрасно помним все, что там происходило. Сказать, что это было независимо от вашего желания – это почти ничего не сказать. Потому что мы с вами помним, как мы на всех уровнях сделали все возможное, чтобы университет не раскололся по национальному признаку. Я очень хорошо помню наши дискуссии в актовом зале университета. Лично я выступала и говорила: «Мои дорогие коллеги! Сегодня мы хотим по этническому признаку разделить университет, завтра – производственные коллективы, послезавтра – автобусы, а потом – автомат Калашникова». К большому сожалению, так и получилось. Я не хочу сказать, что все произошло из-за университета, но это был яркий повод для того, чтобы это так произошло.

Кстати, я последний раз была в Тбилиси в 1989 г., нас принимал первый секретарь ЦК, Гумбаридзе. И нам говорят: «Помиритесь». И вот мы сидим – мой бывший декан факультета, Мурман Берия, мой преподаватель, Хоробава Реваз Парменович – сидим друг против друга, и нам говорят: «Помиритесь, иначе будет очень плохо». И вот, вы знаете, к большому сожалению, мы не нашли общего языка. И мы пришли к худшему.

Несмотря на то, что все страшное как бы позади, май 1998 года показал, что наше сегодняшнее положение очень уязвимо, и очень легко относиться к тому, что мы пережили, я думаю, будет не совсем правомерно.

Что еще немаловажно? Вот тогда мои коллеги, мои друзья-грузины говорили: «С вами мы потеряли свой грузинский язык, мы с вами вынуждены общаться на русском, и потому мы хотим самосохраниться отдельно». Сейчас мы говорим, что мы, наконец, приобрели свою самостоятельность, свою свободу, нас процентами по носу никто не бьет, нам никто не напоминает: 18 процентов или 5 процентов. И сегодня мы слышим от моего коллеги о том, что у них кафедра абхазского языка, выпускают множество книг – мы это видим. Почему-то пошел обратный процесс. Вот это, я думаю, должно быть уроком для будущих взаимоотношений, потому что мы поменялись местами в своих требованиях.

Возвращаясь к гражданскому обществу – не народы начинают войны, а политики. Поэтому насколько мы сможем влиять на поли-

тиков – в этом будет значимость нашей работы. Формирование гражданского общества сможет достигнуть своей цели, если мы хоть чуть-чуть сможем на них влиять.

Здесь говорилось о справедливости и том, почему мы все время упираемся. Вы знаете, к большому сожалению, мне хотелось бы, отключившись от всех политических процессов и проблем, чисто психологически... здесь сидят психологи, и мне бы не совсем хотелось выдавать себя знатоком психологии, но... надо знать народ. Мы общались тысячами, столетиями общаемся, и у меня такое впечатление, я всегда это говорю, мы совершенно не знаем друг друга. Ни один народ не любит насилия, но поскольку нас, абхазов, мало, мы очень боимся потеряться, раствориться. У каждого абхаза дома стоит перед носом «Последний из ушедших» – это книга о судьбе убыхов. Она очень реальна для нас. Исчезновение стотысячного народа ничего не стоит сегодня. И поэтому, если мы даже как-то чрезмерно болезненно проявляем заботу о своем самосохранении, мне хотелось бы, чтобы вы отнеслись к этому с пониманием. Ведь грузины – тоже не такой уж многочисленный народ, вы ведь тоже должны самосохраниться. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы чуточку ближе принимали нашу боль в этом плане. Говорят, что по отношению к малочисленным народам лучше пересолить, чем недосолить. Но, к сожалению, мы встречаем и такое: вас мало, и потому подождите, мы вам потом дадим. К сожалению, я вчера слышала несколько таких мнений: «Не позволим, не разрешим, подождите, не допустим».

Да, я представляю малочисленный народ, но я чувствую себя абсолютно так же, как стомиллионный русский народ и пятиллионный грузинский народ. Я чувствую себя так, и мне бы хотелось, чтобы и отношение ко мне было таким, чтобы сказали: «Мы с вами одинаковые. Давайте вот тот пирог, который мы сначала хотим попробовать, давайте вместе попробуем». Вот эти чисто человеческие, психологические, личностные моменты, которые, как мне кажется, не учитываются, они очень болезненно воспринимаются в Абхазии в силу многих причин, о которых я сказала и не сказала. Поэтому формирование гражданского общества – это, наверно, имеет очень важное значение как с нашей стороны, так и с вашей стороны. Мы так привыкли уже от всего отталкиваться. Если даже грузины сегодня

ня скажут: «Мы вас, абхазцы, озолотим», мы криком кричим, что нам этого не надо. Потому что мы всегда боимся подвоха. Боимся, что будут бить по голове, что опять отнимут язык, что пойдут войной. Вот здесь вчера говорилось, что во всех декларированных конституциях написано о мире, о правовом государстве, но тем не менее танки вошли, несмотря ни на что. Поэтому мне бы очень хотелось, чтобы эти моменты вами учитывались.

Вы не думайте, что в Абхазии все считают, что вся Грузия виновата, хотя я вам должна сказать, что мы очень мало информированы о том, какие процессы у вас происходят (наверно, точно так же и вы не знаете, что происходит у нас). Эта пресловутая «Свободная Грузия», о которой сегодня много говорят – вот мы ее только и видим. Студенты идут в Национальную библиотеку, а она постоянно там лежит, они ее читают и приходят в ужас: «Вы посмотрите, что говорят грузины, что они пишут!» Раньше в Ленинской библиотеке в Москве всегда лежали газеты из Грузии. Я прихожу, и там лежит только эта газета. В общем, мы узнаем о Грузии только через эту газету, и нам очень грустно и печально видеть то, что там пишется. Противопоставление себя Грузии, мне кажется, происходит еще из-за того, что у нас нет информации друг о друге. Я, наверно, очень много говорю, да?

Паата Закареишвили: Да. *(Смех в зале.)*

Далила Пилия: Все, я заканчиваю. Ну вот, наверно, все, что я хотела сказать. Паата так робко согласился, что ...

Реплика: А кто вам подсказал, что надо спрашивать? Вас ведь никто не дергал.

Далила Пилия: Вообще-то, преподаватели чувства времени не имеют, но я тут как бы настороже, и поэтому мне напомнили, что я исчерпала лимит времени.

Паата Закареишвили: У нас всего осталось полчаса, но можно еще немножко добавить. Я сейчас прочту список тех, кто записался...

Далила Пилия: Я закончу, можно? Прошу прощения, одна минута.

Еще одна моя боль, о которой я не могу не сказать. Я думаю, что здесь присутствуют одни из самых толерантных представителей грузинской общественности, и поэтому мы с вами больше понимаем, нежели другая часть нашего общества. Некоторые снова начинают говорить о двуаборигенности и т.д. – их немного, и они получили достойную оценку в литературе, в науке, в прессе, но мне бы очень не хотелось, чтобы это тиражировалось дальше. Мы опять вынуждены будем... Такие понятия только усугубляют, загоняют наши взаимоотношения в тупик.

Спасибо вам большое за внимание. Я была очень многословна.

Зураб Парцвания, Лига НПО Абхазии: Честно говоря, я не особенно готовился к сегодняшней встрече. Хотя проблему, поверьте, пережил изнутри всю.

Мы все время говорим о гражданском обществе, но мы говорим о том, чего нет. Даже сухумскую интеллигенцию затронули: существовал ли интеллектуальный потенциал? Я думаю, Арда со мной согласится: в Сухуми был достаточно хороший интеллектуальный потенциал. Здесь проблема не в интеллектуальности, не в наличии интеллигенции. Проблема в том, что на территории Советского Союза не существовало гражданского общества, об этом говорит сегодняшняя позиция даже грузинской стороны: «Мы это дадим, мы вам сделаем...»

Я коренной сухумчанин, семь поколений моих предков родились и выросли в Сухуми, восьмое – я, девятое – мои сыновья. Я, как и Арда, потерял там своих братьев. Но вот эта позиция, «мы вам дадим», мне непонятна. Не может быть общество культурным, когда там единицы культурных людей, не может быть общество гражданским, когда там единицы гражданских людей. А размахивание дубиной...

Вот откровенный пример: когда вчера говорилось о экономической блокаде Абхазии, меня несколько удивила постановка этого вопроса. Идет экономическая блокада всей Грузии и вообще всего Кавказа. Вот посмотрите, что творится на севере. Там просто наказывают очередной взбунтовавшийся народ. Мне не хочется применять эту модель обратно к Абхазии.

Я приведу один пример. Если позволит Паата, я буду говорить чуть больше, чем три минуты. Мне довольно долго ситуация не давала возможность вслух высказать свое мнение, с 1989 года. Это был первый кровавый конфликт на территории Советского Союза, когда люди, которых выгнали, я имею в виду турок-месхетинцев, без ничего, голые, пришли на границу, на Псоу. И тогдашнее молодое национальное грузинское движение с пеной у рта рванулось защищать грузинские границы. Просто с человеческой позиции было непонятно, как можно человеку, потерявшему все, отказывать в элементарном крове и хлебе. О каком гостеприимстве, традициях можно тогда говорить? Традиция была одна на всей территории Советского Союза – и в Абхазии, и в Грузии. Я никогда не разделял эти понятия, для меня родиной был Сухуми, там, где я родился. И когда меня спрашивают: «Ты откуда родом?» – я говорю, что из Сухуми. Это моя родина. Я очень хочу туда вернуться, но я не вижу, как я могу это сделать при сегодняшней ситуации и там и здесь. Мне трудно сказать, что Арда – «гость», потому что меня и Адгура связывала дружба. Поверьте, я не меньше нее... может, меньше, но переживаю искренне. Наши братья оказались по разную сторону баррикад.

Я не представляю, что сегодня туда могут вернуться беженцы. Беженцы стали флагом, спекуляцией и для той, и для этой стороны. «Вот мы вам независимость, а вы беженцев верните». Независимость – понятие абсолютное и может быть только перед Богом, скажем так. Свобода, равенство и братство имеют совершенно реальную подоплеку под собой. Свобода возможна только в духе равенства, равенство только перед законом, а братство только через частную собственность. Кстати, гражданское общество на Западе воспитывалось именно через эту частную собственность. Если этот институт не начнет работать и не начнет воспитывать гражданское общество, увы, ничего из этого не выйдет. Мы будем называться какими-то там... можно сколько угодно фехтовать терминами, изощряться в остроумии, но мы будем тем же советским государством, что, по сути, было просто рабством. Из этой позиции исходить нельзя. У нас есть некоторые интересные мысли, но мы со страхом смотрим, насколько нас не понимают. Если меня мои близкие друзья не поняли в 1989 году, когда я говорил, что нельзя отказывать туркам-месхетинцам в элементар-

ном человеческом сострадании... Ну, хорошо, допустим, ты внутренне против, но есть элементарные позиции выгоды – пойми, что нужно задекларировать свое отношение... Но даже этого не смогли сделать. Результат дал о себе знать через два часа, когда проезжали через Гудауту. Моментально (абхазы, наверно, помнят).

В обществе всегда бывают противоречия, недовольство. Нет общества, где не было бы противоречий, иначе это не общество, а муравейник. Но их надо решать, и не палкой, их надо проговаривать. Ну, невозможно же сказать: «Люби меня, я такой хороший. Ты должен меня любить». Ну, не любит тебя человек, не хочет. Я, как это мне ни больно говорить, с удовольствием предоставил бы абсолютную свободу абхазской стороне. Наши дамы выступают, как хорошее посольство Молотова, они очень монолитны. Увы, это тоже синдром советского общества. Мы все этим искалечены.

Тенгиз Пачкория: Несколько маленьких тем, маленьких и больших, но кратких. Тема беженцев. Адаптировались далеко не все. Можно сказать, большинство не адаптировалось, и не потому, что не смогло адаптироваться, а потому, что не желает адаптироваться. Не потому, что им не нравится Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди и т.д. – в этом они видят способ сохранения той ауры, того микроклимата, той среды, в которой они находились там – в Сухуми, Гагре и т.д.

Здесь почему-то никто не говорит о «новых беженцах», которые по существу являются «новыми грузинами», но не стали составной частью этого понятия – «новые грузины». А ведь новые беженцы (правда, их немного) со временем будут серьезно влиять на процессы и общественное мнение.

Что касается Гальского района и возвращения беженцев. Когда я спросил у Мананы: «Это же вам выгодно?» я имел в виду абхазское руководство. Да, это выгодно, и это вынужденный шаг. Протяженность границы между двумя районами, Гальским и Зугдидским – это примерно пятьдесят километров, и, естественно, у абхазской стороны не было возможности, если бы даже было такое желание, воспрепятствовать спонтанному возвращению жителей Гальского района даже в 1993 г. Первые группы шли обратно уже в октябре, в ноябре. И потом эта цифра дошла до сорока – сорока пяти тысяч, называют

даже другие цифры. Это буферная территория. Естественно, оно и не могло воспрепятствовать, если бы даже было желание.

Во-вторых, я думаю, что это выгодно абхазам вот почему (не буду называть фамилии тех абхазских деятелей, которые говорили об этом). Выгодно в экономическом плане, потому что Гальский район – самый экономически развитый, с точки зрения сельского хозяйства. И, естественно, возрождение сельского хозяйства помогло в какой-то степени решать те проблемы, которые были в других районах Абхазии.

Это выгодно абхазам и в пропагандистском плане (я не говорю, что это главная цель). Не зря они говорят: «Грузины живут у нас. Вернулась только часть, но они живут у нас». И есть еще много других моментов. Что же касается дальнейшего возвращения, то это другой вопрос. Потому что большинство жителей Гали – грузины, примерно около ста тысяч там жило до войны, примерно девяносто пять процентов – грузины. И они оказались в Зугдидском районе, они смотрели через Ингури на свои села. Поэтому их возвращение было естественно. И если абхазское руководство здесь исходило из прагматизма, это вполне нормально с этой точки зрения.

Что же касается сегодняшней темы – вопроса о возвращении беженцев в другие районы Абхазии – между беженцами из Гали и, скажем, беженцами из Сухуми есть разница психологического и иного характера. Не потому, что одни лучше других. Жители Гальского района в подавляющем большинстве не участвовали в боевых действиях, там и не было боевых действий. И поэтому здесь разные моменты. Это тоже сыграло свою роль. Что же касается возвращения в другие районы – очень многие хотят, но понимают, что это невозможно. А многие не хотят на тех условиях, которые сегодня есть. Я неоднократно спрашивал у президента Грузии: «Куда вы их загоняете? В какую Абхазию? Отдельную? Независимую? Федеративную? Конфедеративную? Мы должны сперва определиться. Если вы просто хотите вернуть туда людей, это другое дело». Это очень важный вопрос.

И, наконец, вопрос, который связан с независимостью. Пусть на меня обидятся, но я скажу. Вот уже два с половиной года значительная часть абхазских политиков не ставит вопрос о независимости в

том виде и той плоскости, как он ставился раньше. Но мы вот, здесь сидящие, такими вопросами постоянно вынуждаем абхазскую сторону говорить об этом. Ведь эти вопросы, я так понимаю, задаются, в основном, из любопытства... Покойный Зураб Ачба два с половиной года тому назад сказал: «Мы должны понять, что никто нас не признает в силу разных обстоятельств, хотим мы этого или нет (т.е. Абхазию как субъект международного права)», и он упрекнул нынешнее абхазское руководство в том, что оно создает иллюзию, что Абхазию кто-то признает. Он говорил: «Мы должны найти компромисс». И не только он так выступал – и многие другие, и в разных формах, но это не значит, что они принимают все то, что предлагает грузинская сторона.

Но почему мне приходится об этом говорить? Может быть, есть определенный информационный вакуум? Я не вижу вакуума. Значит, просто те люди, которые должны заниматься профессионально Абхазией, просто обязаны внимательнее читать те же грузинские газеты и, по возможности, абхазские. Есть передачи радио и телевидения. Когда вы говорите насчет «Свободной Грузии», я не знаю, почему вы заикливайтесь на одной газете. Я понимаю вашу реакцию, но ведь можно читать и другие газеты, слушать передачи радио и телевидения. Там очень много вестей, которые связаны с событиями в Тбилиси, со ссылками на разные источники и т.д. Конечно, другой русской ежедневной газеты нет.

Хотя последнее время абхазские газеты стали перепечатывать и грузинские издания. Например, нашумевшее интервью, на которое в Тбилиси никто не обратил внимания, интервью Сосо Маргишвили – начальника пресс-центра грузинских войск в Сухуми. Это очень образованный и интеллектуально развитый человек, который все это видел своими глазами, и он изложил в газете «Дрони» очень своеобразную версию причин и сущности конфликта, причин поражения и т.д. Сухумская газета «Республика Абхазия» перепечатала это интервью с сокращениями, и там был большой ажиотаж. Значит, и грузинские газеты стали перепечатывать (конечно, выборочно, но это ваше право).

Конечно, информационный вакуум есть в определенной степени. И здесь газеты не решают проблему. Я ставил вопрос перед

высшим руководством, чтобы на этих переговорах решить вопрос – может, это будет кому-то неприятно – чтобы обеспечить возможность, чтобы мы могли здесь, в разных регионах Грузии, свободно смотреть передачи абхазского телевидения, а в Абхазии – передачи тбилисского телевидения. Технически это можно сделать. Да, это затраты, но если какую-то часть гранта выделить на это, то в какой-то степени это позволит преодолеть этот вакуум, потому что у вас тираж газет маленький, у нас тоже тираж небольшой – люди не могут покупать (разные есть причины). К сожалению, телевидение – основной источник информации. В какой-то степени какой-то информационный вакуум это позволит преодолеть. Все, я закончил.

Реплика: Вопрос, пожалуйста. Кого вы имеете в виду под новыми беженцами?

Тенгиз Пачкория: Вы хотите, чтобы я назвал фамилии?

– Нет.

Тенгиз Пачкория: Я имею в виду, в первую очередь, бизнесменов в хорошем смысле этого слова, которые либо находятся здесь, либо в России, в Германии и т.д., которые пока не шумят, не говорят о себе, но они готовятся к тому, чтобы выйти на политическую арену. Это совершенно новые люди, которые никогда не были в политике.

Нателла Акаба: Они из числа беженцев?

Тенгиз Пачкория: Да, из числа беженцев из Абхазии. Некоторые из них уже вернулись в Тбилиси, вкладывают здесь свой капитал, свои деньги, и очень грамотно ведут дело. Это не радикалы, это прагматики. И я думаю, что они имеют хорошие контакты с абхазской стороной, определенные контакты с той частью абхазов, которых условно можно назвать «новые абхазы». Я думаю, что, возможно, через пару лет они скажут свое слово.

Паата Закареишвили: Насчет эти контактов я тоже хорошо знаю. Это довольно тесные контакты.

Тенгиз Пачкория: Я имею в виду не тех, кто сигаретами торгует.

Батал Кобахия: Есть некоторое преимущество, когда говоришь в конце. Потому что страсти уже поутихли. Самое большое преимущество будет у Абесалома. И самое тоскливое. Почему? Было время, когда я очень хотел говорить, видимо, потому что был накал страстей и эмоций.

Я очень радуюсь, что наша встреча уже почти завершается и мы смотрим друг на друга – не с любовью, как кто-то говорил, но с некоторой симпатией, и мне очень приятно, потому что, к сожалению, нужно констатировать факт, что личность не играет, конечно, какую-то глобальную роль, какую ей приписывают, но какую-то роль играет, хотя никто из нас не может существенно влиять на этот конфликт и на то, что у нас происходит. Мы имели какие-то стереотипы в отношении каких-то имен или названий каких-то организаций. Теперь я понимаю, что это не особенно важно, потому что, когда мы начинаем разговаривать, мы приходим к какому-то пониманию.

К сожалению, так получается, что все, на кого я реагировал, то есть те люди, которые задавали эти вопросы – они уже ушли. Но это вот жизнь такая: люди задают вопросы, а слушать времени нет или неохота.

Но все равно, раз вопросы были заданы, я отвечаю. Вот есть как бы такой стереотип, что мы лучше друг друга понимаем. Я иногда с раздражением думаю: когда мы говорим, что абхазы и грузины друг друга понимают лучше – что это значит? Лучше, чем кто? Всегда возникает вопрос – чем русский? Мы здесь два дня находимся, и некоторые говорят завуалировано, а в парламенте, в министерстве юстиции настолько завуалировано, что называют «третья сторона», и мне как бы давали возможность подумать: третья сторона – мы этого не хотим говорить, но это из Москвы. Знаете, если бы мы так хорошо знали бы, откуда эта третья сторона, то, честно говоря, мы могли бы решить свои проблемы. Я согласен с тем, что если третья, четвертая, пятая, шестая сторона могут влиять на наши инстинк-

ты, значит, нам надо подумать, как работать самим. А третья сторона всегда будет влиять.

Когда мы говорим – справедливость, несправедливость, мы должны ориентироваться на то, что мы люди, и если бы здесь сейчас был Рома Дбар, он с удовольствием рассказал бы, что частично у нас есть инстинктивная деятельность... *(Смех в зале.)* Конечно, во многом мы зависим от каких-то рефлексов. Вот, например, инстинкт безопасности тоже в нас очень сильно заложен, и мы не можем его игнорировать. И мне не нравится, когда вопрос беженцев ставится всегда вперед, но не нравится – это не значит, что вы не должны это делать, не пугайтесь.

Вот мы говорили – справедливость, нравственные вещи. Что это такое? Абхазцу очень трудно – ну, не абхазцу, а мне, скажем, очень трудно – поверить в вашу искренность, когда вы говорите о нравственности в отношении беженцев, в отношении заселения грузинских домов абхазами, т.е. что это безнравственно, и долгое время после войны упрекали нас в этом. В принципе, так оно и есть, и так и должно считаться там, где живут люди. Но, к сожалению, абхазы были свидетелями и других событий. Мне сложно поверить, что вы искренне так думаете, потому что я никогда не слышал от грузина осуждения того, что (ну, времена тогда были другие, нехорошие люди были у власти) греческие дома были заняты грузинами. Никто – ни из писателей, ни из философов, хотя бы когда это уже было возможно – не осудил того, что в течение одной ночи грузины заняли – в мирное время, а не в условиях войны – теплые постели людей, которых выселили, и потом, когда они вернулись через семь лет, не вернули им собственные дома. Если бы кто-то выразил сожаление по этому поводу, я бы уже несколько иначе относился к тому, насколько нравственно было абхазам занимать, допустим, чужие дома. Вопрос этот очень важный – вопрос собственности. Пусть не в те времена, но сегодня вы могли бы сказать, когда все позволено? Если мы будем говорить правду только тогда, когда нам это позволяют, то мы всегда будем свидетелями того, что мы сегодня, к сожалению, имеем. Это один момент.

Когда мы говорим о беженцах, почему-то мы все время думаем о грузинских беженцах, и мне кажется, что это тоже очень важный

момент, который отдаляет ваши интересы и понимание проблемы от абхазов, потому что есть и другие беженцы. Для абхазов понятие репатрианта связано с махаджирами, а мы не имеем даже права сказать, что мы желаем возвращения потомков абхазов, вынужденно перемещенных в конце XIX в. Нам всегда напоминают, что это было очень давно. Конечно, это было давно. У абхазов возникает другой аргумент, и это тоже нехорошо: что ж, тогда мы тоже создадим ситуацию давности, когда мы сможем сказать: «Это же было давно, зачем возвращать?» То есть всегда надо думать, что когда ты наносишь удар, то можешь получить обратную реакцию, обратную связь. Если ты не хочешь слушать этой обратной связи, возникает конфликт. Если мы прислушаемся друг к другу, мы могли бы подумать, как исправить данное состояние, потому что все-таки тут действительно к этому стремятся.

Паата правду сказал: «В гражданском обществе я знаю всех в лицо». К сожалению, не то что Паата знает гражданское общество Грузии в лицо – даже я их уже знаю. А у нас уж тем более. У нас и населения меньше, и поэтому, может быть, людей, вовлеченных в данный процесс, тоже меньше. Ну, мы, конечно, не авангард, но и как бы немножко оторваны от общества, от каких-то вещей, которые происходят.

Что касается общей массы беженцев, вы знаете, я иногда думаю, что если тем беженцам, с которыми мне приходится общаться, вдруг, не дай Бог, сказать: «Поезжай в Абхазию», он туда придет и просто умрет от страха. Потому что он хочет вернуться в некую Абхазию, которую он покинул, и другой, которой в его представлении просто не может быть, он не знает. Символы, которые висят у него на стене, уже давно отмерли, их нету. Не потому, что я этого не хочу – их просто нет. Может быть, я тоже хотел бы вернуть эти символы, но они умерли, их нет. Они хотят вернуться в ту жизнь, которая была. Но реально существует другая, а прежняя не может вернуться. Он должен быть готовым к тому, что вернется в совершенно другую Абхазию, которую он не знает, и, может быть, она даже покажется ему страшной (я не говорю, что она хорошая или плохая). Над этим надо задумываться. Я бы, например, желал вот чего: может быть, мы смогли бы повернуть сложившуюся тенденцию и — в этом была бы наша

заслуга – действительно шире включить этих людей. Мне не нравится этот термин, но в связи с войной возникло такое понятие, как маргинальные люди, люмпенизированные, т.е. люди, которые как бы отключены от жизни и не влияют. Может быть, они действительно высказались бы о том, чего они хотят. Понимаете, вот здесь, как я знаю, человек пятнадцать беженцев, но это не беженцы. Потому что, в моем понимании, что такое беженцы?.. Эти люди уже достаточно адаптировались к ситуации, они выражают свою точку зрения, они уже оторвались от тех проблем, которые их раньше волновали...

Тенгиз Пачкория: Вы ошибаетесь, Батал.

Батал Кобахия: Я, наверно, ошибаюсь. Я не Бог. Только вы не ошибаетесь. Но, может быть, они слишком оторваны от реальности. Мы часто общаемся с одними и теми же людьми, мы не всегда четко представляем себе ситуацию. Потому что кто-то считает, что он может говорить от лица целой категории людей... Дело в том, что, к сожалению, проблема их возвращения политизируется. А ведь абхазы не говорили, что не хотят, чтобы они вернулись. У вас даже есть книги, где были просто опросы населения (мы даже не давали им оценок) по поводу возвращения. Если бы вы их внимательно прочитали, там есть различные очень мнения о возможности возвращения грузинских беженцев – не вообще беженцев, а только грузинских – там спектры мнений. Каждое мнение отражает какие-то опасения: почему это связано с тем, а почему нет, а почему да, а почему он может? Эти вещи должны улечься. Но мне бы хотелось, чтобы мы всегда думали – действительно ли правильно, точно ли мы выражаем иногда свои интересы и соответствуют ли наши интересы интересам тех людей, от имени которых мы говорим? Я всегда, например, по этому поводу очень волнуюсь. Мне кажется, что я выражаю точку зрения не большинства. И Нателла, между прочем, права, когда она говорила, что, может быть, нас не так уж и много. Ну, вы прекрасно знаете: Абхазия – маленькая страна, и даже телевидения не нужно: вышел в кафе, сказал – и кому надо, все всё знают. У нас и возможности коммуникаций немножко другие, то есть у нас нет столько газет, телевидения, но всё, что мы хотим сказать, все, кому надо, знают. И мы, кстати,

обратную связь очень сильную получаем. Разную. Бывает, что и обстреливают нас, и мины подкладывают. Я не слышал, что такое с НПО в Грузии бывает. Но, действительно, так реагируют на то, что мы говорим.

Я не считаю, что мы очень сильно влияем на процессы в высших эшелонах власти, но то, что они реагируют, и то, что они действительно вынуждены с этим считаться – этот момент, конечно, есть. Не потому, что мы умные. Просто у нас как бы больше возможностей вести такой диалог.

Кстати, о телевидении. То, что вы говорите, мысль, конечно, интересная – чтобы вы могли смотреть абхазское телевидение, а мы грузинское. Я, правда, не смотрю абхазское телевидение. Я думаю, что в Грузии неплохо было бы (я тут каналы переключал), чтобы вы, наверно, и русское телевидение смотрели. Потому что, хотите вы этого или нет, но раз уж вы все время говорите «третья сила», надо знать, что она из себя представляет, эта третья сила.

Эмиль Адельханов: Батал сказал о домах греков, куда вселились грузины. Просто я не могу промолчать, что в 60-х годах, задолго до конфликта, мой приятель Гиул Антелава (он очамчирский) с гордостью мне говорил, что когда греков сослали, в их дома вплоть до их возвращения никто не вселился.

Реплика: Во время войны, я знаю, Гагру грабили, выносили всю мебель и т.д. Но пускай кто-нибудь скажет: в какие абхазские дома какие грузины заходили, жили и занимали эти квартиры? Таких прецедентов если и было, то, наверно, десять процентов.

Зураб Парцвания: Тогда можно узаконить награбленное, чтобы грабеж имел законную силу, и назвать всё это гражданским обществом.

Манана Гургулия: Все, все. Закончили на эту тему.

Паата Закареишвили: Есть какие-то общие нормы поведения, и нельзя задавать такие провокационные вопросы.

Шота Ахалая: Уважаемые дамы и господа! Паата не даст соврать, я записался только после перерыва, потому что не особенно горел желанием выступить. Потому что это мое первое присутствие в такой атмосфере, и это, наверно, накладывает отпечаток на человека.

Записался я вот по какой причине. Наблюдая за выступлениями в первой части, где, в основном, звучал голос наших гостей и наших тбилисских друзей, я как-то поймал себя на такой мысли, и не сказать об этом не могу: мягко говоря, начал проявляться старый рецидив, когда были взаимоотношения между сухумским и тбилисским правительством, когда Тбилиси, как правило, решал предложения, приходившие из Сухуми, без учета, а иногда и во вред грузинскому населению Абхазии. Было такое, можно привести не один и не два примера. И вот перед моими глазами снова встала такая тенденция. Я думаю, это к добру не приведет, потому что возвращаться (дай Бог, чтобы было это возвращение) на родину придется не тбилисцам, не кутаисцам, а нам, сухумцам. И мы, наверно, все же имеем определенное право сказать, в какую Абхазию мы хотим возвращаться.

Батал здесь говорил: если вы вернетесь, то можете ужаснуться. Вполне возможно, что мы можем ужаснуться, но если мы перенесли такие тяжелые условия, в которых нам приходилось жить, и выстояли, то я думаю, те условия, которые нас там встретят, нас не напугают.

Что еще я хочу сказать? Я не могу оставить без реплики высказывание г-жи Пилия, когда она сказала, что предупреждала своих грузинских коллег, что раздел коллектива по национальным признакам приведет к войне. Мы помним это высказывание, но почему-то всегда отчет раздела коллективов по национальному признаку ведут с университета, а ведь раздел коллективов по национальному признаку начался чуть-чуть раньше, чем раздел университета.

Далила Пилия: Разве это было хорошо?

Шота Ахалая: Да, это было плохо. У меня есть такое предложение, если вам не слабо. Раз в обществе бытовало и бытует мнение, что если не было бы событий 1989 г., связанных с университетом и т.д.,

может, попробуем устроить такую встречу между определенными частями наших коллективов? Подумайте об этом.

Манана Гургулия: У меня есть все протоколы, где вы участвовали. Только я предлагаю...

Шота Ахалая: Речь идет немножко о другом. Возможно, я нехорошо... Нет-нет, дайте мне досказать, если можно. Я говорю немножко о другом. Я говорю о встрече после восьми лет. Наверно, восемь лет и вас, и нас чему-то научили, вот о чем речь.

И последнее. На этом я заканчиваю. Что касается правительства Надареишвили. Было сказано, что для абхазцев оно неприемлемо. С таким же успехом можно сказать, что для них неприемлемо и любое другое правительство грузин. Я на что хочу обратить ваше внимание? Лично я на правительство Надареишвили смотрю с такой точки зрения и предлагаю вам тоже задуматься – я смотрю на него, как на единственный орган представительства беженцев. У нас другого органа представительства здесь нет. Понимаете? Вот с такой точки зрения посмотрите на эту вещь. Спасибо за то, что вы меня выслушали.

Нателла Акаба: Здесь очень много говорилось о событиях в Гальском районе, и опять, к радости Пола, я должна как бы провести параллель с событиями, происходящими сейчас между арабами и израильтянами, потому что и там, и там есть нечто общее. Почему неправительственные организации Абхазии оперативно не среагировали на то, что происходило в Гальском районе? Они всё равно не смогли бы, вы понимаете, предотвратить эти события. Они единственное, что могли бы, это как бы кричать и бить во все колокола. И вот мне кажется, когда речь идет о том, что конфликтологи называют «basic human needs», тут уже никакие превентивные меры, никакая народная дипломатия не поможет, потому что на карту поставлены вопросы безопасности государства. И Грузия, если ее безопасность будет как-то затронута, будет действовать, исходя именно из этих соображений. И вряд ли какие-то неправительственные организации, гражданское общество смогут помешать. Мне кажется,

ся, надо сделать так, чтобы такие ситуации стали невозможны. Это единственный путь.

Что касается нашей сегодняшней встречи, я хочу сказать, что это очень важный поворот, потому что (я опять буду очень откровенна, и прошу вас на это не обижаться) всегда очень трудно говорить с теми, кто называет себя беженцами. Я долго думала и пыталась понять, почему мне трудно. Этому есть целый ряд объяснений, и для меня лично самое главное, мне кажется, что этот ярлык «беженцы» кто-то навесил на этих людей, чью боль, мне кажется, я понимаю – конечно, может быть, не в полной мере. Мне кажется, этот ярлык очень мешает. Эти люди должны ощутить себя людьми, гражданами, свободными людьми. Может быть, даже не так важно, гражданами какой страны, а просто личностями. И когда человек говорит о себе: «Я беженец» или «Я – IDP», меня это как-то шокирует. Мне кажется, что надо постараться себя так не воспринимать. Как бы то ни было, эти люди являются в первую очередь людьми и живут на земле. В конце концов, земля принадлежит Богу, а не каким то народам.

Я хочу сказать еще вот что. Сегодня здесь были сказаны две вещи, которые меня очень воодушевили. Например, то, что сказали те люди, которые называют себя «беженцами» (но я не хочу их так называть) – то, что они оказались как бы вне гражданского общества. Ни грузинское гражданское общество, ни абхазское гражданское общество их как бы не принимают. И очень важно, что они это осознают. (Мне кажется, что в этом есть и доля их вины тоже.) Почему же им не создать свое гражданское общество и не выдвигать своих лидеров? А те люди, на которых вы все сегодня ссылаетесь – это для многих сегодня в Абхазии символ того, что произошло. Они являются носителями всей этой трагедии. Я очень хорошо помню... По-моему, я одна тут бывший депутат... (Паата, извини меня, что я задерживаю.) Я единственный депутат того самого парламента, и поэтому мне легко говорить, потому что никто меня не опровергнет, но я могла бы это сказать и в беседе с моими бывшими коллегами... Я очень хорошо помню, как господа Надареишвили, Колбая и другие после каждого нашего какого-то предложения бегали звонить в Тбилиси. Вот отчего началась война между грузинами и абхазами, а не оттого, что

был образ врага и мы ненавидели друг друга: они не хотели ощущать себя гражданами Абхазии, они не хотели решать вопросы внутри Абхазии, и даже по вопросу государственной символики были такие большие дискуссии... Мы знали, раз они просят перерыв, значит, они бегут звонить в Тбилиси. И сегодня опять эти люди... Мы знаем, что если возвращение беженцев будет происходить под эгидой Надареишвили и Колбая – это опять повторение того же сценария. Я никогда не поверю, что эти люди сегодня мыслят по-другому, что они извлекли уроки. Хотя, в принципе, их существование, возможно, в какой-то степени для абхазской стороны даже и выгодно. Но если рассуждать с точки зрения гуманизма, то мне кажется, пока у вас не появятся новые лидеры — лидеры, ничем себя не запятнавшие – наверно, трудно будет считаться с той категорией людей, о которой я говорю.

Мы недавно видели, когда ввели визовый режим между Россией и Грузией – по телевизору показали, и этот сюжет очень много раз повторялся – как неправительственные организации Грузии проводят митинг не за то, чтобы не вводили визовый режим между Россией и Грузией, а за то, чтобы его ввели и отношении Абхазии. Мне кажется, это очень показательно для состояния нашего общества сегодня: если мне плохо, то пусть другому будет еще хуже. Это не гражданское общество, это нечто другое.

Эмиль Адельханов: В Тбилиси несколько тысяч неправительственных организаций, и то, что какие-то маргинальные из их числа устроили такой митинг, ни о чем не говорит...

Нателла Акаба: Но согласитесь, что имидж НПО несколько... Ну, я, может быть, и права.

Гия Анчабадзе: Во всяком случае, *никто* не сказал, что визовый режим надо отменить. Все политики закричали, что это должно быть и в отношении Абхазии и Южной Осетии тоже.

Нателла Акаба: Да, это не только НПО говорили... Это все говорили.

Паата Закареишвили: Никто не сказал, что они не имеют права вводить визовый режим, но они не имеют права вмешиваться в интересы, в работу другого государства. Т. е. они имеют право для себя определять визовый режим. Вот пусть Россия для себя и определяет, никто не имеет права предъявлять ей претензии: почему ты так определяешь? Но когда она начинает в другой стране производить селекцию населения – это уже вмешательство во внутренние дела. Об этом и идет речь. Я не знаю, какие лозунги держали эти НПО... Последний выступающий – Абесалом.

Шота Ахалая: У меня вопрос. Было сказано, что должны быть новые политики, которые не запятнаны ничем. У меня вопрос. Кто будет определять и как будет определять – пришедшие политики запятнаны или нет ?

Нателла Акаба: Это вы будете определять. Я вот об этом и говорю, что если вас сегодня устраивает Надареишвили и Колбая, то мне все ясно. Это ваше право. Вы можете их любить и уважать.

Шота Ахалая: Значит, вы должны уважать и принять наш выбор.

Нателла Акаба: Ну, какой же это ваш выбор? А можно, тогда я задам вам вопрос? Вы действительно считаете их легитимными? Мне хотелось бы узнать: на чем основана их легитимность? Вот, например, тот самый парламент Абхазии, в котором я сама была, он что же, до скончания веков будет легитимным?

Абесалом Лепсая: Я постараюсь быть кратким, и если останется время для Гии Анчабадзе...

Гия Анчабадзе: Мне много времени не надо.

Абесалом Лепсая: Я хочу вернуться к вопросу о гражданских инициативах и гражданском обществе. Я тоже согласен с той посылкой, что гражданское общество, в принципе, не решает конфликт и не регулирует войны, поскольку причиной этих войн является не-

гражданское общество, и негражданское общество может их урегулировать, если этим не занимаются государства, если в этом нет заинтересованности в обществе в целом. И поэтому формирование гражданского общества важно само по себе – не потому, что оно должно урегулировать какой-то конфликт или не должно его урегулировать. Это не имеет значения, гражданское общество все равно надо строить.

Но есть один очень важный момент: гражданское общество строится по принципу открытого общества. Там, где мы имеем дело с конфликтом этнополитическим, там возникают этнические коллизии. А гражданское общество строится на других принципах – на принципах преваляирования именно гражданских ценностей, и поэтому страны, где есть гражданское общество, имеют больше возможностей и условий для урегулирования такого конфликта.

Касаясь нашего процесса, я хочу сказать следующее. Мне кажется, что наш процесс урегулирования конфликта подошел к новому этапу. Мы уже использовали какой-то естественный ресурс, который существует в отношениях между Грузией и Абхазией, в том смысле, что какими бы кровавыми ни были конфликты, все равно между людьми всегда есть потребность что-то высказать, общаться и строить какие-то мосты. И вот мы подошли к какому-то новому этапу в том смысле, что этот естественный ресурс мы уже использовали. Та волна, на которой мы идем – это волна естественного ресурса. Мы его использовали, и это тоже надо было сделать, это само по себе не возникло бы. И на этой естественной потребности в общении, в том, чтобы проговорить существовавшие проблемы – на этой волне мы подошли к нынешнему этапу. И дальше, мне кажется, если мы хотим влиять на наши сообщества в более конструктивном плане, нам надо перейти какую-то грань. И вот это мне кажется важнее, чем просто количественное расширение, рост числа участников. Если уровень диалога останется тот же самый, не будет дальше повышаться, он не будет влиять на эти сообщества.

Нам надо уже заниматься конструированием каких-то возможных отношений. На естественном ресурсе прогресса в нашем процессе уже не будет. (Я имею в виду не только этот проект, но и дру-

гие, в которых я участвую.) Нам уже надо вырабатывать, моделировать, конструировать какие-то решения, основываясь на том, что мы имеем. По сути, мы должны уже заниматься построением мотиваций для сосуществования. (Может быть, это можно назвать так.) Вот тогда это будет способствовать большему влиянию и в своих сообществах тоже. Потому что просто говорить, что мы должны жить в мире и т.д. – этого уже недостаточно.

Мне кажется, в этом смысле мы подошли к очень ответственному моменту. Мы часто говорим, что мы живем в разных обществах. Грузины, например, говорят, что они хотят построить государство, которое должно быть приемлемо для абхазов. Я не думаю, что грузины должны иметь такой подход: давайте построим государство, а потом скажем абхазам – смотрите, мы построили государство, в котором вам будет хорошо. Грузины должны строить такое государство, в котором должны жить нормально все, и абхазы у себя должны строить такое государство. Но здесь есть один момент. Хотя мы живем в разных обществах или в разделенных сообществах, но мы живем внутри одной проблемы, т.е. сообщества у нас разные, но на самом деле мы находимся внутри одной проблемы. Нас разделяет множество противоречий, но проблема у нас одна, и то, что мы пытаемся ее решить, нас объединяет. В той степени, в какой мы можем решать эти проблемы, в какой мы обсуждаем эти проблемы и пытаемся что-то сделать, в той же степени мы сами – как в Абхазии, так и в Грузии – строимся как нации и государства в современном смысле этого слова. Вот мой подход. В грузино-абхазской проблеме для меня границы нет. Я считаю, что это и абхазо-абхазская проблема и грузино-грузинская проблема, потому что любой вопрос, который у нас возникает, любая проблема, с которой приходится сталкиваться, неизбежно связаны с ситуацией внутри наших сообществ, со становлением этих сообществ, и одновременно с грузинской проблемой. Для меня это важный пункт: понять, что хотя мы в разных сообществах, но мы внутри одной проблемы, проблема одна – это процесс самостановления. Невозможно сказать – это вот грузино-абхазская проблема, а вот это еще какая-то. Это одна проблема, внутри которой мы находимся. Это должно быть очень сильным побудительным мотивом для дальнейшей работы.

Я много что имел еще сказать, но я хотел бы, чтобы Гия Анчабадзе тоже сказал несколько слов.

Паата Закареишвили: Один вопрос, если можно. Что вы подразумеваете под естественными ресурсами? Более четко, если можно.

Абесалом Лепсяя: Нет, я не людской ресурс имею в виду. Я имею в виду естественную потребность говорить друг с другом, чтобы высказаться, прояснить ситуацию и т.д. Какой бы тяжелый конфликт ни был, стороны могут ненавидеть друг друга, но эта потребность есть всегда. Мне кажется (это мое мнение, может быть, кто-то с этим не согласен), мы шли на этой волне – мы проясняли, оформляли свои позиции. Это, безусловно, важная работа, и эту работу тоже надо было сделать. И, как мне кажется, это мы в какой-то мере сделали. Если мы хотим и дальше повышать качество этого диалога, мы уже должны находить мотивы для построения будущих отношений. Но это уже не пойдет на волне естественной потребности просто что-то говорить, выяснять какие-то отношения, формулировать позиции. Теперь уже нужно, что называется, «motivation building», нужно уже построение мотиваций. Это очень сложно, но, мне кажется, что мы уже где-то к этому подошли.

Гия Анчабадзе: У меня не выступление – просто реплика. Я хочу закончить то, что хотел сказать. Конечно, решение России в одностороннем порядке где-то закрыть границу для безвизового проезда, а в другом месте оставить открытой, как было – это не вполне увязывается с практикой межгосударственных отношений. Сами русские тоже это чувствуют; я слышал заявление по телевидению, не помню, кто это был – он сказал, что граница закрывается только потому, что идет чеченская война. Но ведь в 1994 г. границу на Псоу закрыли тоже из-за чеченской войны?!

То, что несколько неправительственных организаций устроили митинг протеста перед посольством России в Грузии по поводу намечающегося ослабления режима на Псоу – это я знаю. Однако, нельзя сказать, что там был весь спектр грузинских НПО. Это было несколько небольших организаций; людей было мало, и

поэтому, нельзя сказать, что это сделали грузинские неправительственные организации в целом. Но я хочу сказать, что грузинские неправительственные организации должны были как-то показать свое отношение к этому факту, потому что как только Россия начала говорить, что она вводит визовый режим, грузинские политики тут же заявили, чтобы закрыли также и Абхазию с Южной Осетией. Затем я помню такую фразу по телевидению: «Возникла возможность с помощью визового режима решить законсервированные политические проблемы». Дальше еще кто-то сказал, что хорошо, что вводят визовый режим, потому что теперь можно разобратся с Абхазией. Но что это такое – опять блокада Абхазии, да? Опять мы будем стараться абхазов загонять в угол? Семь лет прошло, и эта политика не дала результатов. Она не даст результатов и дальше. Вот тут, я думаю, грузинские неправительственные организации, которые считают себя предвестниками гражданского общества, стараются контактировать с абхазами по линии гражданской дипломатии, должны были показать свою принципиальную позицию. Мы уже неоднократно фиксировали свою точку зрения насчет блокады. И когда пошла эта новая волна, теперь уже фактически блокада из-за визового режима, вот тут как раз надо высказаться. Вот что я хотел сказать.

Нино Дурглишвили: Мы начали обсуждать, по-моему, очень интересную тему, но потом вышли за рамки этой темы. Для меня проблема стоит так: отношения сами по себе ничего не решают, потому что у Грузии и Абхазии были многовековые отношения, но ни эти отношения, ни даже родственные отношения, которые тоже имелись, не смогли предотвратить кровавый конфликт.

Мы с Мананой познакомились только вчера. Мы хотим знать, какие общества мы собираемся сформировать как гражданское общество и какие новые отношения мы должны установить друг с другом, чтобы эти отношения были крепче и продуктивнее, чем те отношения старых обществ, которые оказались беспомощными перед этим конфликтом – по-моему, в этом направлении мы не продвинулись пока вперед, к сожалению. А это очень важно, об этом свидетельствует тот ближневосточный конфликт, о котором мы говорили

вначале. Важно, чтобы наши встречи не остались на уровне разговоров. Говорить – это, конечно, очень хорошо, но грузины и абхазы много раз говорили, дефицита разговора между ними не было, а есть дефицит новых обществ и новых отношений, которые будут как-то помогать реализации нашего общего желания – урегулирования этого конфликта. И у меня просто есть желание и предложение – лучше обсуждать этот более конструктивный вопрос, чем снова и снова... Нет, я просто уже шесть часов сижу и слушаю, как каждый человек заново обсуждает какую-то старую позицию, уже высказанную мысль, а мы всё на том же месте.

Эмзар Джгереная: Грузинская сторона все еще поет старую грузинскую песню, что они самые лучшие на Кавказе.

Реплика: А может, мы не о себе.

Эмзар Джгереная: Грузины – нарциссы и не умеют иногда выслушивать другие народы, их проблемы. Я считаю, что читать здесь мораль нашим маленьким братьям – это неприемлемо.

Реплика: Наверно, «младшим братьям»? (*Смех в зале.*)

Эмзар Джгереная: Извините, я это говорю о нашем отношении к «гостям» – абхазцам и другим народам, которые проживают под нашей властью и рядом с нами. Отношение именно такое, и это весьма печально. Мы должны что-то менять... Реальность уже совсем другая, а мы почему-то ее не осознали. В конце концов, мы должны осознать, что беседуем с другим народом и старых реалий больше нет, они уже не существуют. Эта старая песня, я не знаю, сколько она будет продолжаться, но ничего нового пока нет.

Гражданское общество – это миф, который витает в Грузии, витает в Абхазии. Не представители НПО должны встречаться. Я думаю, что должны встречаться простые люди, и это будет весьма плодотворно, потому что лично я – не классический грузин...

Реплика: Он классический мегрелец!

Эмзар Джегереная: ...и абхазы у нас – тоже не классические абхазы; классика в другом месте – она в деревнях, в глуши, и мы должны извлечь людей из этой глуши, и они должны здесь поговорить.

Мое предложение такое: чтобы в будущем я не принимал бы участия в таких разговорах – мы и так с полуслова понимаем друг друга. И самое главное – должны встречаться те люди, которые вовлечены в реальную жизнь, у которых проблемы, у которых погибли родственники, и т.д. Вот они и должны общаться друг с другом. Тогда, может быть, что-то решится, тогда, может быть, люди выскажутся и будет какое-то решение проблемы.

Пола Гарб: Конечно, возвращаться к этим старым вопросам необходимо. Я думаю, что наша встреча показывает, что мы это недостаточно делали. Но в то же время я согласна, что хорошо было бы вести конструктивный, дельный разговор. Тут было много новых людей... Но это уже дело организации. Я думаю, что мы не напрасно потеряли шесть часов. Я лично получила от этого общения очень много, и думаю, что другие тоже. Но давайте вместе подумаем, как говорить о каких-то конкретных решениях, которые могут привести к лучшему будущему. Звучит банально, но я думаю, что вы поняли мою мысль. Я считаю, что это было полезно. Вот что я хочу сказать. Спасибо вам.

Арда Инал-Ипа: Я, во-первых, хотела поблагодарить всех за то, что вы собрались здесь в выходной. Не все выдержали полный день, но все-таки спасибо за внимание.

Я считаю, что то, что мы не обсудили предложенную проблему (не израильско-палестинский конфликт, не так стояла задача – мы хотели, чтобы вот этот пример срыва миротворческого процесса подстегнул нас найти какой-то новый путь предотвращения эскалации конфликта, но сегодня это не получилось), я считаю, что это вина нашего конфликта, потому что сегодня мы впервые встретились с теми людьми, с кем мы должны были встретиться раньше. И нам не удалось это организовать. Естественно, и мы хотели их выслушать, и они хотели высказаться, и мы не могли через это перескочить. И, естественно, я считаю, что это упущение.

ние нашего проекта. Но я считаю, что эти шесть часов прошли очень полезно.

Что все-таки хотелось бы сказать о будущем? Мы много раз говорили, что не влияем на официальные структуры власти, но мне кажется, что если мы будем так говорить, от этого ничего не изменится. Наоборот, нужно поверить в то, что мы можем повлиять. Если Паата влияет на меня, почему он не может повлиять на какого-то политика?

Я знаю, что сейчас обсуждаются два документа – соглашение о мире между Абхазией и Грузией (переговорный процесс все-таки продолжается) и протокол о беженцах. Я знаю, что там очень много препятствий, хотя это не какой-то документ, составленный Россией или кем-то еще, этот документ составлялся двумя сторонами. И мне кажется, что если бы мы все-таки тоже поспособствовали подписанию этих документов, это немножко продвинуло бы нашу ситуацию. Потому что соглашение о мире – очень важный документ, и если привлечь международных гарантов к тому, чтобы оно выполнялось... Это соглашение не означает решения никакой политической проблемы, но оно создает спокойное пространство для поиска каких-то новых решений. Вот сегодня говорили, что абхазские власти пугают угрозой возобновления войны и этим как бы отводят внимание от внутренних проблем построения демократического государства. Вот если была бы гарантия того, что мир действительно будет сохранен, гарантирован двумя сторонами, посредниками и т.д., то этих аргументов уже не было бы и мы действительно могли бы вплотную заняться этими проблемами.

Я не понимаю, что мешает нашим организациям потребовать скорейшего подписания? Может быть, там нужно что-то изменить в тексте и т.д., так пусть это не будет закрытым процессом. Я не понимаю, почему наши народы нужно оберегать от информации о том, что идут, я считаю, полезные консультации и переговоры на тему этих двух документов – протокола о беженцах и мирного соглашения.

А вообще, я хотела еще раз поблагодарить за ту атмосферу, которая здесь была. Были и острые моменты, но я все-таки считаю, что в некоторых мононациональных коллективах конфликтности иногда

бывает гораздо больше, чем в нашей группе сегодня, когда мы представляем две противоположные стороны. В некоторых семьях атмосфера бывает и похуже, и я, в общем-то, считаю, что иногда только наша косность мешает нам что-то все-таки предложить миру. Может быть, мы могли бы чем-то удивить мир, нашли бы какой-то шаг, какое-то предложение, какое-то обоюдное соглашение. Я считаю, что раз такая атмосфера все-таки есть, то мы должны ею воспользоваться – она создает благоприятную почву для того, чтобы мы сделали какой-то шаг. Спасибо.

Марина Пагава: В самом деле, Арда, это очень важный вопрос. Это не соглашение о мире, а соглашение о невозобновлении военных действий. Один из документов, которые мы хотели подписать на женской конференции в Пицунде – это как бы требование или просьба к нашим правительствам подписать этот документ. Получилось так, что Нателла должна была (мы так договорились) составить этот документ и прислать нам, но тем временем вы приехали сюда. А до этого мы были у министра Какабадзе (по другому делу), и я поинтересовалась, есть ли у него текст этого документа и что мы вообще собираемся подписать (мы знали только название), и он мне сказал, что документы в самом деле составлены, но один документ составлен абхазской стороной, а другой грузинской стороной. Первым пунктом в обоих документах идет вот эта фраза о невозобновлении военных действий. Но далее идут какие-то пункты, по которым они не согласились; в абхазском документе это, например, защита прав возвращенных только в Гальский район, а с грузинской стороны это было, сами понимаете, требование массового возвращения беженцев. Это был, по-моему, основной камень преткновения.

Мы с Нателлой немножко обсудили эту тему в перерыве. Можно было бы попросить из обоих документов вот этот первый пункт и попросить наши правительства составить хотя бы только такой документ – о невозобновлении военных действий. Я думаю, что нормальные люди и с грузинской, и с абхазской сторон поддержат это решение наших правительств. Вот это мы должны обсудить.

Паата Закареишвили: Надеюсь, больше никто не будет выступать. Я хочу поблагодарить всех. Я два раза записал себя в списки выступающих и оба раза выключил, так было интересно. Мне было гораздо интереснее слушать вас, чем говорить самому.

Конечно, встреча была сумбурной, но такую встречу нужно было провести. Я был далек от мысли, что мы будем очень стройно обсуждать палестино-израильский конфликт и проводить параллели с грузино-абхазским. Я в это не верил и получил то, что ожидал.

Я вам благодарен, что вы вели себя так, как должны были вести. Огромное спасибо за сегодняшний вечер. Надеюсь, будем встречаться чаще.